

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Анатолий Григорьевич Слуцкий

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г.

КРАТКИЙ ОЧЕРК

веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

все материалы о Парижской коммуне 1871 года
<http://istmat.info/node/28030>

Настоящая работа является кратким научно-популярным очерком по истории Парижской Коммуны 1871 г.— первого опыта диктатуры пролетариата. Основанная на широком круге источников — официальных изданий Коммуны, протоколов ее заседаний, прессы, мемуарной литературы, книга учитывает выводы и достижения современной передовой исторической науки, в особенности советской школы историков Парижской Коммуны. В работе широко использованы высказывания основоположников научного коммунизма — К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина об опыте коммунаров.

Иллюстративный материал — из фондов Музея Маркса и Энгельса при ЦК КПСС.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1964

ВТОРАЯ ИМПЕРИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Вторая империя и рабочее движение Франции	3
Глава II. Франко-прусская война 1870 г. и революция 4 сентября	26
Глава III. Истоки Парижской Коммуны — 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г.	38
Глава IV. Революция 18 марта. Первые десять дней . .	65
Глава V. Парижская Коммуна — новый тип государства	97
Глава VI. Деятельность Парижской Коммуны	121
Глава VII. Оборона Парижа. Армия Коммуны в борьбе с версальцами. Последние дни Коммуны	167
Глава VIII. Основоположники научного коммунизма о Парижской Коммуне	229

Революция 1848 г. во Франции закончилась поражением рабочего класса и переходом власти к Луи Бонапарту, племяннику Наполеона I. Этот политический авантюрист, до революции находившийся в изгнании, воспользовался крайне неустойчивым соотношением классов в стране, недовольством крестьянства политикой Второй республики и 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот. Ровно через год — 2 декабря 1852 г. — он был провозглашен императором Наполеоном III и правил Францией до 4 сентября 1870 г., когда народная революция в Париже смела империю. Период с 1852 по 1870 г. носит название Второй империи.

Бонапартизм, лавирующий между классами, раздираемыми противоречиями, стремился придать своей политике «надклассовый» характер. Но это было только видимостью. На деле политика императора выражала в конечном итоге интересы наиболее реакционной части имущих классов. Действительное господство оказалось в руках крупной буржуазии, финансовых магнатов и владельцев крупной земельной собственности.

После переворота 1851 г. был установлен жестокий полицейский режим. «...Во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме»¹.

Почти все демократические завоевания революции 1848 г. были ликвидированы.

Права Законодательного корпуса и Сената, лишенных законодательной инициативы, по сути дела были призрачными; эти парламентские учреждения превратились в ширму для грубого полицейского деспотизма.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 344.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
60	11 стр.	четвертная	четвертая
62	6 св.	треть	более трети
133	1 св.	баланкиста	баланкиста
154	13 св.	описывали	описывая
192	3 стр.	Мийо	Майо
208	20 стр.	Валь-Флери	Валь-Флери

Были разгромлены все демократические организации, закрыты неугодные правительству журналы и газеты, политические клубы. Высшие учебные заведения и школы были отданы под контроль полиции и католического духовенства. Наиболее реакционным курсом отличались первые девять лет господства Луи Бонапарта.

Не опираясь ни на один класс непосредственно, Наполеон III должен был удовлетворять интересы различных классов и заигрывать со всеми классами. «Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого»², — писал К. Маркс.

Чтобы удержаться на этой противоречивой классовой основе, Наполеон начал усложнять и усиливать государственную бюрократическую машину. Разрастался и укреплялся государственный аппарат, возрождались высокие оклады чиновников, на иерархической лестнице буржуазного государства для них создавались новые доходные места. Бюрократический аппарат империи разросся до колоссальных размеров. Только гражданских чиновников было около полумиллиона. Централизация управления была доведена до крайности.

Особым покровительством империи пользовалась католическая церковь. «Господство *попов* как орудие правительства»³ было одной из «наполеоновских идей». Бюджет церкви с 1852 по 1859 г. были увеличен с 39,5 до 46 млн. франков; в 1868 г. он составлял уже 53,7 млн. франков — около 10% общего государственного бюджета, в то время как на народное образование отпускалось немногим более 0,5%.

«Никогда церковь не получала более широких поблажек, никогда не прилагалось столько забот к постройке церковных зданий, никогда церковная утварь не увеличивалась в такой степени», — писал о Второй империи один католический историк. 40 тысяч священнослужителей и 50 тысяч монахов, которых содержала империя и которым она покровительствовала, были проводниками политики Наполеона III среди широких слоев крестьянства, внушали им покорность и уважение к «империи порядка».

В 1865 г. во Франции было 300 монашеских орденов (конгрегаций), руководивших несколькими тысячами воспитательных и просветительных учреждений. Среди них было особенно много учреждений для сирот, детей и девушек. В одном Париже находилось 25 мужских и 76 женских конгрегаций, в которых насчитывалось около 6 тысяч монахов и монахинь. По закону Фаллу (названного так по имени его автора — тогдашнего министра просвещения), все школы, в особенности начальные, ставились в полную зависимость от католического духовенства.

«Наконец, кульминационный пункт „*idées napoléoniennes*” — это преобладающее значение *армии*»⁴, — писал Маркс. Армия, ее руководящий командный состав становились средоточием внимания Наполеона III, пользовались его особым покровительством. Многочисленные захватнические войны, которые он вел, должны были укрепить силу и мощь империи, ее династические интересы. Вместе с тем эти войны являлись доходными предприятиями как для командного состава армии, так и для крупных финансовых дельцов. В первые восемь лет империя вела ряд грабительских колониальных войн в разных частях света за расширение французских владений в Северной Африке (Алжир), в Индокитае (Вьетнам и Камбоджа), в Китае. К 1870 г. колониальные владения Франции возросли до 900 тыс. кв. км с населением более 6 млн. человек.

Годы Второй империи совпадали с завершением промышленного переворота во Франции. Хотя буржуазия в то время и не пользовалась всеми политическими правами, но ее экономические интересы процветали. «Луи Бонапарт отнял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против буржуазии; но зато его господство способствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению всей буржуазии в целом», — писал Ф. Энгельс⁵.

Период Второй империи был временем бурного расцвета основ капиталистического развития страны. Несмотря

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 215.

³ Там же, стр. 212.

⁴ Там же, стр. 213.

⁵ Там же, т. 22, стр. 192.

ря на экономические кризисы 1857 и 1867 гг., общий объем промышленной продукции страны почти беспрерывно рос; с 1851 по 1859 г. он удвоился. Более чем в три раза увеличились обороты внешней торговли.

Почти во все главные отрасли промышленности проникло фабричное машинное производство. Завершилась в основном промышленная революция. С 1850 по 1869 г. число предприятий с паровыми двигателями увеличилось с 5332 до 26 221, а их мощность возросла с 66 642 л. с. до 320 447 л. с.

Основные отрасли тяжелой промышленности развивались бурными темпами. С 1851 по 1869 г. добыча каменного и бурого угля в количественном выражении утроилась. Производство чугуна увеличилось более чем втрое, железа — более чем в три с половиной раза, стали — почти в восемь раз.

Быстрому развитию тяжелой промышленности в значительной степени способствовало расширение сети железных дорог и судостроения (протяженность железнодорожной сети за указанный период возросла почти в пять раз).

Хотя тяжелая промышленность за эти годы развивалась быстрее легкой, но по удельному весу в общем объеме производства последняя занимала господствующее положение. Доля тяжелой промышленности оставалась еще очень незначительной. Стоимость ежегодного производства одежды и различных предметов туалета равнялась 1400 млн. франков, а тяжелой промышленности — 565 млн. франков.

По данным переписи 1866 г., общее число рабочих, занятых в текстильной промышленности, производстве одежды и предметов роскоши, равнялось 1 589 667 (из общего количества наемных рабочих во Франции 2 938 153 чел.), тогда как в металлургической, добывающей, химической промышленности и металлургическом производстве было занято всего только 339 166 чел.

Внедрение машинного производства вело к концентрации промышленности. По данным 1865 г., на долю крупной промышленности приходилось около половины всей произведенной продукции. Господство машинного труда начало устанавливаться прежде всего в легкой и особенно в текстильной промышленности. В добывающей и металлургической промышленности в это время также

уже были предприятия с числом рабочих от 100 до 1000 человек.

Система поощрения и гарантирования прибылей из народного кармана, введенная Луи Бонапартом, привела к тому, что к 1857 г. почти вся железнодорожная сеть Франции (16 071 км) была сосредоточена в руках шести железнодорожных акционерных компаний вместо сорока прежних. К концу 60-х годов небольшая группа финансистов и промышленников владела важнейшими банковскими, транспортными и промышленными предприятиями страны.

Концентрация капиталов происходила и в области торговли, которая за годы Второй империи возросла на внутреннем рынке вдвое. Появились крупнейшие универсальные магазины с миллионными оборотами, такие, как «Бон-Марше» (1852), «Лувр» (1855), «Бель-Жардиньер» (1856) и др.

С ростом промышленности во Франции росли и города. Городское население, составлявшее в 1851 г. 25,52% всего населения страны, увеличилось к 1866 г. до 30,16%; за это же время сельское население уменьшилось с 74,48 до 69,54%.

Особенностью капиталистического развития Франции уже в этот период являлся его ростовщический характер.

50—60-е годы были периодом господства финансовой аристократии. В безудержных колоссальных биржевых спекуляциях особую роль начали играть биржа, банки и кредитные общества. Операции парижской биржи за годы Второй империи утроились. За эти годы возникли или реорганизовались крупнейшие банки и кредитные учреждения страны. «Французский банк» («La banque de France»), основанный еще в 1800 г., с 1851 по 1869 г. увеличил свои операции более чем в пять раз; учет векселей возрос в пять раз; золотая наличность банка увеличилась более чем в шесть раз. Число его филиалов в провинции за это время удвоилось (61 филиал к 1870 г.). Основанное финансовыми воротилами братьями Перейра в 1852 г. «Генеральное общество движимого кредита» («Société générale de Crédit mobilier») субсидировало промышленные и транспортные предприятия страны. Этот банк пользовался особым покровительством династии. В 1863 г. был основан «Лионский кредит» с капиталом в 20 млн. фран-

ков. Декреты правительства поощряли возникновение кредитных обществ, расширяя их функции.

В 1870 г. три крупнейших банка — «Лионский кредит», «Национальная кредитная контора» и «Генеральное общество» держали в своих руках экономические рычаги страны: у них было 17 отделений и касс в столице и 46 в провинции; они имели в своем распоряжении капитал в 427 млн. франков, из которых только 200 млн. франков были собственными.

Избыток капиталов, не находивший приложения на внутреннем рынке, возрос с 1850 г. с 2 до 10 млрд. франков к 1869 г. Эти огромные капиталы нашли выгодное приложение за границей — в некоторых странах Европы, а главным образом в колониях, эксплуатация которых приносила невиданные барыши.

По данным 1860 г., 29 % всего населения страны жило от доходов промышленности. Непосредственно промышленной деятельностью было занято 4 715 805 чел., из них хозяев различных предприятий было 1 661 153, служащих — 115 068, рабочих — 2 938 153. Только около 40 % наемных рабочих было занято в крупной промышленности, а остальные — в мелкой и средней. Преобладающим типом в промышленности было мелкое и среднее производство, с незначительным числом наемных рабочих или совсем без наемного труда.

В Париже — политическом и административном центре страны — мелкое ремесленное производство сохранило большую устойчивость, чем в других районах страны.

В 1860 г. в Париже насчитывалось 1 696 141 жителей, в том числе 416 811 рабочих. По переписи 1866 г., население столицы увеличилось до 1 825 274 чел., из них 1 230 000 чел. (считая членов семьи) было занято в промышленности, торговле и транспорте. По данным Торговой палаты Парижа, в 1860 г. насчитывалось 101 171 промышленных предприятий; из них предприятий с числом рабочих больше 10 чел. было только 7492, или 7,4 %, от 2 до 10 рабочих — 31 480, или 31,1 %, и, наконец, предприятий с одним рабочим или без использования наемного труда было 62 199, или 61,5 %.

По этим же данным, в Париже имелось 416 811 наемных рабочих, занятых у 101 171 хозяина, что составляло в среднем 4 рабочих на одного нанимателя. К 1866 г. число рабочих в столице увеличилось до 442 310 чел.

(281 509 мужчин и 160 801 женщина), а служащих — до 34 846.

Наибольшее число рабочих было занято в производстве готового платья (около 20 % всего состава), в строительной промышленности (17,9 %; в 1866 г. — 19,9 %), в пищевой промышленности и мебельно-декоративной (около 9 %). Все эти отрасли, как правило, были мало затронуты механизацией.

По данным 1866 г., фабрично-заводских рабочих в крупной промышленности и различных общественных предприятиях было только 50 000, т. е. около 10 % всего парижского пролетариата. Сюда прежде всего следует отнести рабочих государственных мануфактур, Монетного двора, императорской типографии, крупных газовых заводов и т. п.

На военных заводах Жевло (Cèvelot) работало до 2000 рабочих, столько же было занято на машиностроительных предприятиях Кэль, 1400 рабочих — в ювелирном производстве Кристофля. Но подобные крупные предприятия были редки в Париже.

Свыше 80 000 рабочих было занято в строительной промышленности, причем подавляющее большинство их было выходцами из сельских местностей, еще не порвавшими связи с землей.

Железнодорожных рабочих и служащих насчитывалось около 15 000 (Париж был тогда крупнейшим железнодорожным узлом с 12 вокзалами).

Преобладающей социальной группой столицы являлись ремесленники и мелкие торговцы — их насчитывалось около миллиона человек.

Положение рабочих было тяжелым. Даже по официальным данным продолжительность рабочего дня составляла не менее 11 часов, фактически же он был значительно выше, достигая для некоторых профессий 14—16 часов (у жестянщиков и др.). Жестоко эксплуатировался детский труд, широко применявшийся в ту пору. Заработная плата была низкой. Рост цен на продукты питания обогнал то незначительное повышение зарплаты для некоторых категорий рабочих, которое в 50—60-х годах иногда проводилось.

Не меньше страдали и средние классы — ремесленники, мелкие лавочники. Придавленные нуждой, налогами, жестокой конкуренцией, они постепенно разорялись.

Растущая оппозиция в стране, как будет показано ниже, часто вербовала среди них своих сторонников.

Положение крестьянства в годы Второй империи было также тяжелым. «Крестьянский император» Наполеон III не принес крестьянским массам облегчения, а, наоборот, усилил их ограбление и разорение. По материалам сельскохозяйственной переписи 1862 г., крупнокапиталистическим и кулацким хозяйствам принадлежало 24,5% всей земельной площади страны. Преобладающим типом являлось раздробленное мелкое парцеллярное хозяйство. По данным советского историка Э. А. Желубовской, хозяйств, владеющих крохотным участком земли — до одного га — в 1862 г. насчитывалось 1 161 942, с участками от 1 до 5 га — 1 815 557, фермеров и издольщиков, не имеющих своей земли — 588 060.

Согласно переписи 1862 г., во Франции насчитывалось еще 869 254 поденщиков, лишенных земли, и 2 095 777 безземельных батраков.

Процесс дробления и обнищания крестьянского хозяйства в последние годы Второй империи зашел еще дальше. «Сельское хозяйство, которое во Франции никогда не достигало высокого развития, — писал К. Маркс, — при существующем режиме прямо регрессирует»⁶.

Мелкое хозяйство малопродуктивно, оно не может применять прогрессивную технику. Чтобы владеть парцеллой мог сводить концы с концами, расплачиваться со все возрастающими налогами полицейско-бюрократического государства и поборами католической церкви, ему приходилось все больше и больше влезать в долги, он попадал в лапы ростовщического и торгового капитала или, совсем разорившись, бежал в город. Классовое расслоение в деревне заходило все дальше.

В марте 1852 г. К. Маркс, по живым следам политических событий, дал блестящую характеристику политики Наполеона III. «Такая полная противоречий миссия этого человека объясняет противоречивые действия его правительства, которое, действуя наугад, ощупью, старается то привлечь, то унижить то тот, то другой класс и одинаково возбуждает против себя все классы, — правительство, практическая неуверенность которого представляет в

высшей степени комический контраст с повелительным, категорическим стилем правительственных актов, рабски скопированных с указов дяди»⁷.

Бонапартистский государственный переворот совершился в условиях промышленного подъема в стране. Это обстоятельство имело огромное значение для поведения всех классов французского общества и задерживало проявление политического кризиса в стране. Даже наиболее обездоленный и эксплуатируемый класс — пролетариат, так же как и широкие круги мелкой буржуазии, лишенные своих лучших людей и борцов в июньские дни 1848 г., проявляли в первые годы империи политическую пассивность.

Но уже экономический кризис 1857—1858 гг., серьезно потрясший экономику страны и приведший к сильному сокращению производства, существенно изменил отношение разных классов к правительству Бонапарта. Он обострил классовые противоречия в стране. Даже значительные слои имущих классов все больше убеждались в непрочности режима Второй империи.

Этому способствовали два обстоятельства: неудачная внешняя политика правительства, которая толкала страну к внешнеполитической изоляции, и торговый договор с Англией, заключенный в январе 1860 г. сроком на 10 лет. Этот договор ущемлял экономические интересы французской буржуазии — владельцев текстильных фабрик, металлургических заводов и угольных шахт. Он создал для экономически более крепкой английской промышленности привилегированное положение. Был отменен запрет на ввоз английских товаров во Францию, ввозные пошлины на ряд товаров снижались до 30%.

Все это, наряду с политическими репрессиями правительства, вело к росту оппозиционных настроений и недовольства широких кругов населения. Это недовольство, впервые со времени переворота Наполеона III, проявилось на выборах в Законодательный корпус в 1857 г., когда были избраны республиканцы Ж. Фавр, Э. Оливье, А. Даримон, Ж. Л. Энон и Э. Пикар.

Эта буржуазная оппозиция и слышать не хотела о революции, помышляя только о некоторых политических

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 80.

⁷ Там же, т. 8, стр. 214—215.

реформах. Рабочий вопрос как социальный вопрос XIX столетия для них не существовал. Они требовали только ограничения административного произвола, отказа от завоевательной внешней политики, снижения бремени налогов. На левом фланге этой оппозиции находился популярный в то время политический деятель молодой адвокат Гамбетта.

Обострение классовой борьбы в стране сказалось в форме стачечной борьбы в промышленных центрах страны и в росте противоречий в сельских местностях между крупными землевладельцами и кулацкой верхушкой крестьянства, с одной стороны, и разоряющимися, нищающим парцеллярным хозяйством и батраками — с другой.

Правительство вынуждено было пойти на некоторые реформы во внутренней жизни страны. Особенно лавирование правительства Наполеона III между враждебными классами французского общества начинает сказываться во второй период его господства — с 60-х годов. Этот период получил название «либеральной империи».

Декреты 24 ноября 1860 г. несколько расширили права Законодательного корпуса и Сената; им было предоставлено право обсуждения политики правительства. Но эти незначительные уступки оппозиции не могли остановить рост антибонапартистских настроений. На выборах 1863 г. оппозиция провела в Законодательный корпус уже 35 своих кандидатов. Этот факт свидетельствовал о росте недовольства широких масс.

Под нажимом все растущей антибонапартистской оппозиции и роста рабочего движения правительство империи вынуждено было пойти на дальнейшие уступки. По закону об ассоциациях (1864 г.) рабочие получили право организовываться в союзы. Закон о собраниях, хотя и ограничивал возможность политических собраний и обставлял их созыв сложной системой разрешений и полицейского контроля, все же легализовал публичные собрания. Всеми этими так называемыми либеральными реформами воспользовалась растущая республиканская оппозиция.

Основной движущей силой противоправительственных сил в стране являлись рабочий класс и мелкая буржуазия, более всего страдавшие от полицейского режима Второй империи и капиталистической эксплуатации.

В первые годы Второй империи рабочее движение отличалось пассивностью и переживало упадок. К тому же

государственный переворот совпал с высокой экономической конъюнктурой в стране, когда наблюдалось относительное улучшение заработков рабочих и ремесленников. Этим воспользовались агенты империи Наполеона Бонапарта, чтобы привлечь французских трудящихся на свою сторону, опираясь на наиболее отсталые их слои, попытаться примирить интересы рабочего класса с империей, а императора Наполеона III изобразить «благодетелем» трудовых масс. Правительство провело ряд реформ, которые должны были показать его расположение к рабочим. К этой категории филантропических мер относятся декрет 1852 г. о ссудных кассах, декрет об отчислении 10 млн. франков в пользу касс взаимопомощи, закон о «советах доверенных лиц» с представительством от рабочих, пересмотр системы «рабочих книжек» (1854 г.) и другие мероприятия.

Единственной формой организации рабочих того периода были общества взаимопомощи и общества сопротивления, проникнутые старым, отживающим цеховым духом. Эти общества занимались выдачей пособий своим членам во время болезни и острой нужды. Они чужды были революционным традициям французских рабочих. Бонапартистское правительство часто поддерживало эти общества и даже оказывало им денежную помощь, а через мэров и католических священников пыталось воздействовать на них в нужном для себя духе.

Но все попытки бонапартистских агентов установить полицейскую опеку над рабочим классом, приручить его, не имели в конечном счете успеха. Они могли только временно затормозить движение. И, действительно, в 60-х годах начинается новый этап в развитии рабочего движения Франции, который длительное время протекал под духовным воздействием, с одной стороны, — Прудона, с другой — Бланки. В то время как Прудон и его последователи выражали консервативные черты разоряющегося мелкого производителя и ремесленника, бланкизм был в известной мере отражением революционного протеста нарождающегося нового класса — пролетариата.

Пьер-Жозеф Прудон (1809—1865), по профессии наборщик, занял видное место среди французских социалистов как публицист, экономист и философ. Уже в 1840 г. появилось его сочинение «Что такое собственность», в котором он объявил: «собственность есть кража». В этом он

не был оригинален: еще Бриссо накануне Великой французской революции XVIII века провозгласил ту же формулу. В 1846 г. Прудон напечатал одну из своих основных работ «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (в двух томах).

Не поняв законов капиталистического развития в их реальной форме как производственных отношений, Прудон со всей силой и страстью обрушился на крупную собственность, взяв под защиту мелкую собственность как вечную категорию.

«Средний класс с каждым днем слабеет, угнетаемый, с одной стороны, повышением заработной платы и развитием анонимных обществ, с другой — налогами и заграничной конкуренцией. Такое положение несправедливо». «Я требую по отношению к собственности равновесия», — писал Прудон. Выражением этого принципа справедливости в экономических отношениях служит, по его мнению, взаимный обмен услуг товаропроизводителей, взаимность (по-французски *mutuel* — взаимный; поэтому вся система Прудона носит название «мютюэлизм»). «Взаимность находит свое выражение в следующем предписании: делай ближнему то, чего желаешь себе; народная экономика дала этому правилу известную формулу: продукты обмениваются на продукты. Все зло происходит оттого, что закон взаимности забыт и нарушен... Организация наших отношений — вот в чем состоит вся тайна нашей социальной науки». Взаимность услуг самостоятельных производителей на основе «справедливой цены» — вот основа учения Прудона.

Но изменение экономического строя, по Прудону, не должно привести к экспроприации капитала и упразднению капиталистических отношений. Он не против капиталистической собственности. «Собственность никогда не может исчезнуть, поскольку человеческая личность образует ее основание и содержание», — заявлял Прудон. Он только против такой собственности, которая ведет к монополиям и привилегиям.

В его экономической системе находит место и промышленник, и мелкий ремесленник, и мелкий буржуа. По его мнению, нужно только освободить обмен от эксплуататорской торговли, труд — от паразитических нарослов. Для этого нужно организовать «народный банк», который выполнял бы функции обменного аппарата между произво-

дителями продуктов. Банк должен также давать «даровой кредит». В этой системе взаимных услуг рабочий получает «справедливую» зарплату. Стачки рабочих несправедливы, так же как и монополии капиталистов.

Но как осуществить подобный строй? Прудон против насилия и революции. «Несмотря на насилие, свидетелями которых мы были, я не верю, чтобы в один прекрасный день свобода для достижения своих прав и ради мести за причиненное оскорбление должна будет употребить насилие», — писал Прудон.

Мелкие производители должны организоваться в товарищества, кооперироваться, вступать в ассоциации.

Прудон проповедовал идею гармонии классов и высказывался против участия рабочих в революционной борьбе. Он выступал против коммунизма, который, по его мнению, «не что иное, как отвращение к труду, гибель личности, подавление мысли, узаконение всего ничтожного». Прудон рекомендовал рабочим исключительно мирные экономические меры борьбы, выступая против участия в политической борьбе.

Прудон отстаивал также реакционную систему взглядов о преимуществе «семейного воспитания» и защищал консервативное, патриархальное представление о роли и правах женщины в семье и обществе. Он был против вовлечения женщин в производство, возражал против вмешательства государства в вопросы воспитания и образования подрастающего поколения, считая это делом только родителей и семьи. Поэтому он был против государственных школ и обязательного образования. «Семейное воспитание — единственно нормальное воспитание», — утверждал Прудон.

Еще в 1847 г. К. Маркс в своей работе «Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты“ Прудона» подверг беспощадной критике утопические мелкобуржуазные измышления Прудона, не оставив камня на камне от всех его экономических и философских построений. Маркс показал там, между прочим, «как мало проник Прудон в тайну научной диалектики и до какой степени, с другой стороны, он разделяет иллюзии спекулятивной философии, когда, вместо того чтобы видеть в экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной ступени развития материального производства, производственных отношений, он нелепо

превращает их в искони существующие, вечные идеи, и как таким окольным путем он снова приходит к точке зрения буржуазной экономии»⁸.

«Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идеи Прудона»⁹, — так оценивал В. И. Ленин одного из представителей домарковского мелкобуржуазного социализма.

Мы подробно остановились на учении Прудона, так как эти идеи мелкобуржуазного социалиста, «вечно колебавшегося между капиталом и трудом», оказали сильное влияние на французское рабочее движение и были особенно живучи в самую глухую пору бонапартистской реакции. Многочисленные последователи Прудона — прудонисты были заигнотизированы звонкой и резкой фразеологией своего учителя, демагогической афористичностью его суждений о тогдашнем строе, кажущейся его революционностью. Его резкие нападки на крупную собственность, на крупные монополии, его острая борьба с церковью и религией привлекали к нему симпатии трудящихся.

Прудонизм принес немало бед и вреда французскому, да и не только французскому, рабочему движению. Но он выражал определенную ступень рабочего движения и был живуч.

Другим представителем французского социализма, оказавшим огромное влияние на французское рабочее движение, был Бланки. Луи-Огюст Бланки (1805—1881), в отличие от мирного реформатора Прудона, был «несомненным революционером и горячий сторонник социализма»¹⁰.

Активный участник двух революций (1830 и 1848 гг.), душа неоднократных заговоров против реакционных правительств, «вечный узник», как его называли (37 лет провел он в тюрьмах и казематах Франции), дважды приговоренный к смертной казни, Бланки не имел цельной и

стройной теории переустройства эксплуататорского общества. «Бланки преимущественно политический революционер; социалист он только по чувству, из участия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства», — писал о нем Ф. Энгельс¹¹.

Бланки признавал политическую революцию основой социального переустройства капиталистического общества. Ясно видя язвы эксплуататорского общества, критикуя отрицательные стороны капиталистического строя, Бланки, однако, не понимал действительных революционных путей для установления нового справедливого общества и роли народных масс в этом деле. Для Бланки революция — это политическая акция небольшого беззаветно преданного революции меньшинства, «диктатура примера». Париж при этом должен играть роль застрельщика и диктатора над остальной Францией.

Заговор в системе революционных действий у Бланки занимает центральное место. Он охотно и неоднократно разрабатывал тактические вопросы, связанные с проведением заговора «инициативным меньшинством». Его должен проводить революционный заговорщик штаб, построенный на основах централизма и строжайшей конспирации. Заговорщицкая тактика при этом не принимает в расчет ни революционной ситуации в стране, ни готовности трудящихся масс, т. е. те объективные силы, которые в конечном счете определяют успех движения. Переоценка роли «инициативного меньшинства», носителей революционных идей — результат идеалистических представлений бланкистов о роли личности в истории. Смутно представляя себе основы нового социалистического строя, не понимая движущих сил общественного развития, Бланки и его последователи переоценивали роль знаний и просвещения в переустройстве человеческого общества. Бланки полагал, что просвещение масс на другой день после социальной революции явится достаточным фактором экономического преобразования общества на новых началах.

Неясны были для Бланки основные социально-экономические рычаги переустройства общества. Считая себя решительным сторонником коммунизма, он, однако, был робок и непоследователен в своей экономической

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 27.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 131.

¹⁰ Там же, т. 16, стр. 451.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 511.

программе переустройства нового общества. Среди срочных мер, которые Бланки считал нужным провести на другой же день после социального переворота, мы не найдем требования «экспроприации экспроприаторов» и обобществления всех крупных средств производства. Экономическая программа Бланки бедна. Его требования не идут дальше «приказа всем директорам промышленных и коммерческих предприятий, под страхом изгнания, временно поддерживать существующее положение в их предприятиях как в отношении личного состава, так и в отношении заработной платы. Позднее государство войдет с ними в соглашение». Далее он требует созыва компетентных комиссий для урегулирования вопросов о таможенных пошлинах, рудниках, больших промышленных кампаниях кредите и деньгах. Наконец, он предлагает «созыв комиссии, которой будет поручено наметить основы устройства рабочих ассоциаций».

В области финансов он предлагал уничтожить запись государственных долгов, создать комиссии для улаживания вопроса о сберегательных кассах и, наконец, заменить все прямые и косвенные налоги одним прямым прогрессивным налогом на наследство и доходы. В области политических мероприятий требования Бланки были более решительными и определенными. Прежде всего к числу срочных постановлений он относил: «Правительство: диктатура Парижа». «Один год парижской диктатуры сэкономил бы для Франции и для человечества четверть столетия. Если понадобится десять лет парижской диктатуры не стоит останавливаться и перед этим», — писал он. Бланки был против преклонения перед всеобщим избирательным правом — этим фетишем буржуазной демократии. Он был против того, чтобы вводить всеобщие выборы на другой день после революции. «Преждевременное обращение к всеобщему избирательному праву было бы заранее обдуманным предательством», — писал он. Бланки требовал «уничтожения армии и судейского сословия, немедленно увольнения высших и средних чиновников» и «образования милиционной территориальной армии». «Всеобщее вооружение рабочих и республиканцев», «никакой свободы для врагов», — провозглашал он. Бланки и его ученики были сторонниками решительных революционных мер. «В тот день», — писал Бланки, — когда вынут клип из рта трудящихся, он будет вложен в рот капитала».

Бланки был энергичным противником церкви и ее слуг, порабитителей народа. Он требовал разгона «черных армий» иезуитских и других конгрегаций, национализации движимого и недвижимого имущества. «Но кого немедленно нужно без колебаний и жалости выместить из страны, — писал он, — это аристократов и духовенство. Марш за границу!» Он требовал также установления единой школы первой, второй и высшей ступени.

Хотя бланкисты, в отличие от прудонистов, не чуждались политической деятельности, все же они придавали мало значения конкретным нуждам рабочего движения. Борясь с прудонистами, с их мирным крохоборчеством по организации различных кооперативных и обменных ассоциаций, бланкисты вместе с тем не могли тесно связаться с рабочим движением. В середине 60-х годов бланкисты имели своих приверженцев среди небольших групп рабочих, ремесленников и интеллигенции, в особенности среди студенческой молодежи.

Несмотря на жестокий террор и преследования правительства, классовая борьба не прекращалась. Даже в первые годы империи, в годы высокой экономической конъюнктуры происходили брожения и стачки рабочих. Э. А. Желубовская в своем ценном исследовании приводит немало примеров стачек в 1852 г. среди лионских каменщиков, кровельщиков, землекопов, набойщиков тканей, углекопов Рив-де-Жье (департамент Луары). В 1854 и 1855 гг. количество стачек увеличивается. Они происходят в разных промышленных центрах страны — в Лионе, Марселе, Тулузе, Бордо, Амьене, Дижоне, Тулоне, Нанте, на шахтах Анзена и в других местах.

В конце 50-х и в начале 60-х годов XIX столетия во Франции наметился новый подъем рабочего движения. Наиболее характерной чертой его явились первые попытки рабочих заявить о себе как об особом классе, попытки высвободиться из-под влияния чуждой буржуазной идеологии, встать на собственные ноги, выйти из-под опеки буржуазных республиканцев. Решение деятелей рабочего движения во главе с прудонистом Толеном выступить с выдвижением рабочих кандидатур в избирательной кампании 1863 г. было шагом вперед. Предвыборный «Манифест шестидесяти» (названный так по количеству подписавших его) являлся политической платформой поднимающегося рабочего класса Франции. «Мы не имеем своих

представителей — вот почему мы выдвигаем вопрос о рабочих кандидатурах... Разве подавляющее большинство Законодательного корпуса не состоит из крупных землевладельцев, фабрикантов, купцов, генералов, журналистов и т. д., — писали авторы «Манифеста».

«Свобода труда, кредита, солидарность — вот наши мечты... Зал заседаний Законодательного корпуса представляет собой единственное место, где рабочие могли бы в достаточной и свободной форме выразить свои пожелания и потребовать предоставления им тех прав, которыми пользуются остальные граждане...»

Чего же будут добиваться в Законодательном корпусе рабочие представители? «Бесплатного и обязательного народного образования и свободы труда», — отвечают авторы «Манифеста». Программа эта пока еще очень робкая, она целиком базируется на идее сотрудничества классов. Но она уже — важная веха на пути развития самостоятельного рабочего движения. Важно отметить отход правоверных прудонистов от старых позиций неучастия в политике и стремление занять определенную, самостоятельную позицию в политической борьбе страны.

Другим, не менее важным фактом на этом пути была посылка рабочих делегатов на Всемирную выставку в Лондон в 1862 г. Правительство не видело особой опасности в этой поездке и даже субсидировало ее. В Лондоне французские делегаты встретились с представителями английских рабочих, организованных в тред-юнионы. С этого времени между ними установились постоянные связи, имевшие историческое значение.

10 ноября 1863 г. В. Кремер (столяр), Д. Оджер (сапожник) и другие от имени английских рабочих обратились к французским рабочим с адресом, в котором предлагали создать международную организацию, чтобы «начать так долго откладывавшееся дело прочного содружества народов». Воззвание призывало к созданию братства народов. «Созовем собрание из представителей Англии, Франции, Италии, Германии, Польши и всех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Наш лозунг — братство. Заклучим тесную связь со всеми людьми, которые нуждаются в мире и свободе, в промышленном развитии и в человеческом счастье на всей земле».

Французские рабочие откликнулись на призыв своих английских братьев. Делегация французских рабочих при-

везла ответный адрес, который был оглашен Толеном на интернациональном митинге в Сент-Мартенс-холле 28 сентября 1864 г. Ответный адрес заканчивался призывом: «Рабочие всех стран, мы должны объединиться, чтобы противопоставить непроходимую преграду роковой системе, разделяющей человечество на два класса. Спасем себя путем солидарности».

На этом интернациональном митинге было решено основать Международное товарищество рабочих (I Интернационал). На митинге присутствовали представители рабочих Англии, Франции, Германии, Италии, Польши. Был выбран временный комитет с местопребыванием в Лондоне. Маркс написал по поручению комитета, в состав которого он входил, «Учредительный манифест» и «Устав Международного товарищества рабочих». 1 ноября 1864 г. они были единогласно утверждены комитетом.

Карл Маркс так определил задачи этой международной организации: «*Интернационал* был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы»¹².

Велика была роль I Интернационала и его вдохновителя и руководителя К. Маркса в истории международного рабочего движения, в том числе и французского.

Представителем французских рабочих в Генеральном совете был старый революционер рабочий Эжен Дюпон, сторонник Маркса.

Вскоре в разных странах были организованы бюро Международного товарищества. В январе 1865 г. было создано первое бюро Интернационала в Париже. В первые годы его существования им руководили правоверные прудонисты — Толен, Фрибур и Лимузен. До 1867 г. Парижская секция насчитывала не более 600 человек. Но рост классовых противоречий в стране, в особенности в связи с глубоким экономическим кризисом 1866--1867 гг., отрезвляюще подействовал на рабочие умы.

В феврале 1867 г. около двух месяцев бастовали бронзовщики Парижа, которые еще в 1864 г. организовали «Общество солидарности бронзовщиков». 31 марта начали бастовать три тысячи парижских портных. Члены

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1955. — с. 445.

Интернационала и Генеральный совет в Лондоне активно помогали стачечникам. Лондонские рабочие, как и рабочие различных городов Франции, пришли на помощь стачечникам своими денежными взносами. Бронзовщики победили в борьбе, а портные выиграли стачку частично: их зарплата поднялась на 10%. Тогда же бастовали рабочие канатного производства.

Забастовочная волна прокатилась не только в Париже. Бастовали текстильщики Амьена, прядильщики Рубе, углекопы бассейна Па-де-Кале и Фюво (департамент Устья Роны), набойщики тканей Туркэна и других мест.

Члены Интернационала активно участвовали в руководстве стачками. Это способствовало росту авторитета Интернационала во Франции. Возникают секции также в Лионе, Марселе, Руане, Нанте, Амьене, Гавре, в каменноугольном районе Фюво и других промышленных центрах страны.

Рост популярности Интернационала во Франции предъявлял новые требования к его руководителям. В это время выдвинулись новые вожаки из среды рабочих. Среди них особо выделялись талантливый организатор переплетчик Луи-Эжен Варлен и рабочий красильщик Бенуа Малон. Активное участие в рабочем движении, опыт практической борьбы приводят их к отказу от ряда догматических и реакционных прудонистских положений и, вопреки прудонистской теории, они становятся руководителями стачек и организаторами профессиональных союзов.

Но главный удар был нанесен прудонизму на конгрессах I Интернационала. Уже на Лозаннском конгрессе (1867 г.) сторонники Маркса одержали над прудонистами первую победу по вопросу о политических задачах рабочего класса. В принятой по этому вопросу резолюции отмечалось, что социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения и что установление политических свобод является первой и безусловно необходимой мерой.

Брюссельский конгресс (1868 г.) нанес дальнейшее поражение правому прудонизму по основному вопросу — о собственности. Своим постановлением о коллективной собственности на рудники, шахты, пути сообщения, а также на крупные земельные участки Интернационал окончательно стал на коммунистическую точку зрения.

Все эти и другие постановления конгрессов Интернационала имели огромное идейное значение, так как расшатывали веру в авторитет Прудона. Но в первые три года существования Интернационала во Франции прудонисты во главе с Толеном всячески препятствовали распространению идей Маркса и скрывали от французских передовых рабочих и социалистов постановления конгрессов. Манифест и устав Интернационала были переведены на французский язык прудонистом Ш. Лонге и впервые напечатаны только в 1869 г. в Брюсселе с искажениями в прудонистском духе. Но несмотря на все это, авторитет Интернационала в стране рос, а влияние его ширилось. Он завербовывал все новых и новых сторонников. К 1869 г. число его секций в Париже возросло до 25.

Приход к руководству рабочим движением новых вожаков — коллективистов или левых прудонистов, сторонников основных решений конгрессов Интернационала — способствовал, в обстановке обострения политического кризиса в стране, росту влияния Интернационала во Франции. А судебный процесс против руководителей Парижского бюро Международного товарищества рабочих, начатый в декабре 1867 г. и закончившийся в марте 1868 г., вопреки расчетам правительства только вызвал еще большие симпатии рабочих к Интернационалу. Еще не успел закончиться суд над Толеном и четырнадцатью его товарищами, как 8 марта 1868 г. было избрано новое бюро из девяти коллективистов, во главе с Э. Варленом. Они активно вели работу в массах, организовывали профессиональные союзы — синдикальные палаты. В 1867 г. была организована синдикальная палата рабочих строительного дела и мебельного производства и «Братское общество солидарности и взаимного кредита портных», в следующем году — синдикальная палата механиков и маляров, в 1870 г. — синдикальная палата работниц белошвейек. Еще раньше возникло «Общество солидарности рабочих бронзовщиков» (1864 г.), «Общество сопротивления парижских жестянщиков» (1865 г.), синдикальная палата сапожников. Организаторами этих синдикальных палат были члены Международного товарищества рабочих — Варлен, Малон, Франкель, Асси, Камелина, Тейс и др. В начале декабря 1869 г., по инициативе «Общества солидарности рабочих бронзовщиков», была учреждена «Федеральная палата рабочих обществ Парижа». Устав этой организации

провозглашал принцип «полного освобождения трудящихся путем создания нового социального порядка, при котором будет уничтожена система наемного труда». Федеральная палата в 1870 г. объединяла до 40 различных рабочих обществ. Она находилась в одном помещении с организацией Интернационала.

Коллективисты развернули активную деятельность, они руководили стачками, создавали стачечные фонды, привлекали секции Интернационала из других городов к оказанию денежной помощи бастующим. Часто после удачно проведенных стачек рабочие коллективно присоединялись к Интернационалу. Из 40 синдикальных палат Парижа 25 палат были коллективными членами Интернационала. 19 апреля 1870 г. была организована Парижская федерация Интернационала. Но социалисты вели активную работу не только в Париже: в промышленных центрах страны — в Лионе, Руане, Марселе были созданы свои федерации Международного товарищества рабочих. Идеи Интернационала во Франции приобретали все новых и новых сторонников. Его авторитет возрастал. Он объединял, по новейшим данным, свыше 300 тыс. человек.

Однако среди руководителей этого движения сторонники Маркса и Энгельса насчитывались единицами. Их идеи — принципы пролетарского научного коммунизма — были мало известны в стране. Распространению их мешали правоверные прудонисты и приверженцы Бакунина, которые в то время подвизались главным образом на юге Франции. Маркс, который очень внимательно следил за развитием французского рабочего движения, писал Энгельсу 12 ноября 1869 г.: «Что меня пугает у французов, так это чертовская путаница в головах»¹³. Еще раньше, в мае 1867 г., К. Маркс писал: «Я считаю чрезвычайно важным освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии»¹⁴.

Самым активным борцом за идеи марксизма во Франции был Поль Лафарг. Молодым студентом он со всем жаром принимает участие во французском рабочем движении, сначала как прудонист. В течение трех лет он живет в Лондоне; здесь он знакомится с сочинениями

Маркса и становится его горячим сторонником и учеником. Вернувшись в 1868 г. в Париж, он начинает переводить на французский язык некоторые сочинения Маркса, до того неизвестные французам. Прежде всего он подготавливает новый перевод устава Интернационала, который в первом переводе был извращен в угоду прудонистам. Лафарг восстанавливает истинный, первоначальный текст устава в формулировке Маркса по вопросу о роли политической борьбы рабочего класса в деле его социального освобождения¹⁵.

Лафарг перевел на французский язык «Манифест Коммунистической партии» и ряд других работ Маркса. Он выступал со статьями против прудонистов, ревностно пропагандируя основы марксизма.

Но все же последовательных сторонников марксизма во Франции было еще крайне мало: французские социалисты — и левые прудонисты, и бланкисты — не представляли себе ясно ни основ будущего социального строя, ни истинных путей к нему, не понимали необходимости создания партии рабочего класса и ее руководящей роли в назревающей революции. В их головах еще царила изрядная путаница — смесь из различных идей, остатков противоречивых положений Прудона о «справедливом обмене» и демократии, и пролагающих себе дорогу новых революционных идей Интернационала. Но всех передовых людей Франции роднила одна общая идея — идея интернациональной солидарности рабочих — детище Международного товарищества рабочих.

¹⁵ В уставе Международного товарищества рабочих этот пункт был сформулирован так: «что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство».

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 247.

¹⁴ Там же, т. XXV, стр. 486.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870 г. И РЕВОЛЮЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ

Положение империи становилось критическим. Политика правительства вызывала все большее недовольство различных классов страны. Оно проявлялось в росте оппозиционных настроений. Воспользовавшись новым законом о публичных собраниях и печати, социалисты и республиканцы под различными предлогами созывали народные собрания, на которых снова начали звучать революционные речи. Французский реакционный публицист и историк Молинари сообщает, что с июля 1868 г. по март 1869 г. в Париже было проведено от 300 до 400 собраний на которых было произнесено до 3000 речей. Эти собрания были ареной борьбы между буржуазными республиканцами и социалистами различных направлений за влияние на массы. По-разному понимали ораторы задачи борьбы, но все выражали недовольство империей, ее политикой. Часто на этих собраниях обсуждались вопросы экономики и положения различных классов. Завоевывали симпатии трудовых масс выступавшие здесь члены Интернационала. Среди них особой популярностью пользовались Варлен, Флуранс, Риго, Эд, Дюваль и др.

Правительство вело борьбу с непокорными. Уже за первые месяцы 1869 г. оно привлекло к суду более 60 неугодных ему ораторов, которые были присуждены к тюремному заключению и штрафу.

Особенно ярко проявилось недовольство империей во время выборов в Законодательный корпус в мае 1869 г. На этих выборах группа деятелей рабочего движения во главе с Варленом выступила с избирательным манифестом подписанным двадцатью известными в стране социалистами. Авторы этого манифеста призывали порвать с буржуазными республиканцами и голосовать за тех, кто бу-

дет «выражать волю народа». «Народ-суверен,— говорилось в манифесте,— должен выработать программу и составить перечень реформ, в осуществлении которых он нуждается». Манифест впервые открыто провозгласил принципы Интернационала — требования обобществления банков, железных дорог, шахт, рудников. Выступавшие требовали упразднения постоянной армии, вооружения граждан, отделения церкви от государства, упразднения бюджета култов, гарантии свободы личности и собраний. В этом была принципиальная важность и новизна программы. В избирательных округах Парижа были выставлены кандидатуры рабочих-социалистов членов Интернационала Бриона и Варлена, в Руане — Обри. Рабочие кандидатуры были выставлены также в Лионе и Марселе.

Выборы принесли огромный успех буржуазной оппозиции. Несмотря на террор и запугивание политической полицией, а также фальсификацию выборов, оппозиция получила более трех четвертей миллиона голосов, значительно увеличив число своих сторонников. В крупных промышленных городах кандидаты правительства потерпели сильное поражение. В Париже при 234 тысячах избирателей его кандидаты получили только 77 тысяч голосов, а в Лионе — не более 12 тысяч голосов из 59 тысяч.

Выборы сопровождалась волнениями в ряде городов Франции. Были пущены в ход полиция и жандармерия, произведены многочисленные аресты. Но все это не могло остановить нарастающий политический кризис империи, рост недовольства широких масс населения. Бонапартистский режим трещал по всем швам. 1870 год принес новое углубление кризиса и нарастание в стране революционной ситуации.

Забастовочное движение в конце 1869 — начале 1870 г. приобрело невиданный размах. Бастовали шахтеры Луарского бассейна, углекопы Анзенских шахт (Северный бассейн) и других угольных районов страны, рабочие металлургических заводов Крезе. Рабочие требовали улучшения своего положения, повышения заработной платы, уменьшения рабочего дня. Выдвигались и политические требования. Для подавления бастовавших прибегали к помощи правительственных войск, как это было в январе 1870 г. на металлургических заводах Шнейдера и в других местах. Члены Интернационала принимали деятельное участие в этих событиях, собирали деньги для

стачечников. Парижская секция Интернационала выступила с воззванием за подписью Варлена и других в поддержку бастующих рабочих Крезю. Вслед за этой стачкой разразились другие крупные стачки — в Лионе, Сен-Кантене, Фуршамбо (департамент Ньевр), Марселе, Руане, Бордо, Париже и других центрах страны.

Таким образом, стачечное движение в это время приобрело новый, неизвестный до того характер. Оно свидетельствовало о росте классового сознания французских рабочих, о влиянии на них идей Интернационала.

Убийство республиканского журналиста, сотрудника прогрессивной газеты «Марсельеза» Виктора Нуара сводным братом императора Пьером Бонапартом взбудоражило весь республиканский Париж. На следующий день редактор этой газеты — радикал Рошфор писал: «Уже 18 лет, как Франция находится в окровавленных руках этих злодеев (имеется в виду династия Бонапарта. — А. С.). Французский народ, разве не находишь ты, что с этим пора покончить?»

День похорон Нуара — 12 января 1870 г. — вылился в грандиозную двухсоттысячную демонстрацию протеста против империи. Накал социальных страстей доходил до предела. Полиция и солдаты патрулировали центр города. Оценивая эти события, Варлен писал: «Народ возбужден, революция приближается».

Значительную роль в идейно-политической жизни страны в это время начинают играть внепарламентская левая оппозиция, представители «старой гвардии революционеров», участники революции 1848 г., мелкобуржуазные демократы, последователи старых республиканских и демократических традиций. Среди этой плеяды политических деятелей следует прежде всего назвать Делеклюза, честного и неподкупного республиканца. В июле 1868 г. он основал леворадикальную газету «Réveil» («Пробуждение»), девизом которой было: «Сегодня, как всегда, сегодня больше, чем когда-либо, политическая реформа — средство, а социальная реформа — цель». Делеклюз и его сторонники не были социалистами. Своим врагом они считали империю и всю силу своей страсти направляли на борьбу с ней, проповедуя республиканские принципы. В первом номере своей газеты Делеклюз писал: «Свобода, равенство, братство! — вот наша программа... В этих словах заключается абсолютная, вечная истина, и пока будут

существовать человеческие общества, достойные этого имени, — у них другого идеала не будет!»

Их идеалом была республика эпохи Конвента времен Великой французской революции XVIII в. Они преклонялись перед великими якобинцами той эпохи, им они старались подражать в своей политической деятельности. Якобинские традиции они хотели воскресить в новой обстановке Франции. В историю они вошли как неоякобинцы. К этой группе принадлежали и старые деятели революции 1848 г. — Гамбон, Пиа и др. Неоякобинцы отражали антибонапартистские настроения мелкой буржуазии, их республиканские стремления.

Передовые рабочие и мелкая буржуазия были настроены против империи. Они еще не были готовы к тому, чтобы использовать создавшуюся в стране ситуацию, тогда как буржуазные республиканцы не хотели ее использовать из-за боязни народных масс.

В этих условиях Луи Наполеон решил еще раз славировать. Он поручил Оливье создать «либеральное» правительство, надеясь этим перетянуть буржуазную оппозицию на сторону трона. Но министерство Оливье оказалось не в состоянии разрешить политический кризис.

7 и 8 февраля в Париже снова возникли волнения в связи с арестом Рошфора. Застрельщиками были бланкисты. На этот раз выступавшие даже воздвигали баррикады. Но стихийно возникшее движение скоро было подавлено. Были произведены многочисленные аресты, 94 человека предстали перед судом. Основную группу среди них составляли рабочие Бельвиля. Расправы с рабочими не смогли остановить движение. Правительство Наполеона решило искать разрешение кризиса на путях войны. На этот раз оно решило начать войну с Пруссией.

Прежде чем начать новую военную авантюру, правительство Оливье провело два политических маневра. 20 апреля был опубликован текст новой, более либеральной конституции и на май назначен плебисцит по поводу новых конституционных реформ. Майский плебисцит, по мысли его организаторов, должен был упрочить пошатнувшееся положение империи. Вместе с тем, чтобы обезглавить поднимающееся рабочее движение и пресечь рост влияния на него идей Интернационала, правительство устроило новый, третий по счету процесс против его руководителей.

Результаты плебисцита не оправдали надежд бонапартистского правительства. Хотя за него было подано 7359 тысяч бюллетеней, все же число его противников было велико: не приняли участия в голосовании 1895 тыс. чел., а против голосовали 1572 тыс. чел. Таким образом, антиправительственных голосов было около 3,5 миллионов, или более 30% избирателей (по официальным данным). По крупным городам, как, например, Париж, этот процент доходил до 60—70.

За пять дней до плебисцита Оливье отдал генеральным прокурорам приказ об аресте руководителей Интернационала. Были арестованы вначале руководители Парижской федерации (Варлен успел скрыться за границу) а затем Марсельской, Лионской и Руанской. Правительство срочно сфабриковало обвинение в заговоре, и 22 июня в Париже открылся суд над 38 представителями рабочего класса Франции. Двухнедельный процесс привлек внимание широких кругов рабочих и передовой интеллигенции: зал суда превратился в арену пропаганды идей Интернационала. Рабочий-токарь Шален, выступая от имени всех обвиняемых, говорил на суде: «Рабочий класс на своем собственном опыте убедился, что он может рассчитывать только на свои собственные силы: в этом — главная идея Интернационала. Мы останемся верными и преданными Интернационалу. Вы убедитесь по результатам, которые последуют за вашим приговором, что идеи Интернационала и его мощь непобедимы... Интернационал непобедим потому, что его девизом является всемирная социальная республика».

В Лионе также был организован процесс над членами Интернационала. Они были осуждены на разные сроки тюремного заключения, а федерация распущена. Но репрессии не могли остановить рабочее движение. Как раз в июне и июле 1870 г. вспыхнула новая волна забастовок во многих районах страны. В этой обстановке правительство решилось развязать войну с Пруссией.

Военная партия при дворе во главе с императрицей Евгенией стремилась к тому, чтобы успешной завоевательной войной укрепить трон императора. «Война необходима, чтобы это дитя царствовало», — говорила Евгения. Нужно было только найти подходящий повод, который давал бы возможность легко одурачить общественное мнение и затуманить сознание масс патриотическим угаром.

Скоро этот повод нашли. Он заключался в династических спорах о том, кому занять вакантный испанский престол — принцу Леопольду, представителю боковой ветви Гогенцоллернов, или кандидату французской династии. Французская дипломатия, так же как и военная партия, раздули в стране шумиху, увидев в притязаниях Пруссии угрозу французской безопасности.

Не меньше была заинтересована в развязывании военного конфликта и другая сторона — Пруссия. Руководитель ее внешней политики князь Бисмарк стремился к тому, чтобы представить свою страну обороняющейся, а Францию — нападающей.

Бисмарк, министр-президент Северо-Германского союза, стремился во что бы то ни стало объединить сверху мелкие германские княжества в единое германское государство во главе с прусским королем. Он считал, что в угаре войны с Францией ему легче будет сломить южно-германских сепаратистов и осуществить объединение Германии под главенством Пруссии. Он решил использовать создавшуюся международную обстановку, тем более что его генеральный штаб во главе с генералом Мольтке считал Францию неподготовленной к войне.

12 июля 1870 г. на заседании высших сановников под председательством императора Наполеона III было решено всеми мерами, вплоть до войны, добиваться удовлетворения французских притязаний.

19 июля 1870 г. французское правительство объявило войну Пруссии.

Война была воспринята широкими народными массами как несчастье. С протестом против войны выступили передовые рабочие, секции Интернационала в Париже, Лионе, Марселе, Бордо и других городов. В Париже были проведены антивоенные демонстрации. Парижская федерация Интернационала обратилась с воззванием протеста к рабочим всех наций (оно было опубликовано 12 июля в газете «Пробуждение»). В этом воззвании говорилось: «Политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, снова угрожает всеобщему миру. Французские, немецкие, испанские рабочие! Соединим наши голоса в один общий крик возмущения против войны!» Воззвание обращалось также к немецким рабочим: «Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное

торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна». Воззвание заканчивалось обращением: «Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы члены Международного товарищества рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции».

Вслед за этим протестом в разных городах Франции появились аналогичные воззвания против войны. Секция Нейи-сюр-Сен опубликовала 23 июля в газете «Марсельеза» обращение, в котором говорилось: «Справедлива ли эта война? Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя гуманности, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протесту Интернационала против войны».

Голоса передовых рабочих Франции дошли до немецких пролетариев. Уже 16 июля Брауншвейгский комитет социал-демократической партии (эйзенахцы¹) созвал большое рабочее собрание, которое выразило солидарность с парижским воззванием. 17 июля состоялось такое же многочисленное собрание в Хемнице.

19 июля 1870 г., как только стало известно об объявлении войны, Генеральный совет Международного товарищества рабочих поручил К. Марксу составить манифест по поводу войны. В нем Маркс вскрывал действительные причины франко-прусской войны как войны династической. Он заклеил бонапартизм как злейшего врага рабочего класса всех стран и отметил теснейшую связь всего строя бонапартистской Франции с военными авантюрами. «Военный заговор в июле 1870 г. является только исправленным изданием *coup d'état* [государственного переворота] в декабре 1851 г.»² Маркс отметил, что в начальном периоде «со стороны Германии война эта является

оборонительной»³. Вместе с тем Маркс считал необходимым подчеркнуть, что Бисмарк является таким же виновником войны, как и Наполеон III. Воззвание заканчивалось призывом: «Английский рабочий класс протягивает руку дружбы французским и немецким рабочим. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее... между народным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*! Провозвестником этого нового общества является Международное товарищество рабочих»⁴.

Но силы Интернационала и демократии тогда были еще слабы, чтобы помешать развертыванию кровавых событий. Только в северогерманском рейхстаге звучали мужественные голоса вождей немецких рабочих А. Бебеля и В. Либкнехта, боровшихся с завоевательными планами Бисмарка. Только они не голосовали за ассигнование кредитов на ведение войны. Их выступления в рейхстаге с разоблачением грабительских и захватнических планов своего правительства вызывали яростный вой буржуазных и юнкерских представителей, опьяненных патристическим угаром.

События шли своим чередом. В первые же две недели войны обнаружилась полная неподготовленность Франции. Мобилизация войск проходила беспорядочно и несвоевременно. Армия была снабжена артиллерией и оружием устаревших образцов. Командование пахотилось в руках бездарных генералов, беспокоившихся только о своей карьере. Войскам не хватало котелков, походных фляг и другого снаряжения, мясо было гнилое, а хлеба часто было мало. Вокруг интендантства происходило хищническое обогащение и разнузданная спекуляция дельцов.

По данным Ф. Энгельса, к началу войны Франция располагала 550 тысячами обученных солдат. Фактически же

¹ Эйзенахцы — сторонники Маркса в немецком рабочем движении, учредившие в 1869 г. на съезде в г. Эйзенахе социал-демократическую партию, примкнувшую к Международному товариществу рабочих. Во главе эйзенахцев были токарь А. Бебель и старый революционер журналист В. Либкнехт. Во время франко-прусской войны они выступали как поборники международной пролетарской солидарности.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 2.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 5.

она смогла собрать и выставить против неприятеля только около 300 тысяч солдат, тогда как Северная Германия во главе с Пруссией имела около 950 тысяч человек и смогла выставить к границам свыше полумиллиона солдат.

Французский генеральный штаб предполагал вести войну на немецкой территории. Когда же пришлось воевать на собственной территории, с превосходящими силами противника, к тому же лучше вооруженными и обученными, французские штабные офицеры не имели даже пужных карт. Задержка почти на неделю с мобилизацией и снаряжением армии сразу создала огромное преимущество в пользу немцев и грозила провалом всей кампании. Вместо наступательной войны на чужой территории, французскому командованию с самого начала пришлось вести оборонительную войну, к которой оно не было подготовлено.

Первые же атаки немцев 4 августа в Эльзасе при Виссембурге принесли им победу. 6 августа они одержали другую победу — при Вёрте и Форбахе в Лотарингии. В результате этих удачных сражений немцы в первые же дни захватили часть Эльзаса и Лотарингии — богатейший горнорудный район страны.

Правительство империи пыталось скрыть действительное положение дел на фронте. Но 7 августа эти сведения докатились до Парижа. Возбужденная толпа двинулась на Вандомскую площадь с криками: «Оружие! Низложить императора! Да здравствует республика!» Однако это были стихийные демонстрации, которыми никто не руководил. Полиции и войскам не трудно было справиться с ними. Правительство приняло чрезвычайные меры: в Париже и в 20 департаментах было объявлено осадное положение, с фронта было снято до 40 тысяч солдат для охраны правительства. Эти меры вызвали антиправительственные демонстрации в ряде городов — Лионе, Марселе, Тулузе.

9 августа, в день, когда было созвано чрезвычайное заседание Законодательного корпуса, снова забурлил трудовой люд Парижа. Возбужденная толпа, главным образом рабочие, проникла в сад Бурбонского дворца, где заседал Законодательный корпус. Представители рабочих обратились к вождям левой оппозиции Законодательного корпуса с предложением возглавить движение. Но и на этот раз буржуазные республиканцы боялись встать во

главе рабочих, так как они боялись их больше, чем правительства империи. С балкона дворца Жюль Ферри обратился к толпе с речью, чтобы различными посулами успокоить народ, взывая к его патриотическим чувствам. На этот раз дело кончилось тем, что вместо скомпрометированного правительства Э. Оливье было сформировано новое правительство во главе с графом Паликао, приверженцем бонапартизма. Ему же одновременно было поручено и военное министерство. Вскоре губернатором Парижа и главнокомандующим всеми военными силами столицы был назначен генерал Трошю, который считал основной опасностью не наступающих пруссаков, а «красных», рабочих.

Правительство Паликао делало все, чтобы военным и полицейским террором как-то укрепить ненавистный народу бонапартистский режим. В Лионе, Марселе, Бордо и других городах продолжались волнения. Обстановка в стране накалялась. Бланкисты, оставшиеся на свободе после событий 7—9 августа, решили, что настало время для восстания. Они вызвали находившегося в эмиграции в Бельгии (в Брюсселе) своего учителя и вождя Бланки. В ночь на 12 августа он тайно прибыл в Париж. Они надеялись путем внезапного нападения на казарму, расположенную возле рабочих районов Парижа — Бельвиля и Ла Виллет, захватить оружие, поднять рабочих и двинуться в центр города. Но, не будучи связаны с массами, они не смогли осуществить этот проект. На условленное место в назначенный час явилось всего несколько десятков их приверженцев (от 60 до 100 человек) во главе с Бланки. Попытка завладеть казармой не удалась.

Правительство арестовало 80 человек во главе с бланкистом Эдом. Вскоре они предстали перед военным трибуналом. Шестеро из них были приговорены к смертной казни.

Террор в стране все больше усиливался. Но вместе с тем росли и подспудные силы недовольных. Нужна была только искра, чтобы пожар народного негодования вспыхнул и смел империю. Этому в значительной мере способствовали постоянные трения между правительством и генералитетом и их полная неспособность организовать сопротивление наступающим прусским войскам. Цепь почти непрерывных поражений на фронте привела к тому, что бонапартистский режим терял своих последних сто-

ронников. Даже среди представителей левой оппозиции Законодательного корпуса все чаще и настойчивее слышалось требование отстранить Луи Бонапарта от власти и командования войсками и организовать правительство «национальных сил».

В битвах при Сен-Пире и в окрестностях Меца французы снова потерпели поражение. Создалось крайне невыгодное для остатков французской армии стратегическое положение. Утром 1 сентября пруссаки начали наступление на французские войска, зажатые в тиски между рекой Мез и бельгийской границей. Упорный и ожесточенный бой под Седаном продолжался до 3 часов дня, когда император Наполеон III распорядился поднять белый флаг капитуляции. Он направил к прусскому королю гонца со следующим посланием: «Дорогой мой брат! Так как я не сумел умереть среди своих войск, мне остается вручить свою шпагу Вашему величеству. Остаюсь добрым братом Вашего величества. Наполеон».

2 сентября был подписан акт о капитуляции. 83 тысячи взятых в плен французских солдат и офицеров во главе с императором, 3 тысячи убитых, 14 тысяч раненых и 3 тысячи солдат, разоруженных на бельгийской границе, — вот итог Седанской катастрофы. «Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта, Франция правящих классов и их государственных паразитов — гниющий труп»⁵, — писал К. Маркс. Судьба империи была предрешена.

Правительство Паликао пыталось скрыть от народа Седанскую катастрофу. Только вечером 3 сентября, когда в Париж стали просачиваться сведения о капитуляции при Седане и о том, что дорога в столицу открыта неприятелю, правительство вынуждено было официально объявить о поражении. Эта весть с быстротой молнии облетела Париж. Вечером рабочие Бельвиля, Монматра и других округов двинулись к Бурбонскому дворцу с криками: «Долой империю!», «Низложение! Да здравствует Франция!», «Да здравствует республика!» Но демонстранты были рассеяны отрядами жандармерии.

На следующее утро, 4 сентября, манифестации народных масс возобновились. Все настойчивее звучали голоса о необходимости низвергнуть империю Наполеона III и

провозгласить республику. Но буржуазная оппозиция в Законодательном корпусе больше всего боялась народа. Когда 4 сентября революционная ситуация определилась с достаточной точностью, вожди республиканской оппозиции Законодательного корпуса приняли все меры к тому, чтобы не допустить к власти истинных представителей народа. За его спиной они ведут переговоры о создании нового правительства, привлекая на свою сторону монархиста Трошю. И хотя народ захватил ратушу и водрузил на ней красное знамя, опытным, прожженным политическим дельцам во главе с Ж. Фавром и Гамбеттой и на этот раз удалось провести его.

Чтобы поднять свой авторитет и придать некую демократическую видимость новой власти, они решают включить в свой состав популярного в то время республиканца Рошфора, которого революционный народ только что освободил из тюрьмы. «Лучше уж иметь его с нами, чем против нас», — заявил Ж. Фавр.

Так в результате бескровной революции, на гребне волны народного энтузиазма, всплыло временное правительство буржуазных республиканцев и монархистов. Больше всего они опасались социалистов и боялись «красных». Народ Парижа своим стихийным порывом смел прогнившую ненавистную империю и заставил представителей левой оппозиции вопреки их воле провозгласить республику. Однако плоды его победы достались другим — прожженным буржуазным дельцам.

Вечером 4 сентября на своем первом заседании правительство, назвавшее себя «правительством национальной обороны», провозглашает своим главой генерала Трошю, того самого, который при назначении его главнокомандующим военными силами столицы клялся императору Наполеону III: «все, что я смогу сделать для предотвращения революции, я сделаю». Его заместителем и министром иностранных дел был назначен Ж. Фавр, военным министром — генерал Лефлю.

Падение империи было встречено всей Францией с облегчением.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 521.

ИСТОКИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ —
31 ОКТЯБРЯ 1870 г. И 22 ЯНВАРЯ 1871 г.

Карл Маркс дал блестящую характеристику правительства «национальной обороны». Республика «находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов¹, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно.

Распределение функций между членами этого правительства не обещает ничего хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни»².

Как могло получиться, что «либеральные пройдохи захватывают власть»?³ Объяснялось это тем, что рабочий класс Франции не имел еще своей опытной, закаленной в боях партии, которая могла бы указать ему верный путь. Большинство активных и популярных членов Интернационала — Б. Малон, Л. Франкель, Жоаннар, Комбо и другие — находились в тюрьме, некоторые скрывались вдали от родины, как Варлен. Федерации Интернационала были разрушены.

Наиболее известные бланкисты — Эд, Флуранс и другие — также сидели за решеткой, другие ушли в подполье. Да и в сознании этих социалистов было еще немало путаницы, и им самим еще неясны были цели и дальнейшие пути. Они не были подготовлены к развертываю-

щимся событиям и поэтому в решающий момент оказались в хвосте событий.

К. Маркс во втором воззвании Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне четко сформулировал эти задачи⁴. Разоблачая завоевательные планы прусского правительства, Маркс призывал немецких и английских рабочих «стать на сторону французской республики».

Обращаясь к французским рабочим, воззвание указывало: «Эта республика не ниспровергла трона, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны».

К. Маркс предупреждал французских рабочих: «Французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния». «Французские рабочие, — продолжал он, — должны исполнить свой гражданский долг, но вместе с тем они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными традициями Первой империи». Маркс особо подчеркивает опасность для рабочего класса подпасть под влияние буржуазии, стремившейся воплями об «обороне отечества» отвлечь народные массы от своих революционных классовых и подлинно национальных задач. «Им [рабочим] нужно не повторять прошлое, а построить будущее». Что же должны делать в этой обстановке рабочие Франции? Маркс рекомендует использовать предоставленные республикой свободы, чтобы «основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело —

¹ Орлеанисты — одна из монархических группировок того времени, сторонники восстановления на троне Орлеанов, младшей ветви династии Бурбонов. К орлеанистам примыкал глава нового правительства — генерал Трошю.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 280.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 328,

⁴ Это воззвание было единогласно одобрено на специальном заседании Генерального совета 9 сентября 1870 г. Через несколько дней оно было выпущено в Лондоне на английском языке. На французском языке оно было опубликовано в газете «Интернационал» 23 октября в Брюсселе и частично в женевской газете «Равенство» 4 октября. Во Франции с ним позже ознакомились только некоторые интернационалисты, и оно тогда не привлекло к себе должного внимания.

освобождение труда. От их силы и мудрости зависит судьба республики»⁵.

Опасения Маркса, что рабочий класс Франции даст себя одурачить «национальными традициями 1792 г.» и тем самым подпадет под влияние буржуазии, вскоре оправдались. Даже такие наиболее опытные революционные вожди, как О. Бланки, не разглядели вначале классовой сущности «правительства национальной обороны». Бланкисты, левые республиканцы — Ш. Делеклюз, Ф. Пиа, Гамбон и другие неоякобинцы после революции 4 сентября выступали как сторонники правительства, провозглашая классовый мир в стране.

«Прежде всего — пруссаки», — под этим лозунгом выступали вначале все левые республиканские силы, ослепленные шовинистическим угаром. 7 сентября Бланки в первом номере основанной им газеты «La Patrie en danger» («Отечество в опасности») ⁶ совместно с 19 своими соратниками выступил с декларацией, в которой провозгласил: «Перед лицом врага не должно быть ни партий, ни разногласий... Мы, нижеподписавшиеся, отрешившись от всех своих личных взглядов, предлагаем временному правительству свое энергичное и полное содействие без оговорок и условий».

Сходную позицию занимали и члены парижской секции Международного товарищества рабочих, которые собрались вечером 4 сентября на свое первое после революции совещание на площади Кордери. Здесь присутствовали также и члены синдикальных палат. Прудони-сты Белэ и Брюн, которые были днем в ратуше во время самых драматических событий, доложили о формировании правительства. Это собрание также высказалось за поддержку временного правительства, но на известных условиях. На этом собрании было решено направить делегацию к Временному правительству и предъявить ему ряд требований. Делегация была принята представителями правительства только на следующий день. Были предъявлены следующие требования: 1) немедленное упразднение

полицейской префектуры и передача ее функций муниципалитету; 2) немедленное смещение всех должностных лиц империи; 3) упразднение всех законов, ограничивающих право печати, собраний и союзов; 4) немедленные выборы в парижский муниципалитет, который приступит к формированию национальной гвардии; 5) аннулирование (а не амнистия) всех приговоров и преследований по так называемым политическим преступлениям, имевшим место в годы империи; 6) упразднение бюджета культов. Министр внутренних дел Гамбетта, принимавший делегацию, холодно отнесся к требованиям рабочих. «Делегаты уходят изрядно озабоченные, видя, что от такой революции рабочим лучше не будет», — записывал В. И. Ленин в конспекте книги коммунара Лефрансе, который был участником делегации⁷.

В тот же вечер состоялось новое собрание представителей рабочих на улице Омэр, на котором присутствовало несколько сот человек. Было решено организовать во всех 20 округах Парижа «республиканские комитеты бдительности». В задачи этих комитетов, как формулировали их организаторы, входило «принятие мер к спасению отечества и к установлению истинно республиканского режима». Было решено, что каждый комитет бдительности округа пошлет четырех своих представителей в «Центральный республиканский комитет национальной обороны двадцати округов Парижа» (позднее его стали называть «Центральный Комитет двадцати округов» или «Делегация двадцати округов»).

Комитеты бдительности должны были проводить на местах в мэрских контроль и наблюдение за деятельностью муниципальной администрации. Избранные на открытых народных собраниях, они были тесно связаны с массами народа. К ним стекались все предложения об улучшении обороны Парижа, о всех нуждах и чаяниях масс.

За организацию комитетов принялись интернационалисты. В состав комитетов входило много рабочих и социалистов. Чаще всего они работали при окружных мэриях и находились в их помещениях. Не без борьбы, порой очень острой, приходилось членам и активистам наблюдательных комитетов отстаивать свое право на

⁷ В. И. Ленин. Конспект первой части книги Г. Лефрансе. «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 11.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 281.

⁶ В. И. Ленин, считая, что Бланки «несомненный революционер и горячий сторонник социализма», вместе с тем отмечал, что он «для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль „Отечество в опасности“» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 451).

существование, так как мэры округов и их помощники, назначенные 5 сентября мэром Парижа Эттьеном Араго, были «почти все его друзья, все из буржуазии»⁸. А мэр столицы приходился дядей одному из министров нового правительства Эмилю Араго, который и назначил его на это место.

ЦК двадцати округов начал свое существование 11 сентября. Он находился в том же доме, где помещалась Федеральная палата рабочих обществ и Парижская федерация Международного товарищества рабочих. Подавляющее большинство членов ЦК двадцати округов составляли социалисты. В его состав входило более 20 членов Интернационала — Варлен, Белэ, Дюваль, Жоаннар, Малон, Пенди, Тейс и др. Из видных бланкистов в ЦК работали Э. Вайял, Тридон, Ферре, Эд и др. Заметим, кстати, что все эти деятели были потом избраны в члены Парижской Коммуны. Эта организация играла руководящую роль в разворачивающихся событиях вплоть до создания Центрального Комитета национальной гвардии, т. е. до начала марта 1871 г. ЦК двадцати округов не имел своей газеты, но его обращения, воззвания, постановления печатались в газетах неоякобинцев — «Combat» («Битва», редактор Ф. Пиа) и «Réveil» («Пробуждение», редактор Делеклюз).

15 сентября на стенах домов в Париже появилась афиша Центрального Комитета двадцати округов к гражданам Парижа, подписанная 48 его членами, присутствовавшими на заседании в ночь на 14 сентября. В ней выдвигались следующие требования: 1) уничтожение полиции и замена ее выборной и ответственной перед муниципалитетами администрацией; полная свобода печати, слова и собраний; 2) экспроприация всех продуктов продовольствия у торговцев с гарантией им уплаты после войны; выборы комиссий по кварталам для инвентаризации всех продуктов, их охраны и распределения по карточкам (бонам); 3) выборы всех военачальников, вооружение всех граждан, способных носить оружие; установление контроля за всеми принимаемыми для обороны мерами; 4) объявление поголовного ополчения всех без исключения французов, способных носить оружие, «дабы поддерживать патриотическое рвение народа».

⁸ В. И. Ленин. Конспект первой части книги Г. Лефрансе, «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 12.

Это воззвание было встречено народом очень сочувственно, так как выражало его чаяния. Оно обсуждалось на собраниях клубов, в комитетах. В левой печати — в газете Бланки, в газетах неоякобинцев появились статьи, авторы которых не только приветствовали эти требования, но и развивали их дальше. «Надо немедленно покончить со всем, что осталось от императорского режима», — писала газета «Битва» 16 сентября 1870 г.

Парижская федерация Интернационала до половины октября не проявляла себя как организованная сила. Когда член Генерального совета Международного товарищества рабочих О. Серрайе в первых числах сентября приехал из Лондона в Париж как представитель Интернационала, он не нашел там организации.

По инициативе наблюдательных комитетов и социалистов в первые же дни революции вновь стали возникать многочисленные политические клубы. Здесь формировалось политическое сознание масс, здесь проявлялась их активность, звучали резкие обличительные речи против правительства и его агентов. По данным советского историка П. М. Керженцева, в Париже в то время возникло до 40 таких клубов.

Все тяготы и лишения, нужда и голод, связанные с войной и в особенности с осадой Парижа, легли на плечи рабочих и мелкой буржуазии. В клубах и наблюдательных комитетах слышались требовательные голоса этой массы. Как мы увидим позже, именно здесь чаще всего начинали звучать требования создать «Правительство Коммуны».

В первые дни революции лагерь реакции растерялся, притих. Но вскоре реакционеры поднимают голову, чтобы ринуться в бой в защиту своих привилегий и основ буржуазного общества. Уже появление афиши ЦК двадцати округов вызвало их гнев и раздражение. Враждебные руки срывали ее со стен. Реакционные газеты подняли клеветническую кампанию против Бланки и других левых, называя их «преступниками», «предателями», «разрушителями единства нации». Газеты, близкие к правительству, объявили, что программа ЦК — это «призыв к грабежам», покушение на священную собственность, что вожаки подкуплены императорской полицией. Реакционные писак все сильнее возвышали голос, так как знали, что у них есть сторонники в правительстве. Конечно, до поры до времени правительство должно было скрывать свое настоящее

лицо, должно было заискивать перед революционными массами, чтобы поддерживать свой мнимый авторитет и укреплять в народе простодушную веру в «республиканизм» и «оборончество». Этому способствовал также крайне разнородный состав временного правительства: наряду с явными монархистами, как Трошю, в руках которого совместно с бонапартистом префектом полиции Кератри находились все вооруженные силы, были орлеанисты Ж. Симон и Крэмье. Слышавшие республиканцами Гамбетта, Рошфор, Пеллетан, Эм. Араго и другие своим присутствием в правительстве поддерживали в народе миф о его «республиканизме». Были и такие, как Пикар и Ж. Ферри, которые всегда колебались между явными реакционерами и сомнительными республиканцами (В. И. Ленин метко дал им выразительную кличку «чего изволите?»⁹). Но все они были врагами социализма и рабочего класса.

В первый период политика правительства по ряду основных вопросов была колеблющейся, нерешительной и отличалась полумерами.

Борьба за власть сконцентрировалась тогда вокруг главного вопроса: война или мир? За кем пойдут массы? Чье влияние окажется сильнее — буржуазии или пролетариата? В чьих руках окажется реальная сила?

Очень скоро вожди революции убедились, что «правительство национальной обороны» на самом деле является «правительством национальной измены».

Глава нового правительства Трошю был настроен пораженчески. Еще до перехода власти в его руки, в середине августа 1870 г., он в узком кругу заявил: «Что касается Парижа, то оборонять его было бы чистым безумием»¹⁰. Большинство членов правительства также были пораженцами и не верили в возможность успешной борьбы с пруссаками.

Но народ был настроен оборончески. Это настроение питалось призывами Бланки и его друзей, всех левых газет. Поэтому было рискованно открыто выступать с требованиями капитуляции Парижа или явно проводить политику, рассчитанную на нее. Втайне же правительство при-

⁹ В. И. Ленин. Конспект первой части книги Г. Лефрансе. «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 11.

¹⁰ Сам Трошю позже утверждал: «Когда я после 4 сентября взял в свои руки дело героической обороны, я знал, что оно безнадежно в военном и политическом отношении».

нимало все меры к тому, чтобы подготовить капитуляцию на любых условиях, заключить мир с пруссаками. Видимость сопротивления и мир любой ценой — вот линия, которую проводило правительство. В этот момент на историческую сцену выступил монархист Тьер, до поры до времени державшийся в тени, тот самый Тьер, о котором с таким блеском писал К. Маркс: «Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку на всевозможных банальных подвехах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий,... напичканный классовыми предрассудками вме-

сто идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной»¹¹.

Отныне три человека — Трошю, Тьер и Фавр в основном определяли политику страны. Страх перед рабочими, перед «красной опасностью», перед «социальной республикой» руководил ими во всей внутренней и внешней политике. Уже 12 сентября Тьер в качестве чрезвычайного посла был направлен в Лондон, Петербург и Вену добиваться дипломатической помощи французскому правительству в его тайном стремлении поскорее заключить мир с пруссаками. Министр иностранных дел Ж. Фавр обратился к американскому и английскому послам с просьбой содействовать ему в организации секретной встречи с Бисмарком. И вот 19 сентября эта встреча произошла. Бисмарк и Фавр вели переговоры о скорейшем заключении перемирия.

Трошю осуществлял свой план — всячески дезорганизовать оборону Парижа, внося деморализацию и раздор в ряды национальных гвардейцев, мелкими, заранее обреченными на неудачу вылазками во вражеские позиции подрывать героический дух бойцов, организацией голода в столице подготовить население к мысли о невозможности защиты ее, о необходимости капитуляции. Конечно, все это делалось тайно, в сговоре со своими людьми, которые были расставлены всюду в государственном аппарате.

Чтобы завоевать доверие масс, Трошю в первые недели революции пошел даже на то, чтобы удовлетворить повсеместное народное требование о всеобщем вооружении. К концу сентября к 60 старым батальонам национальной гвардии, состоявшим в основном из представителей имущих классов, прибавились еще до 200 новых батальонов, по преимуществу из рабочих, ремесленников, мелких буржуа, которые искренно хотели защищать национальную честь Франции от вторгшихся оккупантов. Это были батальоны главным образом пролетарских районов Парижа — Монмартра (XVIII округ), Батиньоля (XVII округ), Менильмонтана (XX округ), Пепенкура (XI округ) и др., где было много безработных. Народ пока еще верил правительству. Трошю сначала даже пользовался некоторой популярностью среди национальной гвардии.

Бланкисты раньше других стали подозревать правительство в национальной измене. Все громче теперь звуча-

ли голоса Бланки, Тридона, Флуранса и других его друзей в их газете, в клубах, на собраниях. Бланки понимал, что борьба с капитулянтами и сторонниками «мира во что бы то ни стало» — это борьба между имущими и неимущими. 18 сентября 1870 г. он писал в своей газете «Отечество в опасности»: «Париж интеллигенции и труда желает войны до последней крайности... Париж роскоши и богатства горит нетерпением вновь вернуться к своим оргиям, хотя бы ценой чести».

В день возвращения Фавра в Париж в печати появилось сообщение о поездке его в ставку прусского короля для

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 327—328.

переговоров о перемирии. Тайна начала выплывать наружу. Народ взволновался. 20 сентября в зале «Альказар» состоялось собрание 230 представителей комитетов бдительности. На этом собрании был принят ряд постановлений, в которых заявлялось, что «республика не может вести переговоры с врагом, занимающим ее территорию. Париж готов скорее похоронить себя под развалинами, чем сдаться».

В резолюции выдвигались три требования к правительству: 1) немедленное издание декрета о всеобщей мобилизации в стране, а также о реквизиции всего, что необходимо для обороны страны и снабжения ее защитников; 2) скорейшее избрание членов Парижской Коммуны; 3) упразднение полицейской префектуры и передача ее функций муниципальной полиции, которая будет находиться в ведении Парижской Коммуны.

Эти постановления были отпечатаны в виде афиши, и делегация в составе 20 человек, избранных на собрании, передала их правительству. С этого момента борьба между правительством и его сторонниками и лагерем революции развертывается вокруг этих основных требований.

На следующий день ратушу наводняют новые делегации, протестующие против капитулянтской позиции правительства. «Да здравствует Республика!», «Долой Бисмарка!», «К оружию!» — раздаются голоса у ратуши.

С 20 по 25 сентября происходили народные манифестации, направленные против правительства. Когда Фавр увидел, что его тайные капитулянтские шаги стали известны и вызвали гнев народа, он поспешил предпринять новый маневр, чтобы вновь обмануть массы. Появляется прокламация правительства, в которой говорится: «Распространяют слухи, что правительство национальной обороны намерено отказаться от политики, для проведения которой ему был доверен этот почетный и опасный пост. Эту политику можно сформулировать следующим образом: мы не уступим ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей». Правительство Трошю — Фавра вело двуличную игру. Тайные переговоры с пруссаками продолжались. Тьер по-прежнему выполнял свою миссию за границей.

К концу сентября начинает намечаться перелом в построении масс по отношению к правительству.

За первые две недели своего существования правительство ничего не сделало, чтобы укрепить силы сопротивле-

ния врагу и оборону страны. Правда, оно направило болтливого Гамбетту в Тур, чтобы мобилизовать патриотические силы провинции. Но это была только видимая цель турецкой делегации. На самом деле Трошю и Фавр руководствовались желанием держать подальше нежелательного свидетеля их капитулянтских дел и боялись, что Гамбетта со своими сторонниками может расстроить их планы соглашения с пруссаками.

Тем временем пруссаки продолжали развивать наступление, увеличивая зону оккупации страны. С 19 сентября началась осада Парижа. Она принесла трудовому народу новые тяготы. Война вызвала резкое сокращение производства и торговли, увеличение числа безработных, рост дороговизны. Осада Парижа еще больше усугубила эти трудности. В конце сентября — в начале октября начались продовольственные затруднения. С рынка исчезли мясо и молоко.

Зима в том году выдалась на редкость холодная. Трошю и Фавра это мало беспокоило. Они не принимали никаких мер, чтобы увеличить запасы продовольствия и топлива в столице. Напротив, холод и голод могли стать их союзниками в борьбе с народными массами.

Уступая настойчивым требованиям масс, правительство вынуждено было декретировать твердые цены на мясо и хлеб. Но оно ничего не сделало для того, чтобы провести этот декрет в жизнь и заставить торговцев продавать продукты по установленным ценам. В газетах все чаще и чаще стали появляться сообщения о продаже на рынке крыс, кошек и собак, о вкусе их мяса. Так, газета «Битва» 1 ноября 1870 г. извещала, что в Зоологическом саду начинается продажа буйволиного мяса, а 8 ноября сообщила о продаже мяса кошек и собак. Бешеная спекуляция продуктами вела к быстрому росту цен. За четыре зимних месяца (с конца сентября 1870 г. по конец января 1871 г.) цена картофеля возросла в 12 раз.

Нужда масс росла. Начались перебои с хлебом. Возбуждение выливалось в бурные вспышки протеста голодных людей. В газетах неоякобинцев и бланкистов все чаще и настойчивее звучали требования реквизиции запасов продовольствия и распределения их среди бедноты и национальных гвардейцев. 8 декабря газета «Битва» вновь требовала принятия решительных мер для ликвидации продовольственного кризиса. Газета писала: «Банкир, ко-

торый может заплатить за фазана 100 франков, меньше нуждается, чем рабочий, который не может заплатить за кочан капусты 100 су». Продовольственный вопрос стал вопросом жизни для народных масс и в этот период больше всего волновал участников собраний клубов. 8 ноября в клубе «Французская коллегия» председатель собрания требовал: «Надо, чтобы правительство завладело всеми продуктами и всеми необходимыми предметами без исключения; надо без промедления начать домашние обыски не только у оптовых и мелочных торговцев, но и у всех частных лиц и вскрыть их кладовые; надо, чтобы все съестные продукты, дрова, уголь и другие предметы были снесены в общий склад и распределялись затем бесплатно и равными rationами между защитниками отечества и их семьями». Подобные предложения звучали и в выступлениях многочисленных ораторов в различных клубах и наблюдательных комитетах. На этих политических требованиях сходились и бланкисты, и неоякобинцы.

В этой обстановке крайнего обострения классовых противоречий и накала политических страстей особенно часто и настойчиво звучит и в левых газетах, и на народных собраниях, и в многочисленных клубах и наблюдательных комитетах лозунг «Парижской Коммуны», который приобретает особое социальное звучание.

Противоречивая, колеблющаяся политика правительства все больше разоблачала его истинные классовые корыстные цели и усиливала позиции его противников. Для примера остановимся только на одном вопросе: о выборах в Национальное собрание и Коммуну.

Уже в первые дни своего существования правительство приняло решение о проведении выборов в парижский муниципалитет «в кратчайший срок». 16 сентября было опубликовано постановление о выборах в муниципалитеты в провинции; через день муниципальные выборы в Париже были перенесены на 26 сентября, а выборы в Национальное собрание, назначенные на 16 сентября, откладывались на 2 октября.

После народных демонстраций 20—25 сентября и роста недовольства в стране правительство опасалось проводить выборы в такой обстановке. 27 сентября был опубликован новый декрет об отсрочке всех выборов; он произвел очень неблагоприятное впечатление. На собрании в клубе шестого округа была принята резолюция, осуждавшая позицию

правительства в вопросе о выборах. «Мы сожалеем, что правительство не пожелало увеличить свои силы при помощи поддержки, которую оно получило бы, если бы оно не отказалось от своей первоначальной мысли провести в Париже муниципальные выборы». Это было не единственным выступлением, а типичным. В октябре — ноябре правительство Трошю — Фавра все более и более разоблачало себя как антинародное и антинациональное.

Все громче и громче слышались призывы бланкистов: «Надо установить революционную Коммуну, которая спасет честь Франции». Ослепленный патристическими иллюзиями, пролетариат в первый месяц господства «либеральных адвокатов и двуличных монархистов»¹² не замечал многого. Но горькая действительность все больше и больше отрезвляла головы тех, кто еще призывал к поддержке правительства во имя обороны страны. Октябрьские дни в Париже и провинции показали, что народ перестает верить в готовность Трошю вести борьбу с пруссаками.

Манифестации вооруженных национальных гвардейцев перед ратушей 5 и 8 октября, их требования — активизировать военные действия против пруссаков и немедленно приступить к выборам в Парижскую Коммуну — показали, чего хотят и добиваются массы.

Но правительство Трошю — Фавра 7 октября снова подтвердило, что оно против выборов в Коммуну до конца осады. Оно запретило национальным гвардейцам участвовать в демонстрациях. В ответ на это 8 октября ЦК двадцати округов призвал организовать новую демонстрацию. На площади перед ратушей собралось несколько десятков тысяч демонстрантов, большинство которых были национальные гвардейцы. В толпе то и дело раздавались возгласы: «Да здравствует Коммуна! Мы хотим Коммуны!»

По словам активного участника Парижской Коммуны и ее первого историка Лефрансе, массовая демонстрация 8 октября была «первой попыткой заменить правительство Коммуной».

Демонстрация 8 октября показала дальнейшую поляризацию общественных сил. Правительство резко повернуло вспять.

10 октября газета «Отечество в опасности» печатает статью Брейе. «Коммуна — это Париж, защищающий себя

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 328.

и изгоняющий пруссаков из страны, это революция, которая нагоняет дрожь на деспотов и искореняет троны, это спасение Франции и республики, это пролетариат, освобожденный от капитала. Парижская Коммуна — это ужас для трусов, изменников и реакционеров», — говорилось в этой статье.

21 октября в этой же газете появляется новое воззвание ЦК двадцати округов. «Перед лицом двойной опасности — чужеземного вторжения и внутренней реакции — война должна вестись без пощады, без слабости. Никакого перемирия, никакого дипломатического вмешательства... никакого мира с врагами, пока они находятся на нашей священной земле... Вставайте все, кто трудится, борется и страдает ради справедливости, вставайте все угнетенные! Пришел час великого боя, который рассудит народы и королей, сверхчеловеческий поединок двух принципов... Да здравствует всемирная республика!»

Но в рядах подлинных республиканцев нет единства. Даже среди бланкистов еще не изжиты разногласия о тактике. Пришло ли или еще не настало время для свержения «правительства изменников»? Как бороться: вооруженным путем или мирным — путем выборов в революционную Коммуну?

Бланки уже начинает понимать, что «нельзя больше рассчитывать на республиканскую политику правительства». Правительство Трошю «полностью подчинено самой крайней реакции... Отсюда до соглашения с врагом только один шаг», — писал он 25 октября в своей газете. Днем раньше, 24 октября, он писал: «Раскрывая тайные замыслы врага, задаешь себе вопрос: не грозит ли изнутри еще более серьезная опасность, чем извне». Этот мотив о «внутренних врагах», реакционерах, более опасных, нежели пруссаки, впервые появляется в ясно выраженном виде с конца октября в бланкистской газете и выступлениях ораторов в народных клубах. Но Бланки и бланкисты еще боялись сделать решительные выводы из этого положения — призвать народ к восстанию против изменников. Они боялись развязать гражданскую войну перед лицом пруссаков.

Правительство Трошю продолжало плести свои интриги. Успешные героические вылазки национальной гвардии, рвавшей в бой с врагом, окружившим Париж (13 октября при Банье и 21 октября при Мальмезоне), в конечном

счете оканчивались поражением, ибо Трошю это поражение нужно было в политических целях: доказать неспособность национальной гвардии к обороне, а значит, и ее бесполезность, и в то же время фактически уничтожить наиболее активные и революционные силы. Тем временем генерал-бонапартист Базен, который командовал расположенной в Меце рейнской армией, последней крупной армией страны (около 175 тысяч солдат), в середине октября начал тайные переговоры с Бисмарком о капитуляции. Эти переговоры велись с ведома правительства и закончились сдачей крепости.

Когда 24 октября Ф. Пиа в своей газете «Битва» сообщил о переговорах Базена с пруссаками по вопросу капитуляции, поднялась буря негодования. Редакция газеты была разгромлена. Правительство, скрывая от народа правду о предательстве, выступило в «Официальной газете» с опровержением, в котором было сказано, что «прославленный Базен держит шпагу Франции твердой и честной рукой». Но уже через два дня, 30 октября, когда правду о предательстве в Меце нельзя было больше скрывать, правительство вынуждено было официально объявить: «Маршал Базен и его армия после героических усилий вынуждены были сдаться». Это была новая ложь, ибо монархист Базен проводил ту же «героическую» политику в отношении пруссаков, что и Трошю: он не прилагал никаких усилий в борьбе с немцами, а искал соглашения с ними.

Одновременно разворачивались и другие события. На рассвете 28 октября геройской атакой национальной гвардии был взят Бурже. Это была первая удачная вылазка парижан за все время осады. 29 октября сражение с пруссаками продолжалось. Но Трошю сделал все от него зависящее, чтобы помочь пруссакам. Он оставил свои войска без резервов и помощи и дал врагам возможность подтянуть свои силы. Вечером 30 октября парижане узнали о новом поражении. Трошю поспешил обвинить в нем национальных гвардейцев: в обращении к населению Парижа он заявил о «печальном случае, имевшем место в Бурже, когда один отряд, захватив врасплох противника, не проявил должной бдительности и в свою очередь дал застигнуть себя врасплох». В тот же день правительство, заслушав отчет Тьера о его заграничной миссии, решило вновь послать его к Бисмарку для переговоров о капитуляции.

Сообщения о сдаче Меца, поражении при Бурже и решении возобновить переговоры о капитуляции переполнили чашу терпения народа, страдавшего под бременем осады. Всюду заговорили об измене.

В 8 часов утра 31 октября Центральный Комитет двадцати округов на своем чрезвычайном заседании решил немедленно в полном составе явиться в ратушу с требованием свержения «правительства изменников» и организации выборов в Парижскую Коммуну. Вскоре они направились к ратуше.

Народ с раннего утра начал заполнять площадь у ратуши. Им двигало негодование и недовольство «правительством измены». К полудню на площади собралось несколько тысяч человек. Раздавались крики: «Не надо перемирия!», «Да здравствует Республика!», «Да здравствует Коммуна!»

Коммунарка Луиза Мишель писала об этом дне: «4 сентября кричали: „Да здравствует Республика!“, 31 октября раздался клич: „Да здравствует Коммуна!“».

Правительство не располагало военными силами, чтобы подавить восстание. Вызванный на помощь 186-й батальон национальной гвардии отказался стрелять в народ. Ратушу захватывают повстанцы. Лефрансе от имени ЦК двадцати округов провозглашает правительство низложенным. Выбирается комиссия для срочного проведения выборов в Парижскую Коммуну, которая должна заменить свергнутое «правительство изменников». В комиссию вводят также Дориана — одного из членов правительства Трошю. К 4 часам к ратуше пробрался бланкист Флуранс со своим батальоном в составе более 3 тысяч человек. Проникнув в ратушу, Флуранс застал там народ, митингующий в многочисленных залах. По рукам ходили различные списки нового революционного правительства, они были очень пестры и отражали неясные и смутные стремления их авторов. Наряду с Бланки и Флурансом в списках фигурировали Пиа, Делеклюз, Луи Блан и даже Дориан — смесь разных людей с разными воззрениями, от подлинных революционеров до либералов.

Пиа и Делеклюз отказались войти в революционное правительство. Флуранс провозгласил новый список революционного правительства — Комитет общественного спасения, в состав которого был включен Бланки. Но Бланки еще не было в ратуше, он явился туда только вечером.

Бланкисты и неоякобинцы, находившиеся здесь, не смогли охватить вспыхнувшее народное движение своим влиянием и придать ему организованный характер.

В этой сумятице никто не позаботился об аресте главных членов правительства — Трошю, Фавра, Ж. Ферри и других. Пользуясь суматохой и неразберихой, они поодиночке исчезали из ратуши, чтобы очень скоро (буквально через несколько часов) появиться здесь вновь уже с войсками, главным образом преданными Трошю бретонцами. Правительство Трошю не было вполне уверено в своей силе. Париж еще не успокоился. В округах шли бесчисленные собрания, на которых обсуждалась сложившаяся обстановка. Среди национальной гвардии также царили разброд и колебания. В этой обстановке правительство дало обещание назначить парижские выборы в муниципалитет на 1 ноября, а выборы нового правительства на 2 ноября. Оно обещало также не принимать никаких репрессивных мер против руководителей восстания. Но на следующий же день, когда положение определилось с большей четкостью и Трошю почувствовал, что сила на его стороне, он забыл о всех своих обещаниях. Народ снова был обманут.

Восстание потерпело поражение. Через день начались аресты и репрессии. Бланки и Флуранс избежали ареста, скрывшись в подполье. 44 наиболее видных участника восстания — Тридон, Ранвье, Лефрансе, Верморель и другие — были посажены в тюрьму. Началась смена наиболее радикально настроенных командиров батальонов национальной гвардии. Правительство еще более резко метнулось вправо.

К. Маркс так оценивал эти события: «Если бы в начале ноября 1870 г. в Париже победу одержала Коммуна (когда ей уже было положено начало в других больших городах страны, примеру которых несомненно последовала бы вся Франция), то не только дело обороны было бы вырвано из рук изменников и оборона велась бы с тем энтузиазмом, которым преисполнена героическая борьба Парижа, но совершенно изменился бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоеваний и контрреволюции.. Коммуна наэлектризовала бы трудящиеся массы Старого и Нового света. Мошеническим срывом Коммуны 31 октября Ж. Фавр и К^о обеспечили капитуляцию Франции перед

Пруссией и положили начало нынешней гражданской войне»¹³.

Восстание 31 октября вновь показало неорганизованность революционных сил страны, отсутствие у них единства во взглядах и тактике, отсутствие единого руководства и организации рабочего класса. Ни Парижская федерация Интернационала, ни Федеральная палата рабочих, в которых наибольшим влиянием пользовались прудонисты, в это время не принимали участия в народном движении. Они руководствовались положением, что «как организации Интернационал и Федерация должны избегать всяческого участия в чисто политических движениях», как писал активный участник событий тех дней прудонист Лефрансе.

События 31 октября заставили правительство отказаться от немедленной капитуляции и временно отвергнуть предложения, привезенные Тьером из прусской главной квартиры, хотя он советовал правительству согласиться на условия Бисмарка. Немецкие войска продолжали наступление.

Оккупация Франции прусскими войсками началась уже 4 августа 1870 г. В августе они захватили Эльзас. Лотарингию и Арденны, в сентябре заняли провинцию Иль-де-Франс (департаменты Сены и Уазы, Сены, Сены и Марны), в октябре — провинции Орлеан, Турень, Пикардию, в ноябре — Франш Конте и Нормандию, в декабре — Мез, Фландрию и Артуа, в январе 1871 г. — Бургундию. Таким образом, к февралю 1871 г. почти половина территории Франции (43 департамента из 89) с населением свыше 10 млн. чел. находилось под игом немецких оккупантов. Они овладели богатейшими районами страны и установили там строжайший оккупационный режим.

Немецкое командование твердо руководствовалось варварским и грабительским правилом: «война должна кормить войну». Оно облагало население оккупированных местностей непомерно высокими налогами, контрибуциями и всяческими поборами и реквизировало все, что требовалось для содержания немецкой армии. Оккупанты вводили на захваченной территории свои военные суды, жестоко преследовали население. Известны многие случаи истребления целых селений, угона мирных жителей в Пруссию. Ф. Энгельс с глубоким негодованием описывал

способ ведения войны пруссаками: «Обреченное селение окружают, его жителей выгоняют, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным судом... Можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью»¹⁴.

Оккупанты расхищали и грабили богатства Франции, вывозили в Германию ценнейшие произведения искусств.

Однако своими зверствами и жестокостями пруссаки не сломили народ Франции. По мере распространения оккупации росло партизанское движение. Партизаны порой навели ужас на оккупантов. По данным французских военных историков, число франтиреров (партизан) на всей оккупированной территории страны превышало 50 тыс. человек.

Но не все французы оказывали сопротивление врагу. Крупные землевладельцы и капиталисты часто встречали немцев как освободителей. Так, например, было в Нанси. Герцог д'Альбюфера, мэр Вернона (департамент Эр) призывал не оказывать пруссакам никакого сопротивления, а буржуа Руана в середине октября обратились к прусскому командованию с просьбой о скорейшей оккупации, опасаясь волнений рабочих. 4 декабря мэр Дарнеталя просил об усилении оккупационных войск в городе. Он писал военному коменданту: «Добропорядочные граждане здесь, как и везде, ведут себя благоразумно и спокойно, но я не могу отвечать за чернь. Тут имеется несколько фабрик, следовательно, много рабочих».

Тем временем положение парижан все больше ухудшалось. В начале октября нужда в столице стала еще заметнее. Появились первые очереди по ночам, сначала за мясом, а потом и за хлебом. 7 октября открылся специальный рынок для продажи конины. Скоро исчезли с рынка и эти продукты. К началу ноября на Центральном рынке кошка стоила 5 франков, а в январе уже 12. Продукты в столице имелись, но их прятали и продавали по бешеным ценам. Те, кто имел деньги, могли достать все, что им было нужно, а беднякам приходилось голодать. Безработица росла, а с ней росла и самая крайняя нужда. Увеличились заболеваемость и смертность. В январе 1871 г. умирало в четыре раза больше людей, чем за полгода до этого.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 541.

¹⁴ Там же, стр. 170.

Но ни нужда, ни голод не могли сломить боевой дух парижских рабочих и ремесленников. Лозунг «Да здравствует Коммуна!» все чаще и настойчивее звучал в октябре и ноябре в клубах, народных собраниях, наблюдательных комитетах, все чаще он появлялся на страницах демократической печати и в особенности на страницах бланкистской газеты «Отечество в опасности». С Коммуной связывались все чаяния, все надежды народа. «Только Коммуна может спасти нас. Коммуна — это права народа, это равное снабжение, это всеобщее ополчение», — говорил оратор в одном клубе.

17 декабря на собрании в клубе Медицинской школы, который находился под влиянием членов Интернационала, один из ораторов говорил: «Правительство не проявляет никакой энергии и ничего не делает... Если через неделю оно ни на что не решится, мы будем действовать помимо него». В другом клубе раздавались требования: «Эти буржуа хотят нас извести голодом... Не ожидая этого, пойдем на ратушу, начнем войну внутри, а уж после будем вести войну внешнюю». В клубе «Фавье» в Бельвиле освобожденный из тюрьмы бланкист Ранвье, член ЦК двадцати округов, 19 декабря говорил: «Если бы Луарской армией командовали генералы-республиканцы, как это было в 93-м году, Париж был бы освобожден от блокады. Вот почему нам нужна Коммуна. Она вернет нам 93-й год и принесет нам победу». 26 декабря на собрании в том же клубе один оратор заявил: «Тактика правительства заключается в том, чтобы морить нас голодом и холодом. Этим оно хочет принудить нас к капитуляции». Другой оратор в том же клубе говорил: «Коммуна — это право народа, это равномерное распределение пайков, это поголовное восстание и наказание изменников; наконец Коммуна — это Коммуна». А в клубе «Рэн Бланш» 26 декабря один из выступавших говорил, что капитуляция — в интересах правительства, «ибо оно может столкнуться с пруссаками, но никогда не сговорится с социалистами».

В этот период начинает замечаться оживление в парижских секциях Международного товарищества рабочих. Уполномоченный Генсовета Интернационала Серрайе обратился ко всем секциям с воззванием, «чтобы заставить их взяться по-настоящему за работу» и избрать новый Федеральный совет. Серрайе в своем отчете Генсовету говорил, что 11 секций отозвались на его призыв и тогда был

организован новый Федеральный совет, «который должен был созывать собрания и быть готовым — в любом округе Парижа — ко всем могущим произойти событиям».

26 ноября Парижская федерация Интернационала вместе с Федеральной палатой рабочих обществ выпустили воззвание. Оно не носило боевого характера, не мобилизовывало массы на конкретные действия, обходило молчанием основной вопрос — вопрос о власти, об отношении к «правительству изменников». Все же оно выражало настроения и требования трудового Парижа: энергичное ведение войны и отказ от перемирия, гарантии республиканского строя, реквизиция продуктов питания и равномерное распределение их, отсрочка платы за квартиры до конца войны, выборы муниципалитета и сменяемость всех чиновников. «Мы требуем отдать землю крестьянину, который ее обрабатывает, шахты — шахтерам, которые в них работают, фабрики — рабочим, благодаря которым они процветают». Воззвание заканчивалось лозунгом: «Да здравствует всемирная демократическая и социальная республика!»

Более боевую и активную позицию занимал в это время ЦК двадцати округов, где тон задавали бланкисты. 5 января 1871 г. ЦК единогласно утвердил текст воззвания «К народу Парижа — делегаты двадцати округов Парижа». Это воззвание, написанное комиссией в составе Вайяна, Валлеса, Леверде и Тридона, было тотчас напечатано и на следующий же день расклеено по городу за подписью 140 делегатов. Буржуазные писакы прозвали его «красной афишей» — не по цвету бумаги, а по его содержанию, и с этим характерным названием оно вошло в историю.

Воззвание призывало народ к решительной борьбе с ненавистным правительством, которому предъявлялось обвинение в том, что оно не выполнило национального долга защиты страны. «У нас 500 тысяч бойцов, а 200 тысяч пруссаков держат нас в осаде! На ком лежит ответственность за это, если не на тех, кто нами правит? Они только и думают о переговорах, вместо того чтобы лить пушки и производить оружие». Авторы воззвания обвинили правительство в том, что оно завело народ «на край бездны». «Надо предоставить народу Парижа самому позаботиться о своем освобождении». В воззвании выдвигался лозунг: «Муниципалитет или Коммуна, — каким бы именем ее ни называть — единственное спасение народа, единственное

его прибежище от смерти». «Поддерживать нынешнюю власть, сотрудничать с ней, — это вечно покрывать все те же ошибки, без конца длить все те же бедствия». Обращаясь к народу, авторы продолжают: «Население Парижа никогда не примирится с таким несчастьем и таким позором. Оно знает, что есть еще время, что решительные меры дадут возможность трудящимся — жить, всем людям — сражаться! Всеобщая реквизиция продовольствия и безвозмездное равномерное его распределение. Всенародное ополчение». «Политика, стратегия и администрация правительства 4 сентября, являющиеся продолжением политики империи, осуждены! Место народу! Место Комуне!»

«Красная афиша» попала в цель. Она нашла широкий отклик в народе, ее обсуждали в клубах и на собраниях. Не осталось глухо и правительство Трошю — Фавра. В тот же вечер Трошю опубликовал «успокоительное» обращение к населению. Начались аресты делегатов, подписавших «Красную афишу». В этой обстановке Трошю решил, что пришло, наконец, время осуществить свой план, который заключался в том, чтобы подготовить «демагогов» к капитуляции путем заранее обреченной на провал военной акции под Парижем. Так была задумана Бюзенвальская операция. Трошю говорил: «Если в крупном сражении под Парижем на поле боя падет 20 или 25 тысяч солдат, Париж капитулирует».

19 января 1871 г. по условному сигналу начались военные действия. Национальные гвардейцы рвались в бой. И действительно, вначале они имели успех — побеждало мужество. Они шли в бой с криками «Да здравствует Республика!». Но все было устроено так, чтобы наступление провалилось. И 20 января Трошю дал приказ об отступлении. Эта четвертная и последняя вылазка со времени осады закончилась заранее запланированным поражением. Много национальных гвардейцев сложило головы на поле боя. Они вновь были преданы.

Генерал Трошю был настолько скомпрометирован, что должен был уступить пост главнокомандующего Парижской армией генералу Винуа, ярому реакционеру и бонапартисту, активному участнику переворота 2 декабря 1851 г.

Обстановка в Париже снова накалилась. На следующий день, 21 января, национальные гвардейцы собрались на

похоронах командира национальной гвардии Ропбрюна, убитого под Бюзенвалем. Слышались крики: «Долю правительству!», «Да здравствует Коммуна!». Вечером того же дня ЦК двадцати округов, ряд клубов и наблюдательных комитетов решили собраться в полдень следующего дня у ратуши. Под утро национальные гвардейцы напали на тюрьму Мазас и освободили заключенных бланкистов во главе с Флурансом. К двум часам дня 22 января собралось до шести тысяч национальных гвардейцев.

Но Трошю, К. Тома и Винуа подготовились заранее: они устроили на площади Ратуши настоящее побоище. Было убито и ранено до 50 человек. Восстание 22 января было подавлено. Снова начались массовые аресты. Демократические газеты Делеклюза и Пиа были закрыты, так же как и некоторые клубы.

Восстание в Париже эхом прокатилось по провинции — в Лионе, Марселе, Крезе. Но там еще ярче обнаружились слабость и незрелость социалистической Франции, отсутствие организованности и руководства. Движение в провинции быстро подавлялось. Теперь правительство твердо решило добиться соглашения с Бисмарком, чтобы собрать силы для решительной борьбы с «красной опасностью», с «демагогами». Уже на заседании 22 января оно поручило Ж. Фавру установить связь с прусским командованием. На следующий день Фавр прибыл в Версаль к Бисмарку для ведения переговоров о капитуляции. 28 января были подписаны предварительные условия капитуляции: Франция должна была уступить Германии Эльзас и Лотарингию (обладавшие богатейшими в Европе залежами железной руды) и уплатить 5 млрд. франков контрибуции; условиями соглашения предусматривалась капитуляция Парижа, занятие немцами большей части фортов и важнейших укреплений; войска, за исключением национальной гвардии, признавались военнопленными, и оружие подлежало сдаче в течение двух недель; Париж должен был уплатить 200 млн. франков военной контрибуции. Немецкие оккупационные войска должны были оставаться в Восточной Франции вплоть до полной уплаты контрибуции. Правительство обязалось в течение восьми дней провести выборы в Национальное собрание, задачей которого было одобрить или отклонить условия мирного договора.

Поверенный в делах Окунев доносил русскому министру иностранных дел Горчакову: «Во Франции все умерен-

ные партии ликуют по поводу созыва представителей страны для решения ее судеб». И действительно, буржуазия и крупные землевладельцы ликовали. Наконец-то скоро придет желанный мир!¹⁵

Выборы в Национальное собрание под прусскими штыками, когда треть страны была оккупирована, не предвещали ничего хорошего, тем более что большинство руководителей революционной Франции находилось в тюрьме. В короткий срок, отведенный для выборов, парижские перредовые рабочие не могли распространить свое влияние на провинцию. Да они и не имели для этого ни средств, ни сил.

Борьба внутри Парижской федерации Интернационала в связи с выборами разгорелась с новой силой. Правое прудонистское руководство Федерации поспешило заключить избирательное соглашение с буржуазно-демократическими организациями. Избирательный список, выставленный от имени четырех организаций — Республиканского альянса, Центрального республиканского союза, Союза защитников республики и Международного товарищества рабочих, был составлен в погоне за крупными известными именами. Он был пестрым по составу: в нем фигурировали и обанкротившийся ренегат социализма Луи Блан, и радикалы Рошфор, Клемансо и др., и представители мелкобуржуазной демократии — Делеклюз и Пиа, и правые прудонисты Толен, Шален, Комбо.

Серрайе, убедившись, что выправить политическую линию руководства Парижской федерации невозможно, пошел на раскол. Он организовал из сторонников Генсовета новый Федеральный совет, который совместно с ЦК двадцати округов и Федеральной палатой рабочих обществ выставили свой избирательный список «революционно-социалистических кандидатов». Он был направлен против блока с буржуазией. В нем фигурировало и имя Бланки, о котором Серрайе говорил: «ведь он — единственный человек, оставшийся честным и последовательным до конца».

¹⁵ Следует отметить одну очень характерную деталь — реакцию парижской и провинциальных бирж. Как только правительство предпринимало шаги к ведению переговоров о капитуляции, стоимость акций на бирже тотчас же повышалась. Французский историк Ж. Бувье в специальной работе показывает прямую связь курса различных акций и облигаций займов на бирже с ходом военных операций и слухами о перемирии и мире.

Были в нем левые прудонисты — Варлен, Франкель, представители Генсовета — Э. Дюпон, Серрайе, известные бланкисты — Эд. Тридон, Ранвье, Вальян. Всего в списке было 43 кандидата, из которых 19 были рабочими. В своем избирательном воззвании они писали: «Это список кандидатов, составленный во имя нового мира партией обездоленных... Рабочие имеют все права занять свое место в грядущем строе. Революционно-социалистические кандидатуры означают: отрицание чьего бы то ни было права подвергать пересмотру вопрос о республике, признание необходимости участия рабочих в правительстве, низвержение правительственной олигархии и промышленного феодализма».

Таким образом, на выборах фигурировали два списка от имени Международного товарищества рабочих. В этом вновь сказались незрелость и слабость социалистического движения. Раскол удалось преодолеть только во второй половине февраля.

12 февраля в Бордо было открыто Национальное собрание. В его состав входило 750 депутатов. Подавляющее большинство их были крупными землевладельцами, провинциальными чиновниками, представителями зажиточных классов. Около двух третей депутатов были сторонниками монархии (орлеанисты, бонапартисты, легитимисты). Они не скрывали своих симпатий. Около 200 человек назвало себя республиканцами.

Выборы выявили два факта: парижские массы революционно настроены, боевой дух их не сломлен, своим голосованием они сказали: за республику, против правительства Трошю — Фавра, а значит, и за борьбу с пруссаками; провинция показала, что она в своем большинстве — против Парижа, против войны, за мир во что бы то ни стало.

В тот же день Ж. Фавр от имени правительства сложил полномочия. О роли своего правительства он сказал: «Самой главной задачей моей и моих коллег была только одна мысль: отразить анархию, помешать позорному мятежу в столице... Наше положение было таково, что утром мы не были уверены, успеют ли к вечеру наши головы».

17 февраля Тьер был провозглашен главой правительства. Через два дня он сформировал правительство, в котором подавляющее большинство составляли представители монархических группировок. Это был блок различных

групп буржуазии и крупных землевладельцев вкупе с находящимися в меньшинстве умеренными республиканцами. В правительство вошли Ж. Фавр, Леффло, Ж. Симон, Э. Пикар, Дюфор, адмирал Потюо и др.

В тот же день Тьер приступил к выполнению своей основной задачи — подготовить заключение мира с пруссаками, чтобы развязать руки для борьбы с «красными». Позже, давая показания парламентской следственной комиссии, Тьер говорил, что когда он был избран главой правительства, основную свою задачу он видел «в заключении мира и усмирении Парижа».

Тьер и Фавр выехали в Версаль к Бисмарку для ведения переговоров о капитуляции. 26 февраля предварительный договор был подписан, а 1 марта представлен на утверждение Национальному собранию. 547 депутатов голосовало за утверждение договора и только 107 осмелились выступить против.

В истории Франции началась новая глава.

Глава IV

РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА. ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Очень скоро обнаружилось истинное лицо Бордоского собрания и его правительства. Одним из первых его шагов было постановление от 15 февраля о новом порядке выплаты жалованья национальным гвардейцам и их женам. Это постановление лишало национального гвардейца пособия, если он не представит справки о материальной нужде и невозможности найти заработок. В разоренном войной и осадой Париже, когда промышленность, ремесла и торговля были свернуты до предела, нищенское пособие гвардейца размером в полтора франка и 75 сантимов его жене часто были единственным источником полуголодного существования сотен тысяч семей. Принимая такое постановление, Национальное собрание бросало вызов прежде всего трудовому народу Парижа. Вскоре (6 марта) глава правительства Тьер, по настоянию финансовых воротил, с которыми он был связан денежными спекуляциями, внес проект декрета об отмене отсрочек платежей по векселям за время осады, которые предоставлялись должникам трижды с августа 1870 г. Декрет, принятый Национальным собранием через четыре дня, означал дальнейшее разорение и угрозу банкротства огромной массы мелких лавочников и ремесленников. На основании этого декрета с 13 по 17 марта в Париже было опротестовано до 150 тысяч векселей.

Во время осады столицы правительство неоднократно устанавливало отсрочку взносов квартирной платы неимущим, каждый раз на три месяца. Последняя отсрочка по этим декретам кончалась в начале марта. Национальное собрание, в угоду богатым домовладельцам, отвергло предложение о продлении отсрочки уплаты задолженности по квартирной плате, и трудовое население Парижа должно

было погасить колоссальную задолженность за три квартала. Все эти декреты имели ярко выраженный антинародный характер и вызвали резкое недовольство парижан.

И как будто бы для того, чтобы нанести новое морально-политическое поражение демократическому и революционному Парижу, Национальное собрание, по предложению Тьера, постановило перенести свою работу в Версаль. В Версале собрался весь «высший свет»; он был переполнен беженцами, главным образом богатыми людьми. Отныне Версаль должен был стать средоточием буржуазии, реакции, а Париж — средоточием революции, патриотического и революционного энтузиазма народных масс. Они как бы символизировали классовую поляризацию сил.

Правительство Тьера и его агенты так же, как и реакционное большинство Национального собрания, всяческими способами — через печать, с трибуны Национального собрания и т. п. — распространяли самые невероятные слухи и клевету, чтобы опорочить и унижить революционный Париж, очернить его в глазах колеблющихся и отсталых слоев населения провинции и в особенности деревенских жителей, посеять недоверие к нему. 5 марта 1871 г. Э. Золя, находившийся в Бордо, писал в своей корреспонденции в газету «La Cloche» («Колокол»): «Вчера в Бордо распространились самые тревожные слухи: в Париже бушует огонь и льется кровь, вспыхнуло огромное восстание... национальная гвардия... увела с собой весь артиллерийский парк... Говорят, что восставшие овладели городом и собираются, если понадобится, засесть в новую осаду и обороняться против Национального собрания. Те, у кого особенно богатая фантазия, прибавляют, будто прусские войска помогли Ж. Фавру восстановить порядок и будто Тьер послал из Бордо 40 тысяч солдат на помощь столице». Это свидетельство зоркого очевидца развешивавшихся событий ярко рисует планы, которые зрели у тех, кто стремился разжечь в стране пламя гражданской войны.

События развешивались стремительно. Вокруг кого группировались революционно-демократические силы? В феврале-марте 1871 г. организационным центром становится Республиканская федерация Национальной гвардии департамента Сены, несколько позже названная Центральным Комитетом Национальной гвардии. В ходе событий он стал руководящим военно-политическим центром, опиравшимся непосредственно на вооруженный народ.

Основные кадры парижской Национальной гвардии сформировались в начальный период революции 4 сентября, когда правительство Трошию — Фавра вынуждено было пойти на массовое вооружение рабочих и ремесленников. Корбон, бывший мэром XV округа, показывал впоследствии парламентской следственной комиссии, что «подавляющее большинство людей, получивших оружие в сентябре и октябре, принадлежало к рабочим, и все они были безработные». В октябре количество оружия, выдаваемого национальной гвардии, превышало 330 тысяч ружей. К концу осады в Париже насчитывалось около 300 тысяч национальных гвардейцев.

Идея объединения этих сил выдвигалась неоднократно. Но особой популярностью она стала пользоваться в февральские дни, во время предвыборной кампании в Национальное собрание. В порядок дня был поставлен вопрос об организации сил национальной гвардии. 28 января офицеры 145-го батальона Национальной гвардии (III округ) обратились к национальной гвардии Сены с предложением создать в каждом округе свои комитеты для «сохранения единства действий». Они предлагали выбрать по одному национальному гвардейцу и командиру и образовать из них Центральный Комитет. Вместе с тем они считали необходимым заняться также вопросом о выборах главнокомандующего. Воззвание было подписано 13 командирами, которые просили другие батальоны немедленно обсудить это предложение и сообщить свое решение инициаторам.

Одновременно другая группа командиров национальной гвардии (III, IV и IX округов) созвала 6 февраля в Национальном цирке общее собрание делегатов (по одному из каждой роты) с целью сплотить республиканские силы на предстоящих выборах. На этом собрании под председательством малоизвестного мелкого торговца, старшего сержанта 88 батальона Курти было решено рекомендовать национальным гвардейцам во время выборов голосовать за кандидатов блока четырех организаций. Было выбрано бюро, которому поручили в случае необходимости созвать новое общее собрание делегатов. Скоро появилась первая афиша за подписью «Центральный республиканский Комитет Национальной гвардии Сены», призывавшая голосовать за кандидатов указанного блока.

15 февраля в зале Тиволи-Воксхолл (X округ) состоялось второе собрание делегатов. На этот раз собрание было

более представительным: в нем приняли участие делегаты батальонов уже 18 округов. На собрании присутствовало 3 тысячи человек, и собрались они уже в другой политической обстановке. К этому времени определилась реакционная, антинародная политика как Национального собрания, так и его правительства. За этот короткий отрезок времени рассеялись многие иллюзии. Этому способствовала и острая политическая борьба различных групп во время выборов, и борьба внутри социалистического лагеря. В этих условияхросло классовое сознание масс, идеи социализма приобретали все новых сторонников. Изменения в сознании большинства национальных гвардейцев уже нашли отражение на втором собрании делегатов Национальной гвардии. Политическая его направленность теперь не подлежала сомнению: делегаты высказались за республику, за сохранение оружия в руках Национальной гвардии, за сохранение целостности Франции («продолжать войну до последней крайности»). Собрание приняло решение требовать предания суду правительство Трошю — Фавра и их сторонников — Тьера и др. Оно требовало также организации Комитета общественного спасения, который смог бы организовать оборону. Было принято решение об организации Центрального Комитета Национальной гвардии. Принято было «Введение к уставу» («Прембула»), в которой выражались основные политические и социальные цели организации.

«Долг каждого гражданина содействовать обороне страны и поддержанию в ней внутреннего порядка, не монархического, а такого, который покоится на чисто республиканских принципах... Национальная гвардия должна заменить постоянные армии, которые являлись лишь орудием деспотизма и привели страну к неизбежной катастрофе. Определение обязанностей, защита прав, выражение воли граждан, наконец инициатива всех предложений и мероприятий, направленных к развитию страны, к росту благосостояния всех и каждого, к укреплению республики, — такова программа Центрального Комитета, который избирает своим девизом республиканскую формулу: все за одного и один за всех!», — читаем мы там.

На собрании была выделена комиссия из 20 человек, которой поручили разработать устав. Комиссия энергично принялась за дело. Через пять дней проект устава был готов. На новом делегатском собрании 24 февраля был под-

робно обсужден устав и избран временный Центральный Комитет в составе 31 человека; в него входили известные члены Интернационала — Варлен и Пенди. Комитету было поручено отпечатать проект устава и разослать его для обсуждения по ротам и батальонам.

Собрание приняло ряд политических резолюций: «Национальная гвардия... протестует против всякой попытки разоружения и объявляет, что в случае надобности будет сопротивляться силой оружия». «При первом же известии о вступлении пруссаков в Париж все национальные гвардейцы должны немедленно явиться с оружием в руках к своему обычному сборному пункту, чтобы оттуда выступить против неприятеля». «При настоящих обстоятельствах Национальная гвардия отказывается признавать других руководителей, кроме тех, кого она сама себе избирает».

На делегатских собраниях 3 и 10 марта был окончательно утвержден устав Федерации национальной гвардии, признано необходимым подчиняться только распоряжениям ЦК и отстранять всех офицеров, которые не согласятся с этим.

4 марта появилась афиша под характерным заголовком «Французская Республика. Свобода, равенство, братство. Центральный Комитет — к Национальной гвардии». Это воззвание было подписано 25 членами ЦК (из которых семь были позже избраны в члены Парижской Коммуны). Воззвание извещало об организации ЦК как полномочного, а не анонимного комитета (как твердили враги) и излагало задачи Национальной гвардии: «Защищать родину лучше, чем это до сих пор делала постоянная армия, и всеми возможными средствами защищать республику, находящуюся под угрозой».

10 марта, когда обстановка в Париже накалилась из-за провокационной политики Национального собрания и правительства Тьера, на делегатском собрании в Тиволи-Вокхолле, под председательством интернационалиста Пенди, докладчик от ЦК Национальной гвардии Арнольд (командир 64-го батальона, прудонист, будущий член Коммуны) заявил: «События сделали нас тем, что мы есть. Мы — непреодолимая преграда против любой попытки свергнуть республику... Сильные и гордые полномочиями, которыми вы нас облекли, вооруженные сознанием нашей правоты, мы выполним свой долг без страха и колебаний, уве-

ренные в том, что если даже нас схватят, организация не может погибнуть и что на наше место станут отважные борцы, чтобы вновь поднять знамя, выпавшее из наших рук».

По докладу Арнольда была принята политическая резолюция, являвшаяся программой Федерации. Она гласила: «Французская республика — прежде всего; за нею — Всемирная республика; уничтожение постоянной армии и вооружение всей нации с тем, чтобы сила никогда не подавляла права; уничтожение угнетения, рабства или диктатуры какого бы то ни было рода; вместо этого — суверенная нация, свободные граждане, управляющие собой по собственной воле; устранение всяких королей, господ, навязанных сверху начальников, вместо этого — постоянно ответственные и отзываемые представители на всех ступенях власти».

По предложению члена Интернационала Лакора, который был также и членом ЦК Национальной гвардии, был утвержден текст воззвания к армии, опубликованного отдельной афишей на следующий день. «Солдаты, дети народа! — говорилось в нем. — В провинции распускаются злостные слухи. В Париже имеется 300 тысяч национальных гвардейцев, и, однако, туда ежедневно вводятся все новые и новые части, которых стараются обмануть относительно истинного образа мыслей парижского населения... Чего хочет народ Парижа? Он хочет сохранить свое оружие, сам выбирать своих начальников и отзывать их, когда перестанет им доверять. Он хочет, чтобы солдаты регулярной армии были возвращены к своим очагам, чтобы семьям как можно скорее вернули их близких, а труду — рабочие руки. Солдаты, дети народа! Объединимся, чтобы спасти республику! Достаточно зла нам причинили короли и императоры... Обнимемся перед лицом тех, кто ради чинов и местечек, ради того, чтоб вернуть нам короля, хочет заставить нас перегрызть друг другу горло. Да здравствует республика на веки вечные!»

На делегатском собрании 15 марта был окончательно оформлен Центральный Комитет Национальной гвардии, причем из предыдущего состава были переизбраны только четверо. Стремительно развертывавшиеся события выдвигали к руководству новых людей. В этом составе Центрального Комитета было уже несколько членов Интернационала: Алавуан, Варлен, Дюран, Пенди, Журд, Асси,

Бабик. Влияние членов Интернационала, в особенности Варлена, возрастало, хотя Парижская федерация все еще старалась уклониться от организованного руководства движением. С 6 марта заседания ЦК Национальной гвардии происходят в здании на площади Кордери.

К 18 марта Центральный Комитет состоял из 42 человек. Он объединял 215 батальонов Национальной гвардии из 270. Те 55 батальонов, которые не входили в него, были по преимуществу батальонами буржуазных по составу населения центральных округов города (I, II, VII, VIII, IX, XIII и XVI). Таким образом, Центральный Комитет Национальной гвардии и его органы на местах на деле осуществляли союз рабочего класса и мелкой буржуазии. Но необходимо отметить, что с самого начала его возникновения в нем боролись различные группы, по-разному понимавшие основные вопросы борьбы за власть и социальное освобождение, вкладывавшие разное содержание в одни и те же формулы. Но эта организация, возникавшая по частному поводу во время избирательной борьбы, в ходе событий превращалась в политический центр, вокруг которого группировались главные силы нарастающей революции, становилась самой массовой организацией вооруженного народа.

Парижская федерация Интернационала боялась официально связывать свою судьбу с ЦК Национальной гвардии. На заседании федерации от 1 марта 1871 г. вопрос об участии Интернационала в работе Центрального Комитета Национальной гвардии, поднятый Варленом, вызвал острую дискуссию. Характерно, что Варлен, передовой и опытный боец, не понимал необходимости более тесной, официальной связи с такой массовой организацией, как ЦК, необходимости организованного влияния Интернационала. «Пойдем в Федеральный комитет (Национальной гвардии. — А. С.) не как интернационалисты, а как национальные гвардейцы, и постараемся подчинить своему влиянию это собрание», — говорил Варлен. Но даже и это умеренное предложение встретило отпор.

Франкель и Пенди решительно возражали против установления связи Интернационала с ЦК Национальной гвардии. Франкель утверждал, что «никто не имеет права впускать Интернационал, не спросив предварительно мнения своей секции», а Пенди заявил: «Здесь как будто начинают забывать, что мы рискуем скомпрометировать Интер-

национал». Но были среди членов бюро и такие, которые понимали смысл и значение разыгрывающихся событий и необходимость более тесной связи с такой массовой организацией трудового люда, как ЦК Национальной гвардии. Лакор, Бабики, Рувейроль и Гулле не согласились с Пенди и Франкелем. Лакор утверждал: «Нужно во что бы то ни стало помешать Национальной гвардии идти на поводу у реакции, как это произошло во время первого тура выборов. Эти люди приходят к нам в силу морального влияния, завоеванного Интернационалом. Зачем же их отталкивать?» А секретарь Парижской федерации Гулле говорил: «Но никто и не собирается впутывать Интернационал. Речь идет только о том, чтобы иметь несколько членов Интернационала среди ротных делегатов, а также в Центральном Комитете; они будут выступать там от своего собственного имени, а затем информировать Федеральный совет».

В результате дискуссии было принято предложение Варлена послать в ЦК Национальной гвардии комиссию из четырех человек. Однако второй пункт резолюции гласил: «Ее деятельность будет носить там чисто индивидуальный характер и будет особенно осторожной во всем, что касается французской секции Международного товарищества рабочих». Таким образом французская секция Интернационала заранее отказывалась от организованного влияния на ЦК Национальной гвардии, который все больше становился центром назревавшей революции. В этом вновь сказались незрелость французских социалистов. Были, конечно, среди членов Интернационала и такие люди, которые правильно понимали социальный смысл развертывавшихся событий и делали верные выводы. Так, например, Лакор на заседании федерального бюро 19 февраля говорил: «Интернационал плохо понял свою роль, рабочие должны были захватить власть еще 4 сентября. Надо сделать это хотя бы теперь. Если бы Интернационал с первого дня шел прямо к цели, все могло бы принять другой оборот, особенно 31 октября. Теперь же все дезорганизовано, а между тем Интернационал должен понять, что сейчас на карту поставлено самое его существование». Но до такого понимания событий поднимались только отдельные руководители, и не они тогда определяли политику этой организации.

А между тем в лагере реакции, средоточием которой стал Версаль, усиленно готовились к решающим боям.

Тьер прекрасно понимал, против кого надо направить основной удар. Позже, в своих показаниях парламентской следственной комиссии, он сам сообщил об этом: по его словам, «в деловых кругах я только и слышал: „Никакие финансовые операции невозможны, пока вы не покончите со всеми этими негодьями, пока вы не отберете от них пушки. Надо кончать с этим, только потом можно будет говорить о делах“».

Но рассчитывать на собственные силы правительству было рискованно. Единственной ударной силой реакции были части мобильной гвардии и жандармерии. Мобильная гвардия, образованная по закону 1868 г., состояла из граждан, которые не служили в армии, а призывались в военное время, как ополченцы. Ко времени осады в Париже насчитывалось около 60 тысяч мобилей. Политически остальные, они в большинстве случаев были настроены реакционно. Командный состав мобильных частей состоял из бонапартистов и других реакционеров. Они вели активную контрреволюционную агитацию среди своих подчиненных, натравливая их на вождей революции, на Национальную гвардию. Но соприкасаясь с национальными гвардейцами в тогдашней накаленной политической обстановке, мобильные части также становились ненадежными, и в решительной схватке с Национальной гвардией Парижа правительство Тьера не очень-то могло рассчитывать даже на них. Вот почему правительство Тьера, чтобы покончить с вооруженным народом, решило договориться о помощи с прусским командованием. Переговоры с Бисмарком о капитуляции и мире, которые Тьер начал 19 февраля, были одновременно переговорами и о помощи со стороны пруссаков в борьбе с «мятежниками», т. е. революционным вооруженным народом.

Уже 4 марта министр иностранных дел Ж. Фавр обратился к Бисмарку с просьбой разрешить, вопреки предварительному договору, увеличить количество войск и перевести их в столицу. В тот же день Бисмарк поспешил телеграфно уведомить Фавра, что «ввиду создавшегося в Париже положения и необходимости предотвратить беспорядки... генеральный штаб дает свое согласие на пропуск французских войск».

Военный министр Леффло телеграфировал в Париж главнокомандующему французской армией: «В Париже в настоящий момент готовится преступное восстание. Я по-

сылаю туда войска, которые раздавят эту ненавистную попытку. Подготовьте ваши войска и координируйте действия с административными и судебными властями. Держите свои войска в руках». Тьер со своей стороны инструктировал генерала Винуа, бывшего вместе с Фавром представителем правительства в столице. Он писал ему: «Не бросайте солдат в гущу населения, разместите их в военной школе, на Марсовом поле, в доме Инвалидов, в Тюильри, и изолируйте их там». В течение 8—9 марта в Париж прибыло до 30 тысяч отборных солдат.

12 марта прусское командование передало представителям французского правительства 12 тысяч ружей системы Шаспо. Это была уже прямая военная помощь неприятелю правительству Тьера.

Как только в Париже стало известно содержание переговоров с пруссаками о капитуляции, там вновь начались народные демонстрации. 24 февраля на площади Бастилии состоялась мощная демонстрация. В этот же день ЦК Национальной гвардии призвал «при первом известии о вступлении пруссаков в Париж... немедленно выступить вооруженными и броситься против иноземных захватчиков». 25 и 26 февраля парижские бульвары вновь наполнились возбужденным народом. В церквях били в набат. Несли плакаты: «Не сдадим наших фортов!» Слышались возгласы: «Измена!», «Да здравствует Коммуна!» Секретарь русского посольства Обрезков доносил в Петербург об этой демонстрации: «В этой вооруженной толпе стоял вопрос о том, чтобы идти ниспровергнуть недавно установленное правительство и заменить его этой вечной Коммуной».

Подготавливая капитуляцию и разгром вооруженных сил революции, Винуа распорядился свезти пушки и митральезы, отлитые на собранные народом деньги, в такой район, где они могли быть отданы неприятелю без особых хлопот. Это лишило бы Национальную гвардию боевого оружия. ЦК Национальной гвардии разгадал этот маневр. 27 февраля по его приказу федераты перевезли свыше 300 пушек и митральез из парков Пасси и площади Ваграм в рабочие районы Бельвиля, на Монмартрские и Шомонские высоты. На Монмартре было установлено свыше 170 пушек.

В эти дни — в конце февраля и начале марта — федераты не только вернули себе пушки. Они силой отбирали

необходимое им вооружение из различных артиллерийских складов и фортов, и правительство было бессильно помешать этому. В Париже создалось положение, когда наряду с официальным правительством и его агентами, из рук которых фактически ускользала власть, существовала и все больше и больше укреплялась другая, народная власть в лице Центрального Комитета Национальной гвардии и его низовых организаций, батальонных комитетов и советов легиона. Каждый день приносил все новые доказательства существования двоевластия.

1 марта прусские войска вступили в Париж и пробыли там до 3 марта, когда они получили сообщение о ратификации Национальным собранием в Бордо предварительного договора. Чтобы предупредить возможность столкновений федератов с ненавистными им пруссаками, ЦК Национальной гвардии 28 февраля обратился с воззванием к населению, в котором призывал жителей сохранять спокойствие и порядок. Это воззвание, за подписью 29 членов ЦК Национальной гвардии, было отпечатано в виде афиши с траурной каймой. В нем ЦК заявлял: «Вокруг кварталов, которые должен занять неприятель, будет воздвигнуто кольцо баррикад, чтобы совершенно изолировать эту часть города. Жители района, находящиеся в этих пределах, должны немедленно эвакуировать его. Национальная гвардия, образуя вместе с армией кордон часовых, будет следить за тем, чтобы неприятель, изолированный таким образом на территории, которая перестает быть частью нашего города, никоим образом не мог бы сообщаться с остальными частями Парижа». Воззвание призывало национальных гвардейцев «избежать всякого выступления, которое привело бы к немедленному крушению республики». В эти дни символической оккупации «Париж имел вид города, одетого в траур», — писал в своих воспоминаниях коммунар Ж. Аллеман. Секретарь русского посольства в Париже в донесении от 1 марта писал: «Уже с час как немецкие войска располагаются в Пасси и Елисейских полях. Все сумрачно и заперто, вплоть до отдаленных кварталов».

В начале марта правительство Тьера заканчивало в основном подготовку плана разгрома революционного лагеря. Оставалось провести последние мероприятия.

В ответ на решение делегатов батальонов признавать своим начальником только выбранного ими главнокоман-

дующего правительство 3 марта назначило на эту должность генерала Орель-де-Паладина, бывшего при Наполеоне III шефом жандармерии. Вслед затем бонапартист Валантен становится префектом (начальником) полиции. Тьер расставлял своих людей у основных рычагов государственной машины.

9 марта военный суд заочно приговорил к смертной казни Бланки и Флуранса как руководителей восстания 31 октября 1870 г. Начался новый поход против демократической печати. По приказу военного губернатора Винуа закрываются наиболее популярные и распространенные газеты Парижа «Битва» и «Пробуждение». Закрываются все народные клубы, запрещаются собрания. 16 марта в Париже было введено осадное положение. Все эти меры свидетельствовали о том, что правительство готовится к решающим боям.

15 марта Тьер прибыл из Версаля в Париж. Он срочно созвал министров, находившихся в столице, чтобы осуществить наконец давно вынашивавшийся реакционными кругами план разоружения Национальной гвардии. «Пушки надо забрать силой», — требовал Тьер. 17 марта на заседании Совета министров окончательно утверждается план операции разгрома революционных сил. Генерал Винуа, участник этого заседания, писал впоследствии в своей книге: «Обсуждался вопрос о необходимости немедленного выступления, преследующего две главные цели: захват пушек, оружия и боеприпасов, которые присвоили и охраняли батальоны, преданные Центральному Комитету, роспуск этого комитета и арест его членов».

Общее руководство военными операциями, которые были назначены в ночь на 18 марта, поручили Винуа. Срочно были составлены списки лиц, подлежащих аресту. В эти списки были включены члены ЦК Национальной гвардии, а также наиболее активные деятели революционного лагеря — члены ЦК двадцати округов и Парижской федерации Интернационала. Заранее было заготовлено и расклеено воззвание к населению Парижа.

На рассвете 18 марта в этом воззвании можно было прочитать: «Нельзя продолжать эту отсрочку (т. е. расправу с ЦК Национальной гвардии. — А. С.) до бесконечности. Пока длится такое положение вещей, торговля стоит, ваши лавки пусты, заказы, которые могли бы поступить со всех сторон, откладываются, вам приходится оставаться празд-

ными; кредит не восстанавливается, капиталы не поступают в казначейство. В ваших интересах, в интересах города, а также всей Франции, правительство решило действовать... Преступники, покушавшиеся установить собственное правительство, будут преданы... в руки правосудия. Пушки, похищенные у правительства, будут возвращены в арсеналы. Для выполнения этого справедливого и разумного требования правительство рассчитывает на вашу помощь».

Но Тьер просчитался. Он не учел главной силы — народ, его ненависть к предателям и прогнившему режиму, его революционные традиции, его привязанность к новой власти в лице ЦК Национальной гвардии. И хотя руководители ЦК, будучи еще в плену иллюзий классового мира, не ожидали такого стремительного натиска со стороны Тьера, ход событий, логика классовой борьбы создавали

ситуацию, когда они все больше и больше были вынуждены заниматься разрешением общегосударственных задач. Так произошло и 18 марта.

К началу задуманной операции правительство рассчитывало на силы только что прибывшей в столицу мобильной гвардии и жандармерии. Надеялись также на некоторые «старые» батальоны Национальной гвардии, сформированные главным образом из представителей состоятельных буржуазных кругов. Но когда их попытались собрать, из этого ничего не получилось. Буржуазные сынки побоялись выйти на защиту своего правительства.

Основная часть плана нападения, разработанного Винуа, заключалась в захвате пушек и митральез Национальной гвардии. Орудия были расположены в различных частях города (в 17 пунктах), но главным образом на высотах Монмартра и Бельвиля. Сюда-то и были направлены основные силы правительственных войск. Артиллерийские склады Национальной гвардии на этих высотах охранялись слабо. Ни ЦК Национальной гвардии, ни окружные советы не ожидали такого быстрого развития событий. Поэтому они не приняли никаких особых и специальных мер охраны. Аллеман в своих воспоминаниях пишет: «Вечером 17 марта один гражданин передал нам письмо от Центрального Комитета, в котором сообщалось, что пока опасаться нечего; правительство в нерешительности, и мы можем немного передохнуть. В крайнем случае, если начнется нападение, батальоны федератов будут предупреждены пушечным выстрелом с Монмартра или Бельвиля».

Наступление правительственных войск началось под покровом ночи, в два часа пополудни. Винуа надеялся к утру привести свой план в исполнение и закончить все операции. Части генерала Леконта действительно достигли высот Монмартра и обезоружили охрану; при этом был ранен один национальный гвардеец. Пушки были захвачены. Скоро на помощь подоспел 88-й линейный полк. Одновременно правительственные войска двигались и в другом направлении — к Шомонским высотам Бельвиля. К пяти часам утра и здесь были захвачены артиллерийские склады. Но вскоре положение резко изменилось: на сцену вышел народ. Перевозка и спуск тяжелых орудий с высот Монмартра были не легким делом и требовали времени. Стоявшие в очередях женщины и спозаранку проснувшиеся жители Монмартра заметили, что творится не-

ладное. Быстро разлетелась весть о похищении пушек. Забили в набат. Мгновенно начали собираться объятые тревогой национальные гвардейцы, женщины, дети, старики. 88-й линейный полк был окружен толпой народа. Ряды войск дрогнули. Началось братание. Приказ разъяренного генерала Леконта «стрелять в бунтовщиков» еще больше ожесточил массы. Вскоре он со своими подручными был арестован своими же солдатами. Ими же он и был расстрелян, как и генерал Клеман Тома, когда он, переодетый в штатское платье, снимал планы баррикад Монмартра. Оpoznанный национальными гвардейцами, он был немедленно схвачен. О событиях на Монмартре быстро узнали в Бельвиле. Там повторилась такая же история.

План правительства провалился. Его собственные войска при соприкосновении с народом и Национальной гвардией переходили на их сторону, братались. Народ начал строить баррикады. Окружные комитеты Национальной гвардии отдавали распоряжения об усилении охраны постов, высылали патрули, организовывали оборону. Особую активность проявлял наблюдательный комитет на Монмартре, во главе которого стояли известные народу бланкисты Жаклар и Т. Ферре. Это они распорядились в 6 часов утра дать первый сигнал тревоги, который поднял на ноги национальных гвардейцев и население округа.

Восстание началось на рассвете как стихийный порыв масс. Но скоро члены наблюдательных комитетов районов, руководители батальонов, отдельные члены ЦК Национальной гвардии попытались внести элемент организованности в это стихийное движение: Дюваль в смежных V и XIII округах, Эд — в XX округе, Жаклар и Бержере — в XVIII округе — пролетарском Монмартре.

Утром, поднятые тревогой, в помещении школы на улице Баффруа (возле площади Бастилии в Сент-Антуанском предместье) собрались некоторые члены ЦК Национальной гвардии. Оттуда шли первые распоряжения командирам Национальной гвардии о занятии отдельных пунктов. Несколько позже на экстренном заседании ЦК в более широком составе решено было перейти от обороны к наступлению и немедленно отправить отряды Национальной гвардии в центр города, чтобы захватить военное министерство и другие правительственные здания. Вот текст дошедшего до нас приказа, за подписью членов ЦК Гроллара, Фабра и Руссо начальнику 17-го батальона Нацио-

нальной гвардии Варлену: «18 марта 1871 г. Два с половиной часа дня. Настоящим приказывается батальонам, расположенным в XVII округе, немедленно спуститься в Париж и занять Вандомскую площадь совместно с батальонами, расположенными в XVIII округе».

К вечеру были заняты решающие пункты Парижа. Брюнель во главе своих батальонов захватывает казармы принца Евгения, а затем направляется к ратуше. Дюваль занимает здание префектуры (полиции). К ратуше приводят свои части Пенди и Ранвье. Варлен и Арнольд приводят батальоны Монмартра и Батиньоля на Вандомскую площадь, где помещался Генеральный штаб Национальной гвардии. Часть их батальонов заняла также министерство юстиции, штаб парижского укрепленного района. К 11 часам вечера ратуша со всех сторон была окружена батальонами национальной гвардии. Брюнель занял ратушу, и над ней взвился красный флаг.

Ночью члены Центрального Комитета Национальной гвардии собрались в ратуше на свое первое заседание уже как члены нового правительства. К этому времени у ЦК не было еще сведений о том, что глава версальского правительства Тьер бежал из Парижа в Версаль и отдал распоряжение об отступлении и отводе войск. Сохранилось письмо Варлена к члену ЦК и командиру 64-го батальона Ж. Арнольду, написанное 18 марта в 11 часов вечера. Он писал: «Я был в ЦК. Общее наступление продолжается с успехом для нас, но мы еще не всюду одержали верх... Будьте начеку. Надо снова опасаться наступления».

На коротком заседании ЦК главнокомандующим национальной гвардии был избран бывший морской лейтенант Люлье. Это было серьезной ошибкой, так как руководство военными операциями попало в руки ненадежному, чужому человеку, пройдохе и дельцу, тайному агенту Тьера. Правда, через несколько дней (23 марта) он был смещен и арестован как виновник сдачи форта Мон-Валерьян, но к этому времени он уже успел нанести непоправимый урон восставшему Парижу. Не было принято никаких мер, чтобы задержать, обезвредить и арестовать членов версальского правительства и помешать эвакуации остатков деморализованных войск из Парижа. Позднее Люлье в своей книге «Моя тюрьма» признал, что стремился помешать аресту членов правительства Тьера и хотел помочь вывести его войска из Парижа. К вечеру ру-

ководящие члены правительства Тьера бежали из столицы. Власть оказалась в руках нового правительства. «Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный Комитет»¹.

Но готов ли был ЦК Национальной гвардии к тому, чтобы выполнить задачи, вставшие перед ним? Первые шаги, предпринятые Центральным Комитетом, как новым пролетарским правительством, свидетельствуют, что он еще не вполне, не сразу и не полностью осознал свою историческую роль и не был еще свободен от соглашательских иллюзий и ошибочных доктрин.

Были среди членов ЦК и такие люди, которые с самого начала требовали принятия решительных мер против правительства Тьера и его агентов, настаивали на проведении активных наступательных действий против Версаля. К ним прежде всего принадлежали бланкисты Брюнель, Дюваль, Моро, Шардон, Эд и др. Но они тогда оказались в меньшинстве.

Первые воззвания к народу и Национальной гвардии от 19 марта свидетельствовали, что ЦК еще недостаточно ясно понимал свои задачи. Вместо того, чтобы заняться укреплением сил революции, преследованием врага, ЦК провозгласил: «Пусть Париж, а с ним и вся Франция положит основание республике, которую мы приветствуем со всеми последствиями; только такое правительство может раз навсегда покончить с эрой вторжений и гражданских войн. Осадное положение снято, население Парижа приглашается по своим секциям для коммунальных выборов. Безопасность граждан обеспечена Национальной гвардией». А в воззвании к Национальной гвардии ЦК писал: «Мы прогнали правительство изменников. Теперь наши полномочия истекают и мы возвращаем вам ваш мандат, ибо не стремимся занять место тех, кого только что смела буря народного негодования. Готовьтесь же немедленно к коммунальным выборам и дайте нам единственную награду, о которой мы когда-либо мечтали, — зрелище установленной вами истинной республики!»

Вместе с отменой осадного положения были упразднены военные суды постоянной армии и объявлена полная амнистия по всем политическим преступлениям.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 333.

Начальникам политических тюрем предписывалось немедленно освободить всех политических заключенных.

В тот же день в «Официальной газете» было опубликовано воззвание к департаментам. Обращаясь к большим городам и сельским местностям, ЦК писал: «Итак, пусть провинция поспешит последовать примеру столицы, организуясь на республиканский манер, и пусть она как можно скорее войдет в сношения со столицей путем посылки делегатов».

Декретом от 19 марта муниципальные выборы назначались на 22 марта. Правительственный уполномоченный при министерстве внутренних дел В. Грелье заявил: «Мы теперь же объявляем о нашем твердом решении соблюдать предварительные условия мира, чтобы одновременно обеспечить благополучие республиканской Франции и общий мир».

Хотя среди членов ЦК Национальной гвардии не было единства взглядов по основным вопросам революции и они по-разному представляли себе пути ее дальнейшего развития, все же ЦК всем ходом развертывавшихся событий вынужден был рассматривать себя как государственную власть, как власть рабочих и всего трудового люда, призванную защищать их интересы. Несмотря на колебания и ошибки, которые он допустил, среди многочисленных официальных заявлений и выступлений, сделанных в первые дни господства ЦК, можно обнаружить много документов, свидетельствующих о правильном понимании характера своей власти. 21 марта в «Официальной газете» правительственный уполномоченный Шарль Лонге писал: «Беспристрастная история... установит, что революция 18 марта есть новый, важный этап на пути прогресса. Безвестные пролетарии, вчера еще никому не ведомые, но чьи имена скоро разнесутся по всему свету, одушевленные глубокой любовью к праву и справедливости, безграничной преданностью Франции и республике, решили под влиянием этих благородных чувств спасти поработенную родину и находящуюся под угрозой свободу. В этом их великая заслуга перед современниками и потомством... Парижские пролетарии, видя несостоятельность и измену правящих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение... стать господами собственной судьбы и обеспечить свое торжество, взяв в свои руки государственную власть... И пролетариат, несмотря ни на

что, осуществит свое освобождение». Правда, в этой статье мы найдем и ряд обычных, распространенных в то время ирредонистских положений о временном характере власти, об ее великодушии к врагу, о том, что «всемирная история не знает другого примера временного правительства, которое так торопилось бы отдать свои полномочия представителям, избранным всеобщей подачей голосов».

Идея господства революционного Парижа, Парижа как «диктатуры примера» для других, направленной против эксплуататорских классов, противопоставление себя как государственной власти изгнанному версальскому правительству, — эти идеи пронизывали большинство деклараций и решений Центрального Комитета в первые десять дней, когда он действовал и выступал как временное революционное правительство. Даже свою газету, несмотря на противодействие некоторых его членов, ЦК называл «Официальной газетой Французской республики».

В воззвании от 20 марта, опубликованном на следующий день в «Официальной газете» за подписью уполномоченного при бывшей префектуре Э. Дюваля и его помощников, провозглашалось: «Париж с 18 марта имеет лучшее из возможных правительств — правительство народа... Париж стал свободным городом. Его могущественная централизация более не существует... Париж не имеет ни малейшего намерения отделяться от Франции... он не думает покинуть Францию, но говорит ей как старший брат: защищайся так, как я защищался, борись с насилием, как я боролся...» Больше всего руководители нового временного правительства боялись признать наличие гражданской войны, навязанной ему правительством Тьера. Они боялись сделать из признания этого факта политические выводы о необходимости решительной борьбы с контрреволюционными силами. Большинство деятелей надеялось на мирный исход революции и придерживалось еще пассивной оборонительной тактики.

Это было бедой не только членов ЦК, но и огромного большинства революционных деятелей тех дней. Парижская федерация Интернационала, объединявшая лучших людей того времени, в эти первые дни вообще не подала своего голоса и только 23 марта выступила совместно с Федеральной палатой рабочих обществ с воззванием в ирредонистском духе о «муниципальной революции», которая якобы прекратит «антагонизм классов». Мы читаем

там: «Свобода, равенство и солидарность должны обеспечить порядок на новой основе и реорганизовать труд как первое условие этого порядка. ...Коммунальная революция утверждает эти принципы; она устраняет на будущее все причины для конфликтов. Независимость Коммуны — залог договора, статьи которого будут свободно обсуждены и который прекратит антагонизм классов и обеспечит социальное равенство. Мы добивались освобождения трудящихся, и коммунальное представительство гарантирует его». Под этим воззванием стояли подписи таких видных интернационалистов, как Л. Франкель, Гулле, Обри, Пенди, Тейс и др.

Таким образом, вновь сказалось то обстоятельство, отмеченное В. И. Лениным, что «не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса»².

Однако чаще всего сама обстановка и логика обострявшейся классовой борьбы заставляла ЦК становиться на правильный путь и находить верный тон по отношению к врагам. Так случилось и 21 марта, когда ЦК опубликовал в «Официальной газете» свое «Предупреждение», адресованное редакторам 28 реакционных буржуазных газет Парижа, в которых те призывали к бойкоту выборов в Парижскую Коммуну. В «Предупреждении» говорилось, что ЦК рассматривает заявление реакционной прессы как «настоящее покушение на суверенные права парижского народа». Признавая «свободу печати, т. е. право контролировать и обсуждать его действия при помощи всех средств, которые дает им гласность, он намерен заставить уважать решения представителей державной власти Парижского народа и не позволит более безнаказанно покушаться на его права и продолжать возбуждать к неповиновению его решениям и приказам. В случае повторения подобных покушений будут приняты срочные карательные меры».

В пятницу 24 марта ЦК на своем заседании принимает решительные меры в борьбе с обнаглевшей контрреволюцией. Вместо арестованного Люлье военная власть в Париже возлагается на уполномоченных Брюнеля, Эда и Дюваля, которые получают звания генералов. В прокламации новых генералов, опубликованной в тот же день в «Официальной газете», мы находим мудрые и мужественные

слова: «Теперь не время для разговоров; надо действовать и расправляться с врагами Республики. Кто не с нами — тот против нас! Париж хочет быть свободным. Контрреволюция не страшна ему. Но великий город не позволит безнаказанно нарушать общественный порядок. Да здравствует Республика!»

Уже 19 марта состоялись два заседания Центрального Комитета Национальной гвардии, на которых был принят ряд важных решений, прежде всего о конструировании новой власти. «Новое правительство взяло в свои руки все министерства и все административные органы», — сообщалось в «Официальной газете» 19 марта. Для организации и руководства работой старых министерств и ведомств туда были посланы уполномоченные: в военное министерство — бланкист Эмиль Эд (типографский служащий, журналист); в министерство финансов — Варлен и Ф. Журд (счетовод, член Интернационала); в префектуру полиции — бланкист Э. Дюваль (рабочий-литейщик, секретарь

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 219.

Федерального совета парижских секций Интернационала) и бланкист Рауль Риго (публицист, активный участник республиканского и студенческого движения); в министерство внутренних дел — владелец мелкой прачечной Грелье, замененный затем бланкистами, членами Интернационала Э. Вайяном (врач, инженер, публицист) и Антуаном Арно (служащий, журналист); в штаб укрепленного района — близкий к бланкистам А. Бержере (бывший конюх, служащий); в министерство просвещения — левый прудонист, ветеран революционного движения Э. Рулье (сапожник по профессии); почту и телеграф возглавлял Л. Комбац, национальную типографию — Э. Моро, комендатуру ратуши — А. Асси.

Таким образом, по своему социальному составу революционное правительство, вышедшее из рядов Национальной гвардии рабочих и ремесленников, опиравшееся на их вооруженную силу, было правительством рабочих и мелкой буржуазии. Прав был член Коммуны и ее историк Артур Арну, когда писал: «Все эти граждане, выбранные частными выборами своих рот или батальонов, были известны только тем небольшим группам, чьими делегатами они являлись... В ратуше были люди, имена которых никому не были известны, потому что они имели только имя „народ“. Традиция была нарушена. Нечто неожиданное произошло в мире. Там не было ни одного члена правящих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатом, ни журналистом, ни генералом. Вместо них — рудокоп из Крезе, переплетчик и т. д. Подобное событие, повторяю, представляло положение, никогда ранее не имевшее места. В книге истории перевернули страницу — началась новая глава».

Уже утром 19 марта Тьер разослал циркулярную депешу, в которой приказывал «всем гражданским и военным чиновникам под страхом обвинения в измене не исполнять ничьих приказаний, кроме приказов законного правительства, находящегося в Версале». Высшие чиновники государственного аппарата бежали из Парижа, а оставшиеся занимались саботажем. Когда уполномоченные ЦК явились в министерства и ведомства, они нашли только обломки государственной машины. Вот что пишет об этом Артур Арну: «Ни в муниципалитете, ни в министерстве, ни в мэриях не оставалось ни одного чиновника. Чтобы узнать, где помещается канцелярия, чтобы найти, напри-

мер, книгу, где записываются браки, рождения и смерти, приходилось обращаться к привратнику, если он остался, или терять целые дни на поиски самых простых вещей, нарочно спрятанных, а часто унесенных. Когда я с П. Груссе вступил в министерство иностранных дел, привратник и полтер были единственными нашими проводниками. Не имея возможности дать других разъяснений, они, по крайней мере, познакомили нас с расположением здания». Как это было похоже на то, что полвека спустя происходило в нашей стране в дни Великой Октябрьской революции!

Уполномоченным ЦК сразу же пришлось создавать новые органы власти. У них не было ни государственного опыта, ни заранее разработанных теорий и планов. Но зато творческая инициатива и «гениальное чутье проснувшихся масс»³ забили ключом. 24 марта в «Официальной газете» был опубликован приказ об увольнении всех старых служащих, которые занимались саботажем и не хотели работать с новым правительством.

Прежде всего пришлось заняться префектурой полиции, которая была опорой старой власти. Все жандармы и полицейские разбежались или скрылись. Необходимо было все здесь организовывать заново и на новых началах, опираясь на восставший и вооруженный народ. Другая опора старого строя — регулярная армия — также развалилась. Постановлением ЦК от 22 марта все оставшиеся в Париже солдаты зачислялись в Национальную гвардию на общих основаниях. Этим упразднялась регулярная армия.

Таким образом, новое правительство разом упраздняло два основных рычага буржуазной государственности: регулярную армию и полицию.

Центральный Комитет Национальной гвардии занимался разрешением и ряда социальных вопросов. На первых же заседаниях (19 и 20 марта) он вынес решение, отменяющее продажу заложенных в ломбарде вещей. Тогда же было решено, что «срок платежа долгов за купленные товары откладывается на один месяц. Впредь до особого распоряжения, в целях поддержания спокойствия, владельцы домов и содержатели гостиниц не должны отказывать от квартиры своим жильцам». Но эти решения,

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 50.

затрагивающие интересы огромной массы трудового населения Парижа, носили еще на себе печать осторожности и нерешительности. Некоторые члены ЦК противились принятию более радикальных решений. На заседании 20 марта Бийоре утверждал, что «Комитет — не правительство, и ему не следует касаться вопроса отсрочки платежей по векселям, имеющих отношение к торговле». Однако под давлением низов и критики радикальных газет ЦК по инициативе некоторых своих членов был вынужден снова заняться этими вопросами. На заседании 21 марта выносится решение: «Все заложенные в ломбарде вещи, ценность которых не превышает 15 франков, независимо от их характера будут возвращены бесплатно их собственникам».

Были приняты решения о социальной помощи нуждающимся. Для этого в распоряжение 20 округов был отпущен 1 миллион франков. Очень характерна мотивировка этого решения. «Эта сумма, предназначенная для равномерного распределения ее в виде пособий среди наиболее нуждающихся семейств через окружные муниципалитеты... результат достигнутой за время нашего пребывания у власти экономии, и в частности уничтожения всех прежних высоких окладов».

ЦК пришлось также вернуться и к вопросу об отсрочке платежей по векселям и ипотечным обязательствам. Этот вопрос задевал интересы огромной массы мелкой буржуазии, которая связывала свои интересы с Коммуной, шла за ЦК. На этот раз платежи по коммерческим векселям откладывались до 1 октября, с начислением процентов только за шесть месяцев, т. е. за время осады. Все эти и другие постановления ЦК были направлены на улучшение положения народных масс, терпевших жестокую нужду. Это были первые шаги новой власти.

Но где взять деньги на проведение всех этих социальных мероприятий, на оплату жалованья национальных гвардейцев? Правительство Тьера и его агенты оставили кассы пустыми. Нужно было захватить банк, но на это ЦК не решался. Уполномоченные ЦК по министерству финансов Варлен и Журд 19 марта обратились к управляющему Французским банком Рулану с требованием о выдаче денег. После препирательств Рулан вынужден был выдать 1 миллион франков. Но этих денег хватило не надолго. Когда через три дня Варлен и Журд снова обратились в банк с требованием выдать еще 1 миллион франков, Ру-

лан отказал в выдаче. Только после угроз, подкрепленных присылкой в банк двух батальонов федератов, был выдан аванс в 300 тысяч франков в счет обещанного второго миллиона. Конечно, нерешительная и половинчатая политика в отношении Французского банка была ошибочной.

Играло роль еще одно обстоятельство: иллюзия быстрой и бескровной победы в справедливой борьбе. В эти дни приходили сведения о восстаниях в разных частях страны. Между 22 и 27 марта были провозглашены коммуны в Лионе, Марселе, Тулузе, Сент-Этьене, Перпиньяне, Крезе и других городах. Посланные в провинцию представители Центрального Комитета несли туда идеи парижской революции. И хотя движение в провинции было кратковременным и скоро было подавлено, все же это не могло не оказать влияния на настроения и позицию руководящих деятелей в Париже, которым казалось, что окончательная победа будет легкой и быстрой.

Руководители ЦК смотрели на себя как на временную власть. Поэтому выборы в Парижскую Коммуну они считали своей первейшей обязанностью. Выборы были назначены на 22 марта. Но в обстановке то скрытой, то вновь ярко вспыхивавшей гражданской войны, которая в действительности не прекращалась ни на минуту, ЦК пришлось несколько раз откладывать выборы. Причиной этого были два обстоятельства — обострение классовой борьбы в столице и переговоры с мэрами. В первые дни пребывания ЦК у власти контрреволюционные элементы растерялись, притихли и попрытались. Кто только мог бежал из Парижа. Но через несколько дней реакционеры начали поднимать голову. Центром группировки реакционных сил в столице стали мэры, в особенности богатых буржуазных округов (I, II и других). Их поддерживали реакционные буржуазные газеты столицы, обливавшие грязной клеветой федератов и их правительство. Появлялись контрреволюционные воззвания. 21 и 22 марта в Париже «люди порядка», как называли себя контрреволюционеры, организовали враждебные демонстрации. 22 марта на Вандомской площади из рядов демонстрантов стреляли по рядам национальных гвардейцев. Гелерал Бержере дал команду гвардейцам открыть огонь, и демонстранты разбежались.

В этой обстановке ЦК начал вести переговоры с мэрами о выборах в Парижскую Коммуну. К этому его вынуждали, помимо политических мотивов, и деловые

соображения — в руках мэров находился технический аппарат многих мэрий, списки избирателей и т. д.

Из показаний мэров парламентской следственной комиссии мы узнаем их стратегический план. Вот что говорил мэр IX округа Дэмарэ: «Что касается меня, то я не покинул Парижа. Я считал, что лучше подвергнуться опасности, чтобы дать время правительству вооружиться». Мэр XVII округа Франсуа Фавр показывал: «В течение восьми дней мы были последней преградой, единственной баррикадой, возведенной между инсургентами и законным правительством». Мэр II округа Тирар говорил: «Главная цель, которой мы добивались этой оппозицией, заключалась в том, чтобы помешать федератам идти на Версаль. Я убежден, что если бы 19 и 20 марта батальоны федера-

тов направились бы по дороге в Шатийон, Версалью угрожала бы величайшая опасность, и я считаю, что наше сопротивление в течение нескольких дней позволило правительству организовать защиту». А мэр IV округа Вотрен говорил: «Если бы восставшие, вместо того чтобы оставаться в Париже из-за выборов, пошли на Версаль, скажите мне, что стало бы с Францией? Таким образом, мои коллеги и я выиграли восемь дней». Мэры были прямыми пособниками Тьера, выполняли его директивы. Для организации сил контрреволюции внутри Парижа и руководства мэрами Тьер направил в столицу адмирала Сэссе.

23 марта мэры пошли на прямую провокацию, имевшую целью перетянуть на свою сторону национальных гвардейцев. Получив во Французском банке 550 тысяч франков, они обратились с воззванием к Национальной

гвардии, объявив, что «государственные средства, необходимые для выплаты жалования Национальной гвардии, находятся исключительно в их распоряжении; выплата жалования будет производиться в здании биржи». Несколько обманутых батальонов поколебались, но в конечном счете эта провокация не удалась.

Характерно, что ЦК в своем воззвании по поводу этих событий вновь утверждал: «мы с презрением проходим мимо злоупотреблений... Когда наши противники лучше узнают нас и поймут законность наших требований, они сами придут к нам».

Переговоры с мэрами не могли привести к соглашению. Потеряв восемь драгоценных дней, ЦК отверг, наконец, этот путь; он отстранил реакционных мэров и силой занял некоторые мэрии (I, II, VI, X и других округов). Не чув-

ствуя за собой силы, оставшаяся часть мэров 25 марта вынуждена была подписать соглашение с представителями ЦК о выборах Парижской Коммуны. Срок выборов был установлен на 26 марта. В канун выборов ЦК Национальной гвардии обратился к избирателям с воззванием, в котором писал: «Имейте в виду, что люди, которые будут всего лучше вам служить,— это те, которые живут вашей жизнью и страдают вместе с вами от одних и тех же бед. Не доверяйте честолюбцам и выскочкам, которые думают лишь о собственных интересах... Не доверяйте также краснобаям, не способным к действию... Избегайте равным образом и тех, кто обласкан судьбою, ибо слишком редко тот, кто обладает состоянием, склонен видеть в рабочем своего брата... Выбирайте людей с искренними убеждениями, людей народа, решительных, энергичных, известных

прямотой и честностью... Если вы примете к сведению эти замечания, то сумеете, наконец, создать первое настоящее представительство и избрать уполномоченных, которые никогда не будут смотреть на себя, как на ваших господ». Это был призыв голосовать за людей народа, трудящихся, подлинных борцов за его интересы, за слуг народа, а не его господ.

ЦК Национальной гвардии определил состав будущей Парижской Коммуны в 90 человек. Округа выбирали делегатов пропорционально численности населения. Во всех округах были образованы избирательные комиссии. Для успешного проведения выборов и предупреждения возможных контрреволюционных вылазок в каждой мэрии были выделены усиленные наряды Национальной гвардии и патрули по городу.

На выборах фигурировали различные списки кандидатов: списки ЦК двадцати округов, разных демократических газет, отдельных клубов. Парижская федерация Интернационала неставляла своего особого списка

Выборы происходили в воскресный день. В рабочих кварталах Монматра, Бельвиля, Сент-Антуанского предместья и других районов в этот день отмечался особенный подъем и возбуждение. Здесь проявилась наибольшая активность во время выборов, в которых приняли участие 229 тысяч граждан. Парижская Коммуна была избрана.

К. Маркс и Ф. Энгельс очень высоко ценили *«Центральный комитет»*, который 18 марта начал величайшую революцию нашего века»⁴. Их приводили в восхищение подвиг парижских коммунаров, «геройская инициатива» масс. «История еще не знает примера подобного героизма», — писал К. Маркс Кугельману 12 апреля 1871 г. В то же время он не закрывал глаза на ошибки Центрального Комитета Национальной гвардии. В первом наброске «Гражданской войны во Франции» он писал: «Бесчисленные ошибки революционеров. Вместо того, чтобы обезвредить полицейских, перед ними раскрыли двери; они ушли в Версаль, где были встречены, как спасители; дали уйти 43-му линейному полку; распустили по домам всех солдат, братавшихся с народом; позволили реакции организовать в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль. Тридон, Жаклар, Варлен, Вайян считали нужным немед-

ленно выбить роялистов... Центральный комитет совершил даже ту огромную ошибку, что вопреки советам своих наиболее энергичных членов не двинулся сразу же на Версаль, где после бегства адмирала Сэссе и смехотворного краха Национальной гвардии порядка воцарилась величайшая растерянность, потому что еще не было организовано никаких сил для сопротивления»⁵. В письмах В. Либкнехту (от 6 апреля) и Л. Кугельману (от 12 апреля) К. Маркс указывал основу этих ошибок: «Это их вина, но вина, которая произошла на деле от чрезмерной порядочности, — Центральный Комитет, а за ним и Коммуна дали злополучному вырожденку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: потому что они по глупости не хотели начинать гражданскую войну, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь решить во-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 543.

⁵ Там же, стр. 573, 576.

прос о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну республике. Чтобы их нельзя было упрекнуть в противозаконном захвате власти, они потеряли драгоценные мгновения на избрание Коммуны, организация которой и т. д. опять-таки потребовала времени, — а следовательно немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (Вандомская площадь)»⁶.

Парижская Коммуна была провозглашена 28 марта. Центральный Комитет Национальной гвардии как революционное временное правительство передал ей свою власть. Но он не сошел с исторической сцены. Мы встретимся с ним и дальше.

⁶ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., Госполитиздат, 1942, стр. 130—131. (В дальнейшем: «Первый Интернационал...»)

Глава V

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА — НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА

28 марта, в торжественной обстановке, среди огромных масс ликующего народа, собравшегося вокруг ратуши, была провозглашена Коммуна.

Так как некоторые члены Коммуны (Бланки, Варлен, Флуранс, Делеклюз, Артур Арну, Тейс и Кюзере) были избраны одновременно в нескольких округах, то в действительности в первый состав Коммуны входили 84 человека (Бланки 17 марта были арестованы в провинции и заключены в Кагорскую тюрьму). Среди избранных членов оказались явные и скрытые сторонники Тьера (Тирар, Мелли, Адаи и др.) и последователи Гамбетты (Паран, Гуиль и др.). Вскоре они сложили свои полномочия (17 человек — в первые дни Коммуны, четверо — в первой половине апреля). На образовавшиеся вакантные места в некоторых округах 16 апреля были дополнительно выбраны 17 членов Коммуны.

Парижская Коммуна была создана на основе всеобщего голосования, но необходимо, однако, учитывать, что эти выборы происходили в обстановке развернувшейся гражданской войны, когда цвет буржуазии, биржевики, спекулянты, высшие правительственные чиновники бежали из столицы. Даже по словам Тьера, Париж в то время покинуло до ста тысяч человек. И, конечно, это были в подавляющем большинстве представители имущих классов. Таким образом, фактически в выборах Коммуны принимали участие в основном жители рабочих кварталов и ремесленники. Даже те два десятка депутатов, которые были избраны голосами не proletарских слоев, скоро сложили свои полномочия. Поэтому Коммуна не представляла всех групп населения. Фактически она являлась правительством рабочих и демократических слоев мелкой буржуазии.

Подавляющее большинство членов Коммуны состояло из представителей различных социалистических и республиканских групп, известных народу своим революционным прошлым, преданных защитников новой революции. Среди них было 29 членов Центрального Комитета Национальной гвардии, 39 членов ЦК двадцати округов.

По социальному составу в Парижской Коммуне преобладающей группой были рабочие — около 44% всего состава (36 чел.), лица свободных профессий (журналисты, художники, архитекторы и пр.) составляли 32% (27 чел.), служащие — около 21% (17 чел.). Таким образом, рабочие в составе Коммуны являлись ведущей силой, объединявшей вокруг себя мелкую буржуазию. Среди членов Парижской Коммуны было значительное число членов Интернационала (Авриаль, Амуру, Андрюэ, Арно, Асси, Бабик, Белэ, Бийоре, Брион, Вайян, Варлен, Вердюр, Дерёр, Дюпон, К. Дюран, Ш. Жерарден, Э. Жерарден, В. Клеман, Клеманс, Кюзере, Ланжевен, Лефранс, Лонге, Малон, Остен, Пенди, Потье, Серрайе, Тейс, Тридон, Флуранс, Франкель, Шален).

Преобладающей группой среди членов Интернационала были прудонисты — правые и левые. По своему социальному составу, в основном пролетарскому, они были приверженцами социалистических идей, но и среди них не было единства ни в понимании основных социальных вопросов, ни в вопросах политической тактики. Их интересовали главным образом вопросы экономические и социальные, но понимали они их чаще всего в прудонистском духе. Большинство из них в вопросах государственного устройства разделяло федералистские представления Прудона и были противниками централизованного государства. «Парижская Коммуна,— писал прудонист Артюр Арну,— олицетворяла первое применение антиправительственного принципа — войну со старым понятием единого централизованного деспотического государства. Коммуна... являлась торжеством принципа автономии свободно соединенных групп и возможно более непосредственного управления народа самим собой». Представители этой группы, в противоположность бланкистам и неоякобинцам, были противниками террора в условиях гражданской войны и революции. «Мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой». «Не следует прикасаться к свободе и жизни личности»,— твердили они.

Значительную группу среди членов Коммуны составляли неоякобинцы (до 30 человек). Это была очень пестрая по своему составу группа. В нее входило много публицистов, писателей, старых республиканских деятелей революции 1848 г. Они не были сторонниками социалистических идей. Их больше всего интересовали политические вопросы. Неоякобинцы очень часто шли в союзе с бланкистами.

Бланкисты были другой значительной группой в Коммуне. Семь человек из них были членами Интернационала (Амуру, Арно, Вайян, Дерёр, Дюваль, Тридон, Флуранс). Бланкисты вместе с неоякобинцами и сочувствующими им составляли чаще всего компактное большинство в Коммуне. В отличие от неоякобинцев бланкисты были приверженцами социалистических идей, хотя и не имели стройной последовательной программы социалистических преобразований. Сближало их с неоякобинцами преклонение перед якобинской республикой эпохи Конвента, революционными традициями той далекой эпохи, родство их политических устремлений. Бланкисты определяли политическое лицо Коммуны. Недаром Ф. Энгельс отмечал, что именно бланкисты несут ответственность «за ее (Коммуны.— А. С.) политические действия и промахи». Но все же эти политические группировки в Коммуне не являлись строго партийными группировками, связанными общностью взглядов, единой программой и дисциплиной. В ту пору рабочий класс Франции еще не имел партий в современном смысле. Даже Парижская Федерация Интернационала не являлась ею.

Таким образом, приходится отметить крайне пестрый и неоднородный политический состав Коммуны. Эта пестрота взглядов и порождаемая ею борьба группировок не могла не сказаться на всем политическом и социальном творчестве Коммуны. Она началась на первых же заседаниях Парижской Коммуны, а через месяц-полтора вылилась в острую политическую борьбу двух основных образовавшихся к тому времени группировок — «большинства» и «меньшинства». Эта борьба развертывалась вокруг основных вопросов революции — об организации власти, методов борьбы, основных целей революции. В начале мая острота борьбы и накал политических страстей борющихся групп привел даже к раздельным фракционным заседаниям (в мэрии I округа, которую со 2 апреля возглав-

лял член Коммуны Пийо, сторонник «большинства», собирались представители этой группы, угрожая расколом Коммуны). Конечно, все это не могло не ослаблять ее силы, не отвлекать в сторону от основных задач дня. К. Маркс, пристально следивший за ходом разворачивающихся событий в Париже, писал Л. Франкелю и Э. Варлену: «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. По-видимому, наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время»¹.

Но все это не ослабляет того всемирно-исторического подвига, который совершили коммунары. «Гораздо более поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов», — отмечал Ф. Энгельс. «Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, — продолжал он, — и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы»².

С 28 марта Парижская Коммуна приступила к работе. Перед нею стоял ряд неотложных задач по управлению огромным городом, жизнь которого пришла в расстройство за время войны и осады, в обстановке, когда с северо-запада, запада и юго-запада угрожали версальцы, а на северо-востоке и востоке стеной стояли немецкие оккупанты. Нужно было срочно лечить раны, налаживать жизнь и труд огромной массы населения столицы, заботиться об ее продовольственных и других нуждах. Нужно было строить государство совершенно нового типа, и в этих очень трудных и сложных условиях часто приходилось спешить. Люди, поставленные народом к власти, не были искушены в государственных делах. У них не было заранее разработанных теорий и планов строительства нового государства и общества. ЦК Национальной гвардии, олицетворявший с 18 марта государственную власть в Париже в течение первых десяти дней, только вчерне смог приступить к строительству нового пролетарского государства, так как он смотрел на себя как на временную власть. В этой сложной и трудной обстановке руководителям Парижской Ком-

муны пришлось приступить к строительству нового типа государства, во главе которого стоял трудовой люд. Понятно, что такое государство не могло быть построено сразу. Требовался опыт, которого еще не было, требовалось время. Механизм центральной власти складывался постепенно, перестраивался на ходу. ↗

На первом заседании (28 марта) обращает на себя внимание заявление близкого к бланкистам П. Груссе о том, что настоящее собрание «скорее военный совет, чем Коммуна». «Нам незачем сообщать о своих решениях Собранию (Национальному.—А. С.), своим врагам», — говорил он. Другой член Коммуны, левый прудонист Виктор Клеман заявил: «Довольно парламентаризма». По его мнению, «результат голосования следовало утвердить ради общественного блага».

В XIII округе в Коммуну был избран рабочий-ювелир, активный участник рабочего движения Франции, член Парижской федерации Интернационала, широко известный в социалистических и рабочих кругах столицы, Лео Франкель, венгр по происхождению. Перед комиссией по выборам встал вопрос — могут ли быть допущены в состав Коммуны иностранцы? Коммуна утвердила предложение комиссии об избрании Л. Франкеля. Подлинным интернационализмом дышат слова этого постановления: «Знамя Коммуны есть знамя всемирной республики, каждый город имеет право давать звание гражданина иностранцам, которые ей служат; ...звание члена Коммуны, будучи знаком еще большего доверия, чем звание гражданина, безусловно включает в себя и это последнее».

Коммуна утвердила и другое предложение комиссии — о несовместимости мандата члена Коммуны с депутатством Бордоского собрания (перебравшегося к тому времени в Версаль), которое «не заслуживает признания со стороны Коммуны». Члены Коммуны Делеклюз и Курне тотчас сложили свои полномочия депутатов Национального собрания.

По предложению Лефрансе единогласно было принято постановление о том, «что Национальная гвардия и Центральный Комитет оказали большие услуги Парижу и Республике». Принято было и другое постановление: «Уведомить ЦК о конструировании Коммуны». Этими решениями Коммуна особо подчеркивала свою преемственность с революционной властью вооруженного народа. В воззва-

¹ «Первый Интернационал...», стр. 138.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 197-198

нии ЦК Национальной гвардии к населению о передаче власти Коммуне, принятом 28 марта, говорилось: «Мы хотим громко заявить, что, будучи законными и полными хозяевами положения, вы проявили свою силу прежде всего своим великодушием; вы потребовали и добились своих прав, но вы ни разу не прибегли к репрессиям... Сплотитесь же с доверием вокруг вашей Коммуны, облегчите ее работу, поддерживая ее реформы».

По предложению бланкиста Эда, собрание приняло название «Парижская Коммуна». Ранк, обосновывая это предложение, говорил: «Надо порвать с прошлым. Только название «Парижская Коммуна» покажет, что великий город хочет полной и неограниченной муниципальной свободы, одним словом — самоуправления».

В первом своем воззвании, опубликованном 30 марта в «Официальной газете», Парижская Коммуна оповещала народ о своих ближайших планах. «В первую очередь — долгожданное решение вопроса о квартирной плате. Завтра — вопрос о сроках платежей. Восстановление и улучшение всех общественных служб, немедленная реорганизация Национальной гвардии, отныне единственной силы в городе. Таковы будут наши первые действия».

На утреннем заседании 29 марта был сконструирован административный аппарат Коммуны. Вместо старых министерств с их громоздким бюрократическим чиновничьим аппаратом, китайской стеной отгороженным от народа, были созданы десять постоянных комиссий. Эти комиссии охватывали все стороны государственной жизни, готовили и разрабатывали новые законы, чутко прислушивались к нуждам масс. Они же и проводили эти законы в жизнь. Это были: 1) Исполнительная комиссия, 2) Комиссия финансов, 3) Военная комиссия, 4) Комиссия юстиции, 5) Комиссия общественной безопасности, 6) Комиссия продовольствия, 7) Комиссия промышленности и обмена (или труда и обмена), 8) Комиссия внешних сношений, 9) Комиссия общественных служб, 10) Комиссия просвещения. 30 марта резчик по металлу Тейс был назначен директором почт, инженер и промышленник Белэ — делегатом при Французском банке, рабочий-бронзовщик Камелина — заведующим монетным двором, столяр Пенди — в национальную типографию.

Исполнительной комиссии придавалось особое значение. «Она будет постоянной. Она будет принимать делега-

ции, которые захотят сделать сообщение», — гласил протокол заседания. В ее состав были избраны Эд, Тридон, Вайян, Дюваль, Бержере, Лефрансе и Ф. Пиа. Из семи ее членов первые четверо были бланкистами, а пятый (Бержере) также был близок к ним. Исполнительная комиссия находилась там же, где и Парижская Коммуна — в ратуше. Из семи членов военной комиссии только один был левым прудонистом (Пенди), все остальные — бланкисты. В комиссии общественной безопасности из семи членов четверо принадлежало к бланкистам. В руках подавляющего большинства прудонистов находились комиссия финансов и комиссия труда и обмена. Это они готовили и проводили основные декреты, касавшиеся вопросов труда и организации производства. Поэтому Ф. Энгельс имел полное основание утверждать, что «за экономические декреты Коммуны — и за их достоинства и за их недостатки — прежде всего несут ответственность прудонисты»³.

3 апреля П. Груссе от имени Комиссии внешних сношений испросил согласие Парижской Коммуны, чтобы вступить в переговоры с пруссаками по вопросу об уплате контрибуции Парижем и установлении связи с иностранными державами. 9 апреля П. Груссе обратился к главам дипломатических миссий с циркуляром, в котором официально извещал об образовании правительства Парижской Коммуны. Уполномоченный по делам внешних сношений писал, что он просит «довести об этом до сведения вашего правительства и пользуется случаем выразить вам пожелание Коммуны укрепить братские узы»⁴.

6 апреля был создан постоянный секретариат Коммуны, которому был поручен разбор корреспонденции и различных обращений в Коммуну.

Таким образом, Парижская Коммуна выполняла одновременно и законодательные, и исполнительные функции. Она была «работающей корпорацией», призванной творить и проводить в жизнь новое право во имя интересов трудовых классов, т. е. большинства народа.

С такой организационной структурой Коммуна просуществовала до 20 апреля. Небольшой опыт, накопленный

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 197.

⁴ Поверенный в делах русского правительства, препровождая этот циркуляр П. Груссе в Петербург, 10 апреля писал: «Представители [держав] решили оставить этот циркуляр без ответа и признать его недействительным. Так же поступил и я».

за это время, привел к необходимости реорганизовать центральный аппарат. На своих заседаниях 20 и 21 апреля Парижская Коммуна решила произвести реорганизацию и «назначить по одному делегату в каждое из крупных ведомств».

Делегат ответственен и находится под контролем Комиссии и Коммуны». На пленарном заседании были избраны девять полномочных делегатов: военный — Кюзере, финансов — Журд, продовольствия — Виар, внешних сношений — П. Груссе, просвещения — Вайян, юстиции — Прото, общественной безопасности — Р. Ригу, труда и обмена — Франкель, общественных служб — Андриё. Исполнительная комиссия прежнего типа упразднилась. Исполнительная власть передавалась объединению представителей всех девяти специальных комиссий — Совету Коммуны. При каждом из девяти делегатов была образована комиссия из пяти человек.

1 мая, после длительной и упорной внутренней борьбы между бланкистско-якобинским «большинством» и прудонистским «меньшинством», на смену комиссии делегатов Коммуны пришел Комитет общественного спасения (КОС) как верховный орган власти, подотчетный только Парижской Коммуне. Ему были подчинены все делегаты и комиссии. В его состав входило пять членов: бланкисты А. Арно и Ранвье, примыкавший к ним Ш. Жерарден и неоякобинцы Л. Мелье и Ф. Пиа. 9 мая состав КОСа был изменен.

Чтобы подорвать экономическую основу бюрократии как особой привилегированной касты буржуазного государства Парижская Коммуна на заседании 1 апреля приняла декрет об отмене высоких окладов служащим в общественных (государственных) учреждениях и установила для них максимальную ставку в 6000 франков в год. Днем раньше она установила размер вознаграждения для членов Коммуны в 15 франков в день. Эти оклады были ниже среднего заработка квалифицированного рабочего. Таким образом, эта мера, которой В. И. Ленин придавал особое значение, призвана была покончить со всякими привилегиями, связанными с высоким кастовым положением старого чиновничества. 19 мая Коммуна, по предложению Вайяна, приняла декрет о запрете платного совмещения. В декрете говорилось, что «должностное лицо Коммуны, призванное помимо своих обычных занятий оказывать

услугу другого порядка, не имеет права ни на какое новое вознаграждение».

Коммуне надо было сломить саботаж чиновников, парализовать приказы и распоряжения Версальского правительства. 29 марта она принимает декрет, в котором требует от служащих и чиновников различных общественных служб не подчиняться приказам версальского правительства и его агентов. Такие приказы «отныне должны считаться недействительными и не имеющими законной силы», так как Коммуна является «в настоящее время единственной властью». Статья вторая этого декрета гласила: «Всякий чиновник или служащий, который не подчинится этому декрету, будет уволен».

Историк Парижской Коммуны и один из активных ее борцов Лиссагаре дает очень типичное и характерное описание тех трудностей, с которыми столкнулись посланцы Коммуны, когда они взялись за управление страной. «Все ведомства находились в руках рабочих и служащих», — писал он, — всюду оказалась достаточной четвертая часть обыкновенных чиновников. Директор почт Тейс, бывший рабочий-чеканщик, нашел дело в полном беспорядке: участковые бюро были закрыты, марки спрятаны или унесены; приборы, печати, повозки были расхищены, касса разорена. Объявления, вывешенные в залах или во дворцах, призывали чиновников перейти на сторону Версаля под угрозой их смены. Тейс действовал быстро и энергично. Когда младшие служащие явились по обыкновению, чтобы тут же разойтись, он обратился к ним с речью, спорил с ними, приказал закрыть двери. Мало-помалу удалось наладить дело. Несколько чиновников-социалистов оказали помощь. Старшие канцелярские служащие поставлены были во главе учреждений. Участковые бюро были открыты, и в 48 часов прием и выдача писем для Парижа восстановлена. Ввоз писем в Париж был предоставлен во всей широте частной инициативе. Был учрежден Высший совет, который увеличил оклады почтальонов, сторожей бюро, экспедиторов, сократил сверхштатную службу, постановил, что способности работников будут определяться путем испытаний и экзаменов».

29 марта Парижская Коммуна приняла исторический декрет об упразднении постоянной армии и о замене ее Национальной гвардией. Декрет гласил: «1) Рекрутский набор отменяется. 2) Никакая вооруженная сила, кроме

Национальной гвардии, не может быть создана в Париже или введена в него. 3) Все пригодные к службе граждане входят в состав Национальной гвардии».

Этим декретом Коммуна начала разрушение одной из основных опор старого буржуазного государства — профессиональной армии. Отныне впервые в истории становилось законом всеобщее вооружение народа, направленное на защиту его интересов. Этим она одним ударом разбила материальные основы угнетения в буржуазном государстве большинства народа привилегированным меньшинством — армию, полицию, жандармерию.

Декрет от 2 апреля об отделении церкви от государства отменял бюджет культов и объявлял движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее религиозным конгрегациям, национальной собственностью. Этим постановлением Парижская Коммуна подрывала материальные основы духовного угнетения и закабаления народа католическим духовенством. Если вспомнить, какую огромную роль играла католическая церковь в истории страны, каким грозным орудием ослепления и закабаления широких народных масс она являлась при империи и республике, то мы поймем великую революционизирующую роль этого шага народного правительства.

Таким образом, вместо громоздкого бюрократического аппарата старых министерств, отгороженных от народа, пришли немногочисленные по своему составу комиссии народных избранников, которые в любое время могли быть сменены и переизбраны. При этом всякое должностное лицо, какой бы высокий пост оно ни занимало, не могло получать жалованье выше установленного максимума. Чиновничество лишилось каких бы то ни было денежных привилегий. Парижская Коммуна утверждала этим совершенно новый принцип самого дешевого правительства, свел до минимальных размеров две наиболее крупные статьи государственных расходов — на армию и чиновничество. Правительство Парижской Коммуны было самым дешевым для народа правительством. Его расходы за 72 дня своего существования составили 41 млн. франков. По данным французского экономиста Шере, львиную долю расходов поглощали статьи, связанные с ведением гражданской войны с Версалем и обороной столицы от оккупантов (расходы военной делегации, морского ведомства, содержание госпиталей и т. п.) — 38 млн. франков. И только 3293 тыс.

франков ушло на все остальные нужды — управление, просвещение, суд, общественную безопасность, здравоохранение и социальное обеспечение.

«Дешевое правительство» (Маркс), основы которого закладывала Парижская Коммуна, было в интересах не только пролетариев, но и широких кругов мелкой буржуазии, ремесленников, мелких торговцев и трудового крестьянства страны. Оно освобождало эти классы от «налога кровью» (Маркс), т. е. от службы в регулярной армии, которая отныне упразднялась, от высоких налогов и поборов на содержание паразитического, бюрократического аппарата буржуазного государства с его орудиями насилия над широкими массами трудящихся и от налога церкви. Вот почему К. Маркс с полным основанием утверждал: «Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что „ее победа — их единственная надежда!“»⁵.

Как же осуществлялась власть на местах, в округах Парижа? Парижская Коммуна, обсуждая на своем ночном заседании 30 марта вопрос об управлении округами, пришла к заключению, что в «настоящий момент устраивать муниципальные выборы было бы опасно», это могло бы привести к двоевластью. Члены Коммуны будут осуществлять всю полноту административной власти в округах, где они избраны. Они должны создавать там комиссии по своему выбору и под свою ответственность и исполнять все административные функции. Члены Коммуны в своих округах должны были совершать запись актов гражданского состояния. Эти комиссии, созданные во всех округах Парижа с членом Коммуны во главе, выполняли также функции мэрий. Они являлись одновременно и государственными органами.

Таким образом, и решения Коммуны об организации власти на местах были направлены к тому, чтобы приблизить к народу аппарат управления, связать его крепкими узами с избирателями, поставить его под контроль масс.

В. И. Ленин особо высоко ценил эту сторону государственной деятельности Парижской Коммуны. В своей работе «Государство и революция» он писал: «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собой понятные»

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 348.

демократические мероприятия, объединения вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁶.

Необходимо отметить еще одну характерную особенность в государственном творчестве парижских коммунаров. Как в официальных документах Коммуны (декретах, воззваниях, высказываниях отдельных лиц), так и в неофициальных (в статьях многочисленных демократических газет) можно встретить прудонистское положение о самоуправлении, автономии коммун и необходимости их федерации. Но, несмотря на это, фактически, на деле, в государственном строительстве Парижская Коммуна, в обстановке гражданской войны в стране, все больше и больше применяла принцип демократического централизма, стремясь сосредоточить всю полноту власти в руках выборной, подотчетной и сменяемой узкой коллегии членов Коммуны, которой должны были быть подчинены все другие органы управления. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с краткими протокольными записями заседаний Парижской Коммуны, с ее решениями первых дней и постановлениями по этому вопросу от 20, 21 и 30 апреля, 1 и 9 мая, когда потребности дня и живой опыт революционной борьбы снова и снова ставили в порядок дня вопрос об организации власти.

На заседании 20 апреля, в обстановке уже открытой гражданской войны, прудонист Андриё заявил: «Чего нам до сих пор не доставало, так это организации. При существующих обстоятельствах до сих пор регулярно функционировала только одна комиссия — это Исполнительная комиссия. Работала еще одна комиссия — Комиссия общественных служб... Надо, чтобы все, что связано с Коммуной, было централизовано в одной комиссии, которая была бы Административной комиссией. Если бы существовала Административная комиссия, не было бы невыполненных декретов, ибо имела бы комиссия, которая отвечала бы за проведение в жизнь этих декретов, и они не только расклеивались бы на стенах, но и доходили бы до сознания и совести [граждан]». Его поддержал П. Груссе, который внес проект реорганизации комиссий. Бланкист Э. Вайян также утверждал, что «именно организованности нам до сих пор доставало».

Чрезвычайно характерно для тогдашней обстановки выступление прудониста А. Ариу, который вопреки своим теориям заявил: «Очевидно, что приближаются серьезные события; очевидно, что мы не организовались для действий. Всякое предложение, имеющее целью централизовать действия, должно быть поддержано. В этом спасение... У нас не должно быть маленьких парламентов в одном парламенте. Так проголосуем же немедленно этот принцип. Надо заменить каждую комиссию одним делегатом, который будет отвечать за свои действия и день за днем отдавать отчет в них». Еще острее и резче поставил вопрос делегат X округа Рагуль: «Нам надо объясниться начистоту... Ясно, что нужна диктатура. Это необходимо сказать, и я ставлю точки над «и»... Надо установить абсолютную, полную диктаторскую власть под контролем Коммуны, которая превратится тогда в трибунал, в наблюдательный комитет...

Хотите ли вы спасти республику? Если вы введете в диктатуру слишком много членов, получится в малом объеме та же анархия, которая у нас имеется уже теперь в большом объеме».

Остановимся еще на выступлениях двух прудонистов В. Клемана и Вермореля, которые также требовали большей централизованности управления. Клеман заявил: «Я не сторонник диктатуры, но в данный момент, думается мне, она необходима, лишь бы она не была доверена одному лицу. Я предлагаю, чтобы делегаты округов осуществляли распоряжения диктаторской власти, а Коммуна будет судить». В том же духе высказался и Верморель: «Здесь было произнесено неприятное слово: диктатура. Нужно сказать правду, вот уже месяц мы дремлем, у нас нет организации. Не надо голосовать под давлением страха, но надо сказать, что если нападение не произойдет завтра, то оно может случиться через два дня, через четыре, шесть, восемь дней, и нужно быть готовым к нему. Следует признаться, что до сих пор мы не понимали того, что опасность находится у наших дверей и не требовали от делегатов ответственности за их действия... Так пробудимся же! Есть еще время. Коммуне недостает ответственности всех за всех».

Мы уже знаем, как был реорганизован центральный аппарат Парижской Коммуны: эта реорганизация шла по линии большей централизации. Образование Комитета

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 44.

общественного спасения как высшего органа управления, подчиненного только Парижской Коммуне, явилось дальнейшей реализацией этого принципа.

Ощупью, революционным чутьем, впервые в истории, шли коммунары к выработке основ нового типа государства. Конечно на этом новом пути они совершили немало ошибок. Но несмотря на это, подвигом в веках является попытка построить свое пролетарское государство. К. Маркс в первом наброске «Гражданской войны во Франции» писал: «Новая ее черта [революции 18 марта] заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной»⁷.

Парижская Коммуна разбудила невиданные до того энергию и творческую инициативу масс, их энтузиазм, их надежды. «Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса»⁸, — писал В. И. Ленин. И действительно, никогда еще народ Парижа не проявлял так широко своей активности, инициативы, творческого размаха, как в дни Парижской Коммуны. Эта активность выражалась в создании различных массовых общественных организаций.

Разбуженная энергия народа проявлялась в многочисленных обращениях граждан в Коммуну, в редакции газет и в другие организации с различными конкретными предложениями по самым различным политическим и жизненно важным вопросам, а то и с критикой действий Коммуны или ее агентов. 26 апреля генеральный секретарь Исполнительной комиссии обратился к секретарю Коммуны Амуру с письмом, в котором сообщал: «Мы получаем ежедневно, устно и письменно, большое количество предложений, то индивидуальных, то принятых в клубах или

секциях Интернационала. Это часто отличные предложения, и их следовало бы представить на рассмотрение Коммуны». Эти письма — свидетельство постоянной связи Коммуны со своими избирателями, с народом.

Рабочие различных профессий организовывали все новые синдикальные палаты. Во второй половине марта в Париже насчитывалось 34 синдикальных палаты, 43 производственных кооператива, 7 потребительских обществ и 4 кооперативных ресторана. К маю существовало уже 50 синдикальных палат. Парижская Коммуна всячески поощряла развитие профессионального движения. Здание бывшего министерства общественных работ было предоставлено в их распоряжение. Газета «La Révolution politique et sociale» («Политическая и социальная революция»), бывшая неофициальным органом Парижской федерации Интернационала, 30 апреля писала: «Парижская Коммуна... поместила рабочие общества в здании министерства общественных работ, чтобы провозгласить перед лицом всего мира, что прошлое мертво и что в обществе, которое создается, рабочие союзы займут самое почетное место».

В марте 1871 г. группой рабочих портняжного производства (Эвент и др.) была создана первая газета профсоюзов «L'Ouvrier de l'avenir» («Рабочий будущего»), которая восторженно приветствовала Парижскую Коммуну. В эпитафии этой газеты стояло: «Равенство — Свобода — Труд — Братство — Ассоциация — Федерация. Что такое трудящиеся? Ничего! Чем они должны быть? Всем! Социализм — это религия будущего». В номере от 12 марта газета писала: «Тем, кто полагает, что рабочие не знают, чего они хотят, мы предъявляем эту газету, которую будут редактировать только рабочие». 19 марта рабочий-часовщик Денари в этой же газете писал: «Оружие в руках рабочих пугает буржуазию, которой хотелось бы разоружить их, но рабочие не должны ни в коем случае выпустить его из своих рук».

Проявлением высокой политической активности трудящихся, их высокой заинтересованности судьбами Коммуны были письма в редакции революционных и радикальных газет. По данным советских библиографов Маневич, Алексеевой и Тепер, за время Коммуны возникло более 30 новых революционных газет. Около 40 периодических изданий стояли на стороне Парижской Коммуны и поддержива-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 561.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 103.

ли ее мероприятия, были пропагандистами новых социальных идей, разъясняли массам исторический смысл и значение революции 18 марта 1871 г. За короткий срок прессы Коммуны широко развернулась. Даже отдельные политические клубы, как, например, «Коммунальный клуб III округа», имели свою газету.

Правительственным органом являлся «Journal officiel de la République française» («Официальная газета Французской республики») ⁹, в которой печатались декреты Коммуны, отчеты о ее заседаниях, различные официальные материалы. В неофициальной части газеты помещались статьи, разъяснявшие политику Коммуны, объявления и сообщения. Так как в газете писали и бланкисты и прудонисты, то она не имела единой политической линии. Печаталась она, как это ни странно, в частной типографии и нередко выходила позже других газет. Поэтому широкого распространения она не имела (по заявлению Белэ, в день расходилось не более 3500 экземпляров). На заседании Коммуны 21 апреля член Коммуны Растуль поднял вопрос об этой газете. Ф. Пиа предложил раздавать ее бесплатно всем избирателям. Некоторые депутаты критиковали содержание газеты. Парижская Коммуна решила снизить продажную цену газеты вдвое (до 5 сантимов) и большое количество экземпляров ее расклеивать на улицах.

Самой распространенной в то время была газета «Отец Дюшен» ¹⁰, по своему политическому направлению близкая к бланкистам. Ее выпускали три журналиста — Вермерш, Эмбер и Вийом. Тираж этой газеты был огромным для того времени — он доходил иногда до 70 тысяч.

Живая связь с читателями, активистами из народа, с народными клубами была характерной чертой всей революционно-демократической печати того времени. Но особенно много писем получала газета «Отец Дюшен» ¹¹. Ав-

тор одного письма писал: «Дорогой гражданин Дюшен! Я чертовски доволен вашим сегодняшним предложением по вопросу об арестах, реквизициях и обысках у частных лиц, производимых без разрешения Коммуны, потому что подобные явления дьявольски вредят... Поэтому вы правы, когда со всей силой бьете по этому слабому месту; надо, чтобы эта проклятая Коммуна заставила хотя бы немного себя уважать. И пора ей стать настоящим правительством, потому что люди начинают ворчать, что дела идут плохо, черт возьми». В другом письме некто Ж. Ромэн обращается к «Гражданину отцу Дюшену» с вопросом: «Почему Коммуна так неэнергична?» Рабочий бумажного производства Э. Амбран в своем письме в редакцию от 16 апреля писал: «Если Коммуна победит — мастерские откроются, свобода будет обеспечена и спасено право жить работая. Граждане! Разве вы не видите, как все эти бандиты сговариваются, чтобы умертвить наших жен и детей? Неужели мы будем дальше терпеть гнусность этих презренных? Нет, нет!.. К оружию, парижане! Будем помнить, что мы должны спасти республику». Ириний Дотье в своем письме в редакцию «Отца Дюшена» от 27 апреля просил: «Подталкивай постоянно членов Коммуны, чтобы они не дремали и не давали залеживаться своим декретам. Пусть они всегда избегают личных дрызг, так как тогда между ними будет согласие и у них будет больше силы для защиты Коммуны».

Газета «Отец Дюшен» была настолько популярна среди народа и пользовалась таким вниманием, что существовал батальон из добровольцев «Дети отца Дюшена», которые мужественно дрались за дело Коммуны.

Революционная и демократическая пресса Коммуны систематически печатала письма трудящихся. Некоторые газеты имели даже специальные разделы писем. Так, например, прудонистская газета «La Sociale» («Социальная революция») имела отдел «Трибуна пролетариев», другая, близкая к бланкистам газета «Paris libre» («Свободный Париж») — «Трибуну трудящихся»; некоторые газеты имели отделы «Трибуна квартиранимателей» и т. п.

Эти письма были посвящены основным, животрепещущим вопросам — продовольственным, жилищным, борьбе с контрреволюцией и версальцами. Они выражали коренные интересы и нужды масс. Авторы их часто упрекали Коммуну за то, что она действует недостаточно решитель-

⁹ Всего с 19 марта по 24 мая вышло 67 номеров газеты. Версальское правительство продолжало выпускать под тем же названием свою правительственную газету.

¹⁰ Газета «Отец Дюшен» была названа так ее издателями в подражание стилю самой радикальной и популярной газеты Эбера, того же названия, выходившей в годы Великой французской революции XVIII в.

¹¹ Двенадцать таких писем (подлинники) находятся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1933 г. они были изданы под названием «Письма рабкоров Парижской Коммуны».

но и энергично в борьбе с контрреволюцией, дезертирами и изменниками родины, указывали Коммуне и ее агентам на конкретных носителей зла — на врагов и их приспешников, версальских лазутчиков и шпионов, окопавшихся в Париже; вносили предложения о сокращении должностных лиц в гражданских учреждениях Коммуны, о мобилизации служащих; жаловались на притеснения хозяев, на неисполнение декретов Коммуны. Часто эти письменные предложения трудящихся служили толчком для разработки постановлений и декретов Парижской Коммуны¹².

Большую роль в политической жизни масс и в помощи Парижской Коммуне играли многочисленные народные клубы, которые тогда особенно активизировались и усилились. За время Коммуны количество народных клубов еще увеличилось. Некоторые из них проводили свои заседания регулярно. Заседания клубов обычно происходили в помещениях школ, мэрий, в танцевальных залах. Около 20 клубов заняли помещения церквей: днем там совершались богослужения, а вечером происходили собрания клубов. Использование церквей под клубы началось в апреле и особенно усилилось в мае. Часто это приводило к серьезным столкновениям со служителями церкви и порождало острые конфликты.

Посещение клубов чаще всего было бесплатным, но иногда при входе собирали деньги для различных нужд клубов. Некоторые клубы, как, например, клуб в церкви Сен-Николя-де-Шан или «Клуб пролетариев» в церкви Сент-Амбруаз, были настолько популярны, что на их открытых собраниях бывало от 3 до 6 тысяч человек. В клубах формировалось общественное мнение масс, они были политической школой, где народ приобщался к идеям социализма. В афише «Клуба пролетариев» говорилось: «Лишь при помощи публичных собраний мы оказались в состоянии осознать и защитить свои права. Только на публичных собраниях мы можем разобраться в той бурной ситуации, которую мы переживаем... Чтобы каждый гражданин точно знал о происходящем, по какому пути он идет и по какому должен идти. Когда, собравшись вместе, мы сможем высказывать свои мнения, нам будет гораздо легче

принимать решения по поводу событий, которые могут произойти».

В клубах часто можно было видеть членов Коммуны. Там они встречались с народом, слышали взволнованные речи порой неизвестных ораторов, чувствовали дыхание народных масс, узнавали их нужды и требования, выслушивали подчас резкую критику иногда робких шагов Коммуны. Среди ораторов клуба в церкви Сен-Николя-де-Шан часто можно было встретить членов Коммуны Жоаннара, Амуру, Везинье и других, а в Батиньольском клубе в церкви Сен-Мишель нередко выступали Малон, Файе, Комбо, Шален. Наиболее активную роль в народных клубах играли бланкисты. Их основными клубами были клубы «Отечество в опасности» и «Элизе» на Монмартре.

Часто клубы являлись опорой народной власти Парижской Коммуны: они приходили на помощь в проведении ее постановлений и декретов, были инициаторами многих ее мероприятий. Чрезвычайно характерно, что на заседании 8 мая член Коммуны Паризьеф предложил организовать «Комиссию инициативы народных собраний», как он ее назвал. Эта комиссия должна была «принимать, рассматривать, излагать, представлять и поддерживать перед Коммуной предложения клубов и народных собраний». Такая комиссия не была создана, но затронутый Паризьефом вопрос был всесторонне обсужден.

Вопросы, которые дебатировались на собраниях клубов, были чрезвычайно разнообразны и охватывали широкий круг тем. Так, например, клуб в зале Мольера (позднее он сильно разросся и перенес свои заседания в церковь Сен-Николя-де-Шан) 30 марта обсуждал вопрос «Парижская Коммуна, ее роль, права и обязанности». В тот же день в клубе зала Марсельезы дебатировалась тема «Средство к постановке и разрешению социальных проблем», а на собрании в зале на улице Аррас обсуждался вопрос «Капитал и труд, практические меры к их организации». 29 апреля в зале Мольера происходило собрание на тему «Коммуна — поборник прав и свободы всей Европы». На собраниях часто происходило обсуждение вопросов об обороне Парижа, о продовольствии, браке и семье, правах и обязанностях граждан, воспитании и других бытовых вопросов.

Цели, которые ставили перед собой клубы, с наибольшей полнотой выразил в своем решении «Коммунальный

¹² Подробнее об этом см.: А. И. Молок. Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны. Сб. «Из истории общественных движений». Изд-во АН СССР, 1957.

клуб III округа». В нем говорилось: «Коммунальный клуб ставит своей целью бороться с врагами нации коммунальных прав, наших свобод и республики, защищать права народа, давать ему политическое воспитание, дабы он мог управлять собой сам; напоминать нашим избранным, если они забудут о них, и поддерживать их во всем, что они предпримут для спасения республики; в особенности же провозглашать суверенитет народа, который никогда не должен отказываться от своего права контроля над действиями своих уполномоченных.

Народ управляет сам собой... Если твои избранники колеблются или останавливаются на полпути, — толкай их вперед, чтобы достигнуть цели, к которой мы стремимся, т. е. к завоеванию наших прав, упрочению республики и торжеству справедливости».

«Коммунальный клуб» выпустил даже свою газету «Коммунальный бюллетень». В ней был отдел с характерным заголовком «Декреты народа», в котором печатались принятые на собраниях резолюции. Клуб был тесно связан с Коммуной и батальонами Национальной гвардии своего округа. Он собирал деньги для их нужд.

29 апреля в этом клубе была принята резолюция, требовавшая от Коммуны объявить изменниками всех тех депутатов Национального собрания, избранных в свое время Парижем, которые в течение 24 часов с момента издания декрета не сложат своих полномочий и не подадут в отставку.

Другая резолюция того же собрания требовала от Коммуны конфискации и распродажи имущества гражданских и военных сановников бывшей империи и распределения вырученных сумм среди вдов и детей убитых коммунаров и раненых федератов.

В начале мая «Коммунальный клуб III округа» обратился к народу со следующим воззванием: «Граждане! Только что совершен революционный акт: население III округа в целях политического воспитания народа, наконец, вступило в пользование общественным зданием, которое до сих пор служило только касте, источнику враждебной всякому прогрессу... К вам, граждане всех округов, мы обращаем призыв. Следуя нашему примеру, открывайте коммунальные клубы во всех церквях; помы могут там служить днем, а вы будете там вести воспитание народа по вечерам. За работу же и да здравствует Коммуна!»

27 апреля на многолюдном собрании в зале Мольера было принято обращение к французскому народу. В нем мы читаем: «Париж пойдет на все жертвы, чтобы достигнуть своей цели — установления Коммуны, программу которой можно резюмировать следующим образом: обеспечить всем гражданам труд на основе свободы, справедливость на основе равенства, порядок на основе братства. Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!» «Клуб социальной революции» — массовая пролетарская организация XVII округа (Батиньоль) — единодушно присоединился к этому обращению.

В начале мая по инициативе клуба в зале Мольера была осуществлена попытка объединения народных клубов. 7 мая Комитет федерации клубов опубликовал в газете «Vengeur» («Мститель») воззвание, в котором сформулировал свои задачи: 1) защищать республику и поддерживать принципы Коммуны; 2) ставить на обсуждение в каждом клубе предложения, сделанные одним или несколькими из них, и направлять в Коммуну те, которые будут приняты во внимание комитетом федерации; 3) поддерживать непрерывную связь с Коммуной, дабы она могла раз в день сообщать нам сводку военных действий, которая затем передавалась бы соответствующим клубам через их представителей».

Существовал также клуб женщин — патриоток Парижа. 11 апреля была создана массовая женская организация — «Центральный комитет гражданок». Инициативная группа женщин-социалисток в своем обращении писала: «Патриотки приняли решение организовать во всех округах женские комитеты. Цель создания комитетов — объединить женское движение для обороны Парижа». «Центральный комитет гражданок» привлек в свои ряды многих женщин-работниц. В мае он был реорганизован в «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым». Во главе его стояли известные социалистки — учительницы Луиза Мишель и Натали Лемель. Активное участие в организации и работе «Союза женщин» принимали русские революционерки Елизавета Дмитриева (Е. Л. Тумановская) и Жаклар (А. В. Корвин-Круковская). За первый месяц своего существования союз провел 24 народных собрания, организовал несколько отрядов бойцов (женские батальоны), мужественно сражавшихся за дело Коммуны.

24 апреля Е. Тумановская, которая была послана в Париж Генеральным советом Интернационала для связи, писала в Лондон Юнгу (казначей Генсовета): «Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий женские комитеты и, кроме того, Центральный Комитет. Все для того, чтобы основать союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Мы завязываем сношения с правительством (Коммуны.— А. С.) и я надеюсь, что организация наладится... Вообще пропаганда Интернационала, которую я веду... нравится женщинам; в наших собраниях участвуют уже около 3—4 тысяч женщин».

«Союз женщин» оказывал большую помощь Парижской Коммуне. 17 мая Комиссия труда и обмена поручила Исполнительному комитету Союза организовать синдикальную палату работниц и привлечь их к участию в производственных ассоциациях. «Союз женщин» принимал активное участие в санитарной помощи раненым федератам; его члены работали в лазаретах, в больницах, в различных учреждениях социального обеспечения. В борьбе, которую вела Коммуна и особенно ее органы на местах (в округах) с попами, членами религиозных конгрегаций за влияние на массы, «Союз женщин» всегда оказывал ей свою помощь.

Во всех этих организациях — в народных клубах, синдикальных палатах, добровольных обществах и других многочисленных общественных организациях, с которыми была связана Парижская Коммуна и которые беззаветно поддерживали ее до конца, ключом была творческая инициатива масс. Париж в дни Коммуны преобразился. Многие современники — друзья и враги Коммуны — отмечают, что в столице никогда еще не было такого спокойствия. 29 марта О. Серрайе писал своей жене в Лондон: «Не бойся, здесь все спокойно, и административный аппарат функционирует как нельзя лучше. Можно подумать, что наши друзья получили специальную подготовку для этого». На следующий день он вновь сообщал, что в Париже «все спокойно. Коммуна признана всеми как совершившийся факт. Еще более того, ей служат с известным усердием... Самое изумительное — это то, что все исполняют свои обязанности так, как будто это самая естественная вещь в мире». В письме от 12 апреля он писал: «Никогда Париж не был

так спокоен и единодушен в борьбе за свои права... Невозможно описать воодушевление Национальной гвардии, идущей в бой. Люди, знакомые с французским характером, должны быть очень удивлены стойкостью и энергией, которые народ проявляет с 18 марта... Как жаль, что весь мир не может посмотреть сейчас Париж. Это было бы окончательным приговором для всех политических систем». В письме от 15 апреля он снова подчеркивал: «Что касается административного аппарата, то можно только удивляться тому, как это все налажено: все идет без заминки».

Почти через месяц, 24 апреля, другой активный участник событий Е. Тумановская-Дмитриева сообщала в Лондон: «Дела Коммуны идут хорошо, но вначале было сделано много ошибок».

Наш соотечественник, народник П. Лавров, живший тогда в Париже, писал: «Как администраторы и организаторы управления обширного города представители парижского пролетариата оказались не только не хуже, но едва ли не лучше представителей обычной чиновничьей рутины. Практическая сообразительность, энергия и действительное желание принести пользу обществу легко победили здесь все препятствия».

Член Коммуны и ее историк Артюр Арну писал: «Кроме постов в мэриях, в разных министерствах, в ратуше, — никакой вооруженной силы на улицах, ни в предместьях, ни в возбужденных кварталах. И никогда Париж не пользовался таким абсолютным спокойствием. Ни одного преступника!»

Даже русский посол вынужден был 30 марта донести царскому правительству: «Так как повстанцы одержали полную победу, то в данное время в столице установилось внешнее спокойствие».

23 апреля, когда вокруг Парижа уже начало бушевать пламя гражданской войны, а в самой столице действовали многочисленные шпионы и диверсанты Тьера, даже буржуазно-радикальная газета «La Vérité» («Истина»), которая в этот период выступала против социально-экономических мероприятий Коммуны, вынуждена была подтвердить: «Число преступлений в Париже поразительно уменьшилось. Нет воров и кокоток, нет убийств и нападений на улицах. Не было зарегистрировано ни одного ночного нападения даже в наиболее отдаленных и малолюдных кварталах с тех пор, как граждане сами выполняют обязанно-

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

сти полиции». Ей вторила буржуазно-республиканская газета Ропфора «Le Mot d'ordre» («Пароль»), которая часто выступала с критикой Коммуны. 20 апреля она писала: «Уже более месяца 200 тысяч рабочих — хозяева Парижа. У них есть оружие, пушки, сила — и нищета. Они не только не разграбили ни одного особняка, не сделали ни одного богача жертвой своей мести, не совершили ни одной жестокости, но — и это буквально — не сломали ни одной ветви дерева, не сорвали ни одного цветка в общественных садах, порученных их охране».

Конечно, у Парижской Коммуны не было недостатка в преданных ей до конца людях. Но ей не хватало опытных, выдержанных, прошедших большую революционную школу руководителей. П. Лафарг, приехавший ненадолго в Париж из Бордо, 8 апреля писал К. Марксу: «Я видел деятелей Коммуны, которые полны энтузиазма, как и все население Парижа. Они по-прежнему надеются взять Версаль и действуют в этом направлении. Как мне сказал Вайян, в людях недостатка нет, но не хватает руководителей. Не может ли сюда приехать Энгельс, чтобы отдать свои таланты на службу революции?» То же имел в виду и О. Серрайн, когда 15 апреля писал в Лондон: «Нужно, чтобы Дюпон приехал сюда во что бы то ни стало. Его присутствие необходимо во многих отношениях». Л. Франкель также жаловался на «недостаток в военных руководителях».

Вероятно, Коммуна в дальнейшем справилась бы с этим, но крайне короткий срок существования, отведенный ей историей, оказался наибольшей помехой.

При изучении политических и социально-экономических материалов Парижской Коммуны нужно иметь в виду, что она просуществовала всего 72 дня, из которых последняя — «майская неделя» — была заполнена непрерывавшимися героическими боями с версальцами на баррикадах Парижа, когда нельзя было уже и думать о какой-нибудь созидательной работе. И надо поражаться, как много сделали коммунары за два месяца своей истории.

Необходимо также учитывать, что работа коммунаров проходила в очень трудной и сложной обстановке открытой гражданской войны и иностранной интервенции, когда у границ города стояли прусские войска. Руководители Парижской Коммуны не имели готовых рецептов или опыта для своего творчества, они впервые в человеческой истории прокладывали новые пути для строительства нового государства. Наряду с основными задачами социалистической революции, направленной на разрушение основ эксплуататорского капиталистического общества и строительство основ нового пролетарского государства, им нужно было решать и задачи демократических преобразований. В представлении идеологов и вождей Парижской Коммуны эти различные задачи демократического и социалистического переворота часто смешивались воедино. Вот почему В. И. Ленин с полным правом мог утверждать, что Парижская Коммуна была таким рабочим правительством, «которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 70.

Единственный официальный программный документ Парижской Коммуны — декларация «К французскому народу» является подтверждением этого ленинского положения. Декларация была принята Коммуной «всеми против одного голоса» на вечернем заседании 18 апреля².

Эта декларация является типичным документом того времени, она содержит характерные идеи, выражающие дух эпохи, и включает положения, которые объединяли различные группировки Коммуны. Видимо поэтому проект декларации, внесенный на обсуждение Валлесом от имени комиссии, не вызвал серьезных возражений.

Паризель заявил, что «эта программа очень ясная и очень четкая». И хотя некоторые современники и историки не считали ее таковой, тем не менее она отражала господствовавшие представления передовых людей того времени.

Декларация должна была «выявить и определить стремления и чаяния парижского населения, уточнить характер движения 18 марта» и перед лицом всей Франции изобличить «лжецов и клеветников», которые, «изменив Францию и предав Париж чужеземцам, со слепым и жестоким упорством добиваются разрушения столицы, чтобы похоронить под обломками Республики и свободы двойное свидетельство своей измены и своих преступлений».

Авторы декларации отдавали себе отчет в том, что «борьба, разгоревшаяся между Парижем и Версалем, принадлежит к числу таких битв, которые не могут окончиться призрачным соглашением, исход ее не может вызывать сомнений». Они понимали, что «призваны совершить новейшую революцию, самую широкую и самую плодотворную из всех, которые прославили историю».

Но что же это за революция? Какие цели она преследует? Во имя интересов каких классов она совершена? Декларация отвечала на этот вопрос так: «Коммунальная революция, начатая народной инициативой 18 марта, открывает новую эру в политике — экспериментальной, позитивной и научной... Это конец старого правительственного и клерикального режима, конец милитаризма,

бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий, всего того, чему пролетариат обязан своим рабством, родина — своими бедствиями и страданиями».

Если отбросить обычную прудонистскую фразеологию «о коммунальной» революции, об «экспериментальной, позитивной и научной политике» и выявить суть этого пункта декларации, то нужно сказать, что он означал признание идей социализма целью революции 18 марта. Конечно, это провозглашение социалистического принципа выражено было нечетко и неточно, но оно соответствовало представлениям французских социалистов того времени. Неоякобинец Растуль после ознакомления с проектом декларации справедливо заявил: «Это надгробное слово якобинству».

Как же представляли себе авторы декларации эту «новую эру в политике»? Чего добивался Париж? Декларация отвечала: «Признание и упрочение Республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества, полной автономии коммун на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому француз — развитие его способностей и склонностей как человека, гражданина и труженика».

Эту новую республику они представляли себе, как добровольный союз автономных коммун, пользующихся всей полнотой власти. Объединение их должно было обеспечить «единство нации». Это единство они противопоставляли «единству, которое нам навязывали до сих пор империя, монархия и парламентаризм». Навязанное единство они считали «не чем иным, как централизацией деспотической, неразумной, произвольной и тягостной». «Центральную администрацию страны», или верховную власть нового государства, они мыслили как «собрание делегатов всех объединенных коммун».

Но что означала автономия? Какими правами должен был обладать Париж? Декларация отвечала: «Париж оставляет за собой право провести у себя, как он найдет нужным, административные и экономические реформы, которых требует его население; создать учреждения, способствующие развитию и распространению просвещения, производства, обмена и кредита; сделать власть и собственность всеобщим достоянием, следуя потребностям мо-

² Проект декларации был представлен от имени комиссии, созданной 9 апреля в составе Делеклюза, Валлеса, Тейса, Курнэ, Малона и Бийоре. В ней были представлены все политические течения Коммуны.

мента, желанию заинтересованных лиц и данным, полученным из опыта».

Кто же выполняет функции управления, кто является носителями власти? Декларация отвечает: «Ответственные, подлежащие постоянному контролю должностные лица и коммунальные чиновники всех категорий», избранные или назначенные «по конкурсу». В функции Коммуны должны были входить также «организация городской обороны и Национальной гвардии, которая избирает своих начальников и одна охраняет порядок в городе». Власть, построенная на таких основах, не имела, конечно, ничего общего со старой государственностью, направленной на угнетение большинства меньшинством. Конечно, это было «новой эрой в политике». За ее утверждение нужно было бороться, нужно было склонить на свою сторону всю трудовую Францию, завоевать ее доверие и ее признание, разорвать кордон лжи и клеветы, которой окружили Парижскую Коммуну версальское правительство и его агенты.

Декларация и была обращена ко всей Франции. «Мы вызываем ко всей Франции! Франция должна будет положить конец кровавому конфликту, который начал старый мир... Франция должна обезоружить Версаль торжественной манифестацией своей непреклонной воли. Пусть она заявит о своей солидарности с нашими усилиями; пусть она станет нашей союзницей в этом бою, который может окончиться или торжеством коммунальной идеи или гибелью Парижа!»

Эта декларация была опубликована в «Официальной газете» 20 апреля. Одновременно она была напечатана отдельной афишей (5 тысяч экземпляров) для рассылки по провинции. Она смутно и неясно говорила о новой социальной системе, построенной на основе «всеобщего благосостояния», но большее внимание в ней уделено было разъяснению основ нового типа государства, т. е. новой политической организации общества, каким фактически и являлась Парижская Коммуна.

На заседании Коммуны 24 апреля член Комиссии общественной безопасности Шален докладывал, что ему «удалось отправить некоторое число граждан в провинцию; еще сегодня один делегат уехал в Бретань, чтобы расклеить в Мансе, в Ренне, в Бресте и по всему побережью манифест Коммуны». Арно добавлял: «В Лионе было роздано 1500 экземпляров программы Коммуны... В городе

царит возбуждение». Режер сообщил такие же новости о Бордо. Но декларация Парижской Коммуны не получила широкого распространения: этому всячески мешали версальские агенты.

Известны и другие попытки обращения Коммуны к департаментам, вызванные стремлением наладить связь с другими городами, объяснить народу, за что борется трудовая Париж. 6 апреля Парижская Коммуна направила в Марсель делегацию из четырех человек для руководства революционным движением и выдала им 2 тыс. франков на расходы. Исполнительная комиссия приняла обращение к населению департаментов, которое было опубликовано 7 апреля в «Официальной газете». Это обращение имело целью опровергнуть «гнусную пропаганду, организованную версальским правительством в департаментах с целью очернить великое движение парижского народа». «Вас обманывают, братья,— читаем в нем,— когда вам говорят, что Париж хочет управлять Францией и осуществить диктатуру, которая была бы отрицанием национального суверенитета. Вас обманывают, когда вам говорят, что грабежи и убийства открыто царят в Париже. Никогда еще на наших улицах не было так спокойно... Париж стремится лишь основать Республику и завоевать себе коммунальные вольности, счастливый тем, что может показать пример другим коммунам Франции. Париж борется и сражается в этот момент столько же ради вас, сколько ради себя. Пусть ваши усилия сольются с нашими, и мы победим, ибо мы являемся представителями права и справедливости, т. е. счастья для всех, созданного всеми... Да здравствует Республика единая и нераздельная, демократическая и социальная!»

7 апреля Гамбон докладывал на заседании Коммуны о своей поездке по провинции и, в частности, на Корсику. Он пришел к выводу, что «Франция бездействует. Везде Коммуна была подавлена только потому, что ее члены не сумели принять решительные меры». Он предлагал послать «во все большие города Франции граждан, которые активизировали бы коммунальное движение и подняли бы республиканцев против правительства Тьера. Только такой ценой может быть спасена Коммуна»,— говорил он.

Особо следует отметить воззвание парижских коммунаров к трудовому крестьянству, написанное писательницей-социалисткой Андре Лео и Б. Малоном. Это воззва-

ние — «Парижская Коммуна к трудящимся деревням» — не являлось официальным документом Коммуны и не было опубликовано в правительственной газете, но тем не менее оно было перепечатано в ряде социалистических и демократических газет Парижа. Оно было отпечатано также отдельной листовкой за подписью «Трудящиеся Парижа» в количестве 100 тысяч экземпляров и распространялось в окрестностях столицы с аэростата.

Воззвание начиналось обращением к трудовому крестьянину: «Брат, тебя обманывают! Наши интересы одни и те же. То, чего требую я, хочешь и ты, освобождение, которого добиваюсь я, будет и твоим освобождением. В городе тот, кто производит все богатства мира, испытывает нужду в хлебе, одежде, у него нет крова, ему нечего рассчитывать на чью-либо помощь; но разве не так же обстоит дело в деревне? Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый землевладелец или промышленник? Как и я, ты при длинном и тяжелом рабочем дне не получаешь даже того, что необходимо для удовлетворения твоих физических потребностей... Ты и я — мы все еще рабы нищеты.

Вот уже около века тебе, крестьянину, бедному поденщику, твердят, что собственность — это священный плод труда, и ты этому веришь. Но открой же глаза и посмотри вокруг себя, посмотри на самого себя, и ты убедишься, что это — ложь... Нет, брат, труд не дает богатства. Оно передается по случаю или приобретается хитростью. Богаты лишь бездельники, а труженики — бедняки и умрут бедняками. Таково общее правило; остальное — только исключение.

Это несправедливо. Вот почему Париж, который ты обвиняешь со слов людей, которым выгодно обманывать тебя, волнуется, требует, восстает и хочет изменить законы, которые дают в руки богатых всю власть над трудящимися. Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и притом бесплатно, ибо наука есть общее достояние людей и необходима для жизни не меньше, чем глаза для зрения.

Париж хочет, чтобы не было больше короля, который берет с народа 30 миллионов франков. Париж хочет, чтобы с упразднением этих громадных расходов налоги значительно уменьшились. Париж хочет, чтобы не было больше должностей, оплачиваемых по 20, 30 и 100 тысяч франков.

Уже одна эта экономия позволила бы устроить убежище для престарелых тружеников.

Париж требует, чтобы люди, не имеющие собственности, не платили никаких налогов; чтобы человек, имеющий только дом с садом, также ничего не платил; чтобы небольшие состояния были обложены небольшим налогом и чтобы вся тяжесть налогов падала на богатых.

Париж требует, чтобы 5 миллиардов (имеется в виду военная контрибуция. — А. С.) были уплачены Пруссии депутатами, сенаторами, бонапартистами — виновниками войны и чтобы для этого было распродано их имущество, а также имущество короны, которая теперь не нужна Франции.

Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается, и чтобы народ сам выбирал судей из среды честных людей своей коммуны...

Париж хочет, в конечном счете, земли для крестьян, орудий труда — для рабочих, работы для всех...

Итак, жители деревень, вы видите теперь, что дело Парижа — ваше дело. Генералы, осаждающие сейчас Париж, — это те самые, которые предали Францию. Депутаты, которых вы выбрали не зная их (имеются в виду депутаты в Национальное собрание. — А. С.), хотят вернуть короля Генриха V. Если Париж падет, ярмо нищеты останется на вашей шее, его унаследуют и ваши дети. Помогите же ему одержать победу».

Это волнующее и правдивое воззвание не дошло до адресата. Но оно — яркий документ эпохи, выражавший чаяния коммунаров, те основные политические и социальные требования, которые объединяли различные течения Парижской Коммуны. Вот почему это воззвание перепечатали разные по своим политическим направлениям газеты: и прудонистские — «La Commune» («Коммуна») (10 апреля) и «La Sociale» («Социальная революция») (3 мая), и близкая к бланкистам «Le Cri du peuple» («Крик народа») (12 мая), и другие.

При оценке социально-экономического творчества Парижской Коммуны бросается в глаза, что несмотря на резкие разногласия по ряду серьезных политических вопросов и борьбу вокруг них различных группировок, подавляющее большинство декретов и постановлений принималось почти единогласно или значительным большинством. Это дает основание выделять в политике коммунаров то

общее, что объединяло всех или почти всех. Ф. Энгельс не раз подчеркивал, что «к величайшей чести Коммуны, „живую душу“ всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность. Вот почему эти мероприятия... соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма»³.

Первые экономические декреты Коммуны (принятые на заседании 29 марта) — о приостановке продажи вещей в ломбарде и об отсрочке уплаты задолженности по квартирной плате — были продиктованы интересами широких кругов трудового населения Парижа. Декрет о ломбарде содержал одну единственную статью: «Продажа вещей, заложенных в ломбарде, приостанавливается». По второму декрету откладывалась уплата задолженности по квартирной плате за три квартала (с октября 1870 г. по июнь 1871 г.). Согласно второй статье декрета, все суммы, уплаченные съемщиками за указанные девять месяцев, зачислялись в счет будущих взносов. Отсрочка предоставлялась также съемщикам меблированных комнат. Статья пятая устанавливала, что в случае истечения срока контракта он должен быть продлен по требованию съемщиков на три месяца.

Хотя эти декреты в некоторых отношениях не шли дальше постановлений ЦК Национальной гвардии по этим же вопросам, народ воспринял их восторженно. Газета «Отец Дюшен» 31 марта писала: «Большая радость у отца Дюшена; ведь граждане члены Коммуны уничтожили три квартальных срока, так что домовладельцы не будут больше выбрасывать за дверь добрых патриотов!.. Вы читали этот замечательный декрет, который заставит плясать от восторга пролетариев и мелких коммерсантов?»

30 марта на заседании Коммуны было оглашено постановление ЦК двадцати округов о том, что «он целиком и полностью одобряет три декрета, принятые Коммуной 29 марта относительно 1) квартирной платы, 2) рекрутского набора, 3) вещей, заложенных в ломбарде». И действительно, этими мерами, принятыми в интересах не только рабочих, но и мелкой буржуазии, Парижская Коммуна укрепляла союз этих классов.

Постановление Коммуны о приостановке продажи заложенных вещей имело временный и частичный характер. Оно не разрешало полностью этот серьезный для трудового народа вопрос.

Парижский ломбард был колоссальным капиталистическим предприятием, наживавшимся на тяжелой нужде трудового населения столицы. Ломбард состоял из двух филиалов, 20 вспомогательных бюро и 14 коммиссионных контор. Своими щупальцами он охватывал всю гущу народа, в особенности в период осады, когда безработица, нужда и голод достигли предела. К концу 1870 г. на складах ломбарда находилось 1 708 547 вещей, за которые было выдано ссуд более чем на 35 млн. франков. По данным члена Коммуны Лефрансе, только вещей, оцененных суммой ниже 50 франков, насчитывалось 1200 тысяч, а закупочная их стоимость равнялась 12 млн. франков. Вот почему вопрос о выдаче заложенных в ломбарде вещей был таким жгучим и волнующим для народа.

Решение ЦК Национальной гвардии о бесплатной выдаче вещей стоимостью до 15 франков не было приведено в исполнение. Декрет Коммуны от 29 марта только откладывал окончательное решение вопроса. Вот почему 25 апреля Парижская Коммуна снова вернулась к обсуждению этого вопроса. Прудонист Авриаль был инициатором нового проекта декрета о ломбарде. Он предложил выдавать бесплатно (за счет Коммуны) заложенные в ломбарде инструменты труда, мебель, постельные принадлежности, белье, одежду стоимостью ниже 50 франков. Обосновывая свой проект, он заявил: «Надо показать, что мы заботимся о народе, который совершил революцию 18 марта. Народ, который сидел на черном хлебе, имеет право рассчитывать на облегчение своих страданий, и чтобы удовлетворить его нужды законными мерами, не следует останавливаться перед несколькими миллионами. Ломбард как учреждение должен исчезнуть, а пока нужно дать хоть некоторое удовлетворение храбрецам, идущим в бой».

Так как ломбард был частным коммерческим акционерным предприятием, то перед Парижской Коммуной встал вопрос об отношении к частной собственности. Вопрос заключался не только в том, чтобы удовлетворить законную нужду масс и выдать им бесплатно самые необходимые для жизни вещи, заложенные во время войны и осады.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 48, стр. 261—262.

Такие меры дважды (1 и 12 октября 1870 г.) проводило и «правительство национальной обороны». Новизна и иной социальный смысл этих мероприятий Коммуны заключался, с одной стороны, в огромности масштабов этой операции, имевшей большое политическое значение; с другой стороны, жизнь поставила вопрос о вторжении в частную собственность владельцев ломбарда и замене его иными социальными институтами.

Члены Коммуны отдавали себе отчет в политическом и социальном значении вопроса о заложенных вещах и ликвидации ломбарда. Они понимали, что упразднение ломбарда не решает еще ни одной социальной проблемы. Нужда масс, временно облегченная бесплатной выдачей заложенных вещей, останется, если останутся прежние капиталистические порядки. Нужно было установить какие-то иные экономические основы. Никакими готовыми рецептами и магическими формулами коммунары не обладали. Опыта у них тоже не было. Вот почему в своем постановлении о ломбарде они, по существу дела, уходили от решения экономической проблемы, ибо она выходила за рамки задач борьбы за республику, а являлась уже задачей борьбы за иной социальный строй, за социализм.

Артур Арну, поддерживая предложения Авриалья, отметил, однако: «Речь идет об упразднении ломбардов. Несомненно, к этому придется прийти; но этот пункт недостаточно ясен для массы населения, которая не поймет, чем же будут заменены ломбарды... Вот почему я предлагаю исправить этот превосходный в своей основе декрет».

Еще яснее высказался Лефрансе: «Я полностью одобряю в этом отношении (речь идет о безвозмездной выдаче заложенных вещей стоимостью до 50 франков. — А. С.) проект Авриалья. Что касается статьи относительно ликвидации ломбарда... предлагаю просто-напросто вычеркнуть этот пункт. Если Коммуна восторжествует... все, что называется общественной благотворительностью, — больницы, убежища, ломбарды, — наверняка исчезнут. Но это предполагает создание ряда новых экономических учреждений, которые вы не можете в настоящий момент формулировать в одной из статей декрета... Прежде чем их упразднить, надо сделать их излишними. Только представив целую программу реформ, нам удастся создать систему, которая позволит упразднить общественную

благотворительность во всех ее формах: убежища, богадельни, ломбарды».

Малон, Риго и другие усомнились в осуществимости проекта Авриалья. «В теории проект прекрасен, но на практике я считаю его неосуществимым», — заявил Р. Риго.

Делегат по финансам правый прудонист Журд выступил решительным противником ликвидации ломбардов. «Уничтожить ломбард, — говорил он, — значило бы причинить ущерб собственности, чего мы еще никогда не делали. Я не думаю, что действовать таким образом было бы благоразумно, полезно, умно». Он заявил, что может удовлетворить с финансовой стороны бесплатный возврат заложенных вещей, но не имеет возможности возместить убытки ломбарда. «А принять в подобном случае насильственную меру значило бы совершить несправедливость в отношении одной компании», — сказал он. Очень характерна в этом месте реплика Авриалья: «А для тех, которые идут на смерть?»

Журд предложил отложить обсуждение декрета и передать ему проект на заключение с тем, чтобы делегат по финансам договорился с ломбардом «по вопросу об интересах ломбарда». Вопрос снова был отложен. 1 мая в «Официальной газете» был опубликован обширный доклад Комиссии труда и обмена о ликвидации ломбардов, который имел целью указать «способ ликвидировать это общество и возможность занимать деньги, не обращаясь к ростовщикам», как заявил Л. Франкель на заседании 25 апреля.

В заключительной части доклада содержался проект декрета о ликвидации ломбарда и назначении ликвидации синдиката. В проекте предусматривалась бесплатная выдача вещей семьям граждан, погибших за Коммуну, и тяжело раненым национальным гвардейцам, если ранение вело к инвалидности.

В докладе утверждалось, что меры, предлагаемые комиссией, являются «социалистическими». Конечно, ничего социалистического в них не было, но они отличались крайним радикализмом.

Доклад был опубликован от имени Комиссии труда и обмена за подписью ее делегата Л. Франкеля и членов Комиссии — интернационалистов Шалена, Лонге, Малона, Серрайе и Тейса. Как официальный документ этот до-

клад был, конечно, известен членам Парижской Коммуны. Но когда на заседаниях 3 и 6 мая Коммуна вновь вернулась к обсуждению вопроса о ломбарде, никто из выступавших не защищал этот проект. Даже Л. Франкель заявил, что «Комиссия труда, составляя свой доклад, не имела в виду немедленную ликвидацию ломбарда. Когда мы преобразуем наше экономическое положение, можно будет сделать еще более важное дело, создавая мастерские... но чтобы преобразовать экономическое положение, нужно организовать труд».

6 мая Коммуна подавляющим большинством (при одном воздержавшемся) приняла проект Журда о бесплатном возврате вещей из ломбарда на сумму залога, не превышавшую 20 франков. Срок возврата определялся с 1 мая. Бесплатному возврату подлежало 900 тысяч вещей на сумму 8 млн. франков. Статья третья декрета поручала делегату по финансам «договориться с администрацией ломбарда как относительно установления назначаемого возмещения, так и относительно приведения в исполнение настоящего декрета». Осуществить этот декрет целиком у Коммуны не хватило времени.

К этой же категории мероприятий, принятых по преимуществу в интересах средних классов, принадлежало и решение Парижской Коммуны от 12 апреля о прекращении судебных преследований за неуплату в срок задолженности по коммерческим векселям до дня опубликования в «Официальной газете» декрета о сроке платежей. Еще 31 марта Парижская Коммуна приняла постановление, в котором, «учитывая настоятельную необходимость разрешить вопрос о сроках платежей», приглашала «рабочие общества и синдикальные палаты торговли и промышленности представить в письменном виде до 10 апреля в Комиссию труда и обмена свои соображения и все сведения, которые они сочтут полезными».

С 13 апреля Коммуна приступила к обсуждению проектов декрета о сроках платежей по просроченным векселям. Этот вопрос затрагивал широкий круг мелких торговцев и ремесленников. Так как имелось несколько проектов декрета (внесенных Тридоном, Белэ, Журдом и Варлином), решено было создать комиссию для изучения этих проектов и представления доклада на следующем заседании. В комиссию, состоявшую из 5 человек, было выбрано четыре прудониста (Тейс, Верморель, В. Клеман

и Лефрансе). Комиссия отвергла проект баланкиста Тридона, который предлагал запретить преследования должника за неуплату по обязательствам в течение 3 лет с момента опубликования декрета. Она считала, что этот проект носит слишком «радикальный характер», «целиком благоприятствует должнику», нарушая этим экономическую жизнь.

Проект Белэ предусматривал, в целях ликвидации задолженности, организацию «Коммерческой ликвидационной конторы», которая «будет поставлена под покровительство Парижской Коммуны» и может получить «кредит из бюджета Коммуны в размере приблизительно 50% общей задолженности по векселям, не оплаченным вследствие военных действий к 15 июля 1870 г.». Основная цель проекта Белэ заключалась в том, «чтобы просроченный торговый вексель сам способствовал оживлению производства и всех коммерческих операций как находящийся в обращении капитал».

Проект Белэ был также отвергнут комиссией из опасения «нанести ущерб интересам Коммуны, которая превратилась бы в сущности безвозмездно в гаранта известной доли общей стоимости просроченных обязательств». Комиссия в подавляющем большинстве присоединилась к проекту Журда, внося две незначительные поправки о сроке и начислении процентов на ценные бумаги. Следует отметить мнение членов комиссии, считавших, что «права кредитора, держателя просроченных векселей, в сущности столь же священны, как и права его должника». Хотя Белэ в своем выступлении 14 апреля и заявил, что «считает свой проект социалистическим и видит в нем первый шаг к социальной ликвидации», на самом деле ни его проект, ни проект Журда не содержали в себе ничего социалистического. Сам Журд подчеркивал, что «больше всего он заботится о восстановлении обращения и коммерческих сделок» и «цель его проекта заключается главным образом в том, чтобы удовлетворить интересы коммерсантов».

После пятидневного обсуждения этого вопроса на своих заседаниях Парижская Коммуна 17 апреля приняла декрет о сроках платежей. Согласно декрету, все платежи по торговым обязательствам должны были производиться с рассрочкой на 3 года, начиная с 15 июля 1871 г. без начисления процентов на эти долги. Общая сумма задолжен-

ности должна была делиться на 12 равных частей, погашаемых поквартально.

Этот декрет был направлен на облегчение экономического положения мелкой буржуазии, пострадавшей от тягот войны и блокады. Эти слои общества на деле убеждались, кто несет им улучшение условий их существования — Парижская Коммуна или Национальное собрание (вспомним закон о квартирной плате и векселях, принятый Национальным собранием в Бордо).

К. Маркс отмечал в этой связи, что «Коммуна спасла их (т. е. широкие слои парижского среднего класса — мелких торговцев, ремесленников. — А. С.), мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о расчетах между должниками и кредиторами»⁴.

Особую роль в социально-экономическом творчестве Коммуны играла Комиссия труда и обмена. Чрезвычайно показательно, что эта комиссия, как в первом ее составе, избранном 29 марта, так и во втором, избранном 21 апреля, состояла исключительно из рабочих кроме одного ее члена — журналиста Ш. Лонге. Все они были членами Интернационала. Возглавлял комиссию рабочий-ювелир Л. Франкель, безгранично преданный делу пролетариата. Это он говорил на заседании Коммуны 28 апреля: «Мы находимся здесь не только для того, чтобы защищать муниципальные вопросы, но и для того, чтобы проводить социальные реформы... Я получил только один мандат — защищать пролетариат, и если какая-либо мера справедлива, я ее принимаю и провожу, не думая о том, чтобы советоваться с хозяевами». На заседании 12 мая он заявил: «Мы не должны забывать, что революция 18 марта совершена исключительно рабочим классом. Если мы, чей принцип — социальное равенство, ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны».

Л. Франкель на другой день после избрания его в Комиссию труда и обмена писал Марксу в Лондон: «Я избран вместе со многими членами Международного товарищества в Комиссию труда, и только это обстоятельство дает мне смелость обратиться к Вам с несколькими строками... Если нам удастся осуществить коренное преоб-

разование социальных отношений, то революция 18 марта останется в истории как наиболее плодотворный из всех бывших до сих пор переворотов... Поэтому мы должны любой ценой добиться этой цели.

В связи с этим Ваше мнение о социальных реформах, которые надо провести в жизнь, будет чрезвычайно ценно для членов нашей комиссии. Я прошу Вас, уважаемый гражданин, в интересах нашего великого дела как можно скорее ответить мне. Простите мою настойчивость, но необходимо торопиться, так как прежде всего надо заложить фундамент социальной республики»⁵.

Комиссия труда и обмена в своей работе опиралась на синдикальные палаты и была тесно связана с ними, как и с другими общественными организациями, например «Союзом женщин» и ЦК двадцати округов. Она неоднократно давала поручения синдикальным палатам по вопросам труда и заработной платы. При ней была создана «инициативная группа», куда входили в качестве постоянных представителей делегаты от синдикальных палат, Парижской федерации Интернационала, ЦК двадцати округов.

23 апреля союз механиков и металлистов на своем собрании делегировал в Комиссию двух своих представителей, которым была дана следующая инструкция: «Принимая во внимание, что при Коммуне, вышедшей из революции 18 марта, равенство не должно оставаться пустым звуком, что борьба, которая ведется с таким мужеством и которую мы решили продолжать до полного истребления клерикалов и роялистов, ставит своей целью экономическое освобождение труда; что этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наемных работников в членов производительного товарищества, даем нашим делегатам следующую общую инструкцию: положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путем солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом».

Одним из первых декретов Парижской Коммуны в области труда был декрет об установлении максимальной заработной платы служащим различных государственных

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 348.

⁵ «Первый Интернационал...», стр. 175.

учреждений в размере не выше 6 тыс. франков в год. Хотя Коммуна и не успела заняться общими вопросами регулирования заработной платы рабочих, она проводила, однако, политику повышения заработка низкооплачиваемых категорий труда. Так было, например, с работниками почт и телеграфа (о чем мы говорили выше).

Декрет 27 июля 1870 г. устанавливал минимум зарплаты учителей в 700 франков в год, а для учительниц — 500 франков. Большинство их помощниц зарабатывало в год 350—400 франков. Это было нищенской оплатой. 75% учителей получали ничтожное вознаграждение. Несмотря на тяжелое финансовое положение и гражданскую войну, Парижская Коммуна в мае установила минимум жалованья для помощников учителей в 1500 франков и для старших учителей, которые являлись также директорами школ, — 2000 фр. Женщины-педагоги уравнивались в оплате труда с мужчинами. Это было неслыханным новшеством, и учителя приняли этот декрет с энтузиазмом.

Этой же заботой об улучшении материального положения рабочих проникнуто было и постановление Исполнительной комиссии от 27 апреля, которая, по предложению Комиссии труда и обмена, запретила взимать штрафы и производить вычеты из заработной платы рабочих и служащих. Исполнительная комиссия предписывала выплачивать в полном размере «заранее установленные оклады» или зарплату, а суммы штрафов и вычетов, которые были произведены начиная с 18 марта, следовало выплатить рабочим и служащим в течение 15 дней после опубликования этого декрета. Нарушение этого постановления грозило привлечением к судебной ответственности.

К. Маркс очень высоко расценил этот декрет Коммуны. Он писал, что этим мероприятием в пользу рабочего класса «в государственных и частных мастерских уничтожена *частная юрисдикция*, узурпированная владельцами фабрик, ...которые являлись одновременно судьями, исполнителями приговора, сторонами в спорах и неизменно выигрывали дело, — уничтожено их право иметь *свой собственный уголовный кодекс*, позволявший им грабить у трудящихся заработную плату посредством *штрафов, вычетов, производившихся под видом наказания*»⁶.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 533.

Заботой об улучшении положения людей труда продиктован и декрет Коммуны о подрядах (от 12 мая). Еще 4 мая руководитель Комиссии труда и обмена Л. Франкель предложил Коммуне издать постановление, согласно которому все службы интендантства обязывались привлекать представителей Комиссии труда и обмена при заключении контрактов и сделок на поставку и изготовление обмундирования.

В Париже существовала синдикальная палата портных. Созданная ими производственная ассоциация еще при «правительстве национальной обороны» выполняла крупные военные заказы по изготовлению обмундирования для национальных гвардейцев. Эта ассоциация охватывала свыше 35 тысяч рабочих, из которых 32 тысячи были портными, работавшие на дому. Военное ведомство выступало как крупный заказчик. Оно отдавало свои заказы главным образом частным подрядчикам, которые жестоко эксплуатировали нужду трудовых масс, главным образом женщин.

Комиссия труда и обмена произвела обследование заключенных после 18 марта договоров на поставку обмундирования и выяснила, что условия труда по этим договорам были ухудшены, цены на изготовление курток и брюк снижены. В докладах уполномоченных по отделу военного обмундирования Леви Лазара и Эветта внимание Коммуны обращалось на то, что «рабочие ассоциации не могут... воспользовавшись общественной нуждой, снизить оплату труда». Комиссия предлагала поддержать рабочие ассоциации, поднять сделную оплату за шитье одежды для Национальной гвардии до прежнего размера и все поставки и подряды передать «корпорации рабочих портных». Л. Франкель на заседании Парижской Коммуны 12 мая поддержал выводы Комиссии. Он заявил: «Бесполезно и безправственно обращаться к посреднику, который только тем и занимается, что взимает налог с дневного заработка напимаемых им труженников; это значит продолжать порабощение трудящихся путем централизации труда в руках эксплуататоров; это значит продолжать рабовладельческие традиции буржуазных режимов, которые в своих интересах являются заклятыми врагами всякого освобождения рабочего класса». Он предлагал, «чтобы все подряды, которые могут непосредственно сдаваться корпорациям, доверялись им», а договора, заклю-

ченные ранее, были пересмотрены Комиссией труда и обмена. «Цены должны устанавливаться путем арбитража с участием интенданства, синдикальной палаты корпорации и уполномоченных Комиссии труда и обмена». Выводы и предложения Л. Франкеля о подрядах были горячо поддержаны Малоном, Серраи, Артюром Арну и др.

Бийоре заявил: «Я хотел бы, чтобы Коммуна сдавала работы только рабочим ассоциациям. Это был бы первый серьезный шаг по пути к социализму». Его поддержал В. Клеман: «Что касается ассоциаций, то я хотел бы, чтобы прибыль, которую может получить предприниматель, какой бы малой она ни была, доставалась рабочим. Пора, чтобы трудящиеся не подвергались более эксплуатации». Следует особенно отметить, что Л. Франкель в своем выступлении настаивал на включении в договоры о поставках положения о том, что «рабочий день будет восьмичасовой».

Парижская Коммуна приняла декрет о подрядах, который предоставлял Комиссии труда и обмена право пересмотра ранее заключенных договоров. Предлагалось передавать подряды рабочим союзам. Условия поставок при заключении сделок должны были устанавливаться соглашением интенданства с синдикальной палатой, Комиссией труда и обмена и Комиссией финансов. Декрет предписывал также, что в «условиях всякого рода поставок должны содержаться обязательства в отношении минимальной оплаты поденного и сдельного труда рабочих и рабочих, занятых выполнением названных поставок». Впервые в истории этот декрет обращался к рабочим союзам, привлекал их к разрешению вопросов заработной платы и условий труда. Эти принципы были неслыханным новшеством, они нарушили обычные нормы буржуазного права и были направлены на удовлетворение интересов рабочих. Они расходились также с обычными прудонистскими представлениями о «свободе труда». Жизнь, опыт масс вносили поправки в их убеждения.

Еще 6 мая при обсуждении вопроса о ломбарде и бесплатной выдаче заложенных вещей делегат по финансам Журд выразил согласие субсидировать Комиссию труда и обмена в размере 100 тыс. франков в неделю для организации производственных мастерских, в которых могли бы получить работу безработные, в особенности женщины. Комиссией труда и обмена совместно с рабочими ассоциациями такие мастерские были организованы: одна жещ-

ская швейная организация на 1500 чел. разместилась в здании бывшего Законодательного корпуса, другая была открыта в церкви св. Петра на Монмартре.

Конечно, все эти мероприятия закладывали только первые камни в новых социальных отношениях. И здесь коммунарам не хватило времени, чтобы претворить в жизнь свои великие принципы.

Другим принципиально важным декретом Коммуны был декрет от 16 апреля о передаче бездействующих мастерских, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих ассоциаций. Декрет этот интересен тем, что он исходил из признания классовых интересов трудящихся и поручал рабочим организациям (синдикальным палатам) по сути дела государственные функции.

В декрете указывалось, что многие мастерские и фабрики закрылись ввиду бегства их владельцев из Парижа, а рабочие из-за этого остались безработными. Так как «вследствие этого подлого дезертирства остановилась работа многих существующих для жизни города предприятий и причинен ущерб положению трудящихся», Парижская Коммуна поручила комиссии, созданной из представителей рабочих синдикальных палат: 1) взять на учет все такие мастерские и фабрики с точным описанием их состояния и инвентаризацией брошенного имущества и инструментов; 2) «представить доклад с изложением практических мер по скорейшему пуску этих мастерских, но уже не силами дезертиров, которые их бросили, а кооперативными ассоциациями рабочих, которые были заняты в них (курсив наш. — А. С.); 3) разработать проект устава этих кооперативных обществ». Этой комиссии поручалось представить доклад Комиссии труда и обмена по всем затронутым вопросам. Комиссии труда и обмена давалось поручение в кратчайший срок представить Коммуне проект декрета, «отвечающий интересам Коммуны и трудящихся». Этот декрет предопределял передачу брошенных мастерских, но не безвозмездно, а по выкупу. Для этого предлагалось учредить третейский суд, который «должен будет определить условия окончательной передачи мастерских рабочим обществам и размер возмещения, который эти общества обязаны будут уплатить хозяевам». Принцип передачи брошенных мастерских и фабрик в руки рабочих производственных ассоциаций соответствовал тем представлениям о путях перехода к социализму, кото-

рые господствовали среди тогдашних передовых французских социалистов.

К. Маркс писал об этом декрете, что Коммуна действовала очень мудро⁷, а В. И. Ленин назвал его «знаменитым декретом»⁸. Знаменит он был тем, что открывал путь новым социальным отношениям, впервые в истории свободным от эксплуатации человека человеком.

В рабочих кварталах и рабочих организациях этот декрет вызвал большой интерес. Синдикальная палата портняжного производства в своем обращении, опубликованном 29 апреля, призывала «анкетную комиссию» немедленно приступить к работе. «Никогда еще ни одно правительство не предоставляло рабочему классу более благоприятного случая,— читаем мы в этом обращении.— Воздержаться от его использования значило бы изменить делу освобождения труда».

На этот декрет откликнулись и другие профессиональные и производственные союзы. Так, например, 4 мая рабочие гвоздильщики, пуговичники и другие на своем собрании решили выделить комиссию для обслуживания брошенных мастерских с целью их пуска. Об этом сообщала 8 мая газета «Свободный Париж». На 7 мая созывалось собрание рабочих ювелирного производства и смежных специальностей, на котором должен был также обсуждаться вопрос об организации их труда.

Синдикальные палаты, как и производственные ассоциации, выделяли своих делегатов в «Комиссию по обследованию и организации труда», которая была создана в помощь Комиссии труда и обмена для реализации декрета от 16 апреля. Комиссия объявила, что она с 26 апреля начинает свою работу. 15 мая эта Комиссия созвала собрание делегатов всех синдикальных палат для принятия программы ее работ и выбора постоянной исполнительной комиссии. Развернувшиеся вскоре кровавые события «майской недели» не позволили осуществить этот декрет Коммуны. Для нас он ценен как показатель социалистических тенденций и устремлений парижских коммунаров.

Необходимо отметить, что на заседаниях Коммуны ставился также вопрос в более широком плане — о

реквизиции не только пустующих из-за бегства их владельцев мастерских и фабрик. Так, 4 мая Везинье внес предложение об экспроприации с выкупом всех крупных мастерских. Его проект гласил: «Парижская Коммуна постановляет: 1) реквизировать после инвентаризации и последующего возмещения, установленного экспертами, все крупные мастерские, монополию на их орудия производства, сырье, конторы и помещения; 2) временно передать эти мастерские рабочим ассоциациям, которые заявят на них требования; 3) сдать поставки Коммуны этим рабочим ассоциациям; 4) открыть этим ассоциациям необходимый кредит; 5) исполнение настоящего постановления возлагается на Комиссию труда и обмена».

Это предложение, как и предложение Потье о «немедленной организации мастерских по пошивке белья для национальных гвардейцев», было отложено. В протоколе заседания было записано, что «они будут рассмотрены в дальнейшем». Но майские события не дали возможности Парижской Коммуне вернуться к обсуждению вопроса, поднятого Везинье.

К этой же системе мер примыкает и другой декрет Коммуны (от 15 апреля) о наложении секвестра «на все движимое и недвижимое имущество и на ценные бумаги всех видов, принадлежащие как членам Версальского собрания, так и приспешникам империи, правительства 4 сентября и правительства, представляемого г. Тьером» и о мерах наказания эмигрантов и дезертиров. При широком толковании этого декрета под его действие подпадала по сути дела вся верхушка господствующих эксплуататорских классов. Он закладывал начало экспроприации экспроприаторов, т. е. подрывал экономические основы старого эксплуататорского общества. Но этот декрет, видимо, диктовался в основном политическими мотивами, как это следует из его вводной части. Декрет официально не был опубликован, как и протокол секретного заседания, посвященного его обсуждению. Он был осуществлен только в той части, которая касалась брошенных промышленных предприятий.

Большое принципиальное значение имело постановление Исполнительного комитета от 20 апреля об отмене ночного труда в пекарнях. В Париже насчитывалось 8—10 тысяч пекарей. Это постановление было принято по их настойчивому требованию и направлено к улучшению усло-

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 533.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 220.

вий труда пекарей, чтобы поставить и этот большой отряд пролетариев в нормальные, обычные для всех условия. Постановление вызвало яростную атаку владельцев пекарен, которые не желали ломать установившийся порядок. 28 апреля Коммуна вновь вынуждена была заняться этим вопросом. Среди членов Коммуны нашлись такие, как Бийоре, Вияр и др., которые считали, что Коммуна не должна вмешиваться в отношения между трудом и капиталом. Л. Франкель выступил решительным защитником рабочих-пекарей и поддержал постановление. Он сказал: «Класс рабочих-пекарей — самая обездоленная часть пролетариев. Нет, вам не найти корпорации более несчастной, чем корпорация пекарей... Этот декрет единственный истинно социалистический декрет из всех изданных Коммуной. Все другие декреты, может быть, более совершенны, чем этот, но ни один из них не имеет такого законченного социального характера».

Малон поддержал Франкеля. Он заявил: «Нам говорят, что мы не можем заниматься этим социальным вопросом. Я должен сказать, что до сих пор государство достаточно выступало против рабочих, пусть хоть теперь государство выступит в пользу рабочих».

Исполнительная комиссия, выслушав в тот же день мнение пекарей — рабочих и хозяев по этому вопросу, издала новое постановление о запрещении ночного труда с 3 мая. Постановление определяло начало работ не ранее 5 часов утра. Это постановление вносило ясность в вопрос о регламентации труда булочников. 3 мая по инициативе Л. Франкеля Парижская Коммуна приняла дополнительный декрет о ночном труде в пекарнях. Он подтверждал постановление Исполнительной комиссии от 20 апреля, вводил наказания в случае нарушения его хозяевами в виде конфискации всего выпеченного ночью хлеба, «который будет передан в распоряжение муниципалитетов для раздачи нуждающимся». Исполнение декрета Коммуна возложила на окружные муниципалитеты.

В ответ на это постановление Э. Анри от имени корпорации рабочих-пекарей обратился с воззванием, в котором предложил всем рабочим-пекарям 15 мая в 4 часа дня собраться в Национальном цирке для «проявления массами своего удовлетворения» по поводу принятого декрета, который он расценивал как «торжество справедливости и права». Обращение заканчивалось предложением после

собрания «отправиться в ратушу, чтобы выразить нашу благодарность Коммуне и заверить ее в нашей преданности». Такое собрание состоялось, и присутствовавшие на нем (примерно 1500—2000 чел.) с красными флагами двинулись к ратуше, чтобы высказать Коммуне свое восхищение.

В самом начале своей работы Комиссия труда и обмена приняла постановление о регистрации безработных и учете спроса на труд. Для этой цели каждой мэрии предлагалось завести регистрационные книги, в которых «каждый трудящийся может записать, с одной стороны, свою профессию, а с другой — свои условия». В регистрационных книгах должны также записываться требования «компаний, предпринимателей, заводчиков, фабрикантов, негодичантов»; они должны «указать в разъяснение к своим подрядным условиям, характер и социальные преимущества, которые они могут предложить трудящимся».

Комиссия труда и обмена предложила мэриям немедленно заняться этим вопросом, предоставив необходимый персонал и помещение, а рабочие и предпринимательские палаты «приглашались собраться и выбрать в каждом округе подкомиссию, которая свяжется с Комиссией, назначенной Коммуной, в целях принятия необходимых решений».

Это решение не упраздняло многочисленных частных контор по найму, которые эксплуатировали пужду безработных. Только постановлением Исполнительной комиссии от 20 апреля упразднялись «конторы по приисканию мест, созданные бывшей императорской полицией». Регистрация безработных возлагалась на мэрии. Учреждалась также Центральная регистрация.

В практике Коммуны известны и случаи привлечения рабочих и служащих к контролю и управлению промышленными предприятиями и государственными учреждениями. Мы уже упоминали, что уполномоченный Коммуны Тейс, чтобы наладить работу почтового ведомства героическими усилиями оставшихся на работе служащих, организовал при себе «Почтовый совет» в составе представителей администрации, всех начальников служб, двух инспекторов и двух старших почтальонов. Уполномоченный Национальной типографии Луи Дебок предоставил право выбора в Совет делегатам от среднего технического персонала,

3 мая Парижской Коммуне был представлен для одобрения устав Луврских мастерских по ремонту и переделке оружия. Устав подписали около 60 рабочих; он был согласован с начальником управления материальной частью артиллерии членом Коммуны Авриалем. Мастерские эти являлись государственным предприятием оборонного значения. Во главе их стоял делегат Коммуны. Согласно уставу, «руководящий делегат будет избираться собранием рабочих и может быть смещен каждый раз, как станет очевидным, что он не справился со своими обязанностями». На собраниях рабочих избирались также начальник мастерской и мастера, которые являлись ответственными за свои действия и были сменяемы.

При директоре образуется Совет в составе «руководящего делегата, начальника мастерской, мастеров и одного рабочего от каждого участка работы». Наем рабочих, как и увольнение, согласно уставу должны производиться лишь после решения Совета по докладу начальника мастерской.

Устав определял и жалованье как руководящему делегату, так и начальнику мастерской, почасовую оплату мастера и рабочих. Исходя из патриотических мотивов («принимая во внимание военное положение»), устав устанавливал максимальную почасовую оплату рабочего не выше 60 сантимов. Рабочий день был определен в 10 часов. Устав допускал «как исключение, в случае заказа на починку, который в интересах обороны Коммуны должен быть сдан немедленно», сверхурочные работы в течение одного или двух часов только по решению Совета. При этом, опять-таки из патриотических побуждений, оплата должна была производиться «без всякой надбавки к цене, установленной для каждого рабочего».

12 мая на общем собрании работников Национального оперного театра вновь назначенный директор Э. Гарнье предложил создать делегатский Совет при директоре оперы с представительством от всех служб театра. Этот Совет должен был помогать директору в работе по управлению театром.

Все эти отдельные попытки привлечь рабочих к контролю и управлению государственными предприятиями и учреждениями не являлись результатом продуманных и планомерных мероприятий, а скорее были вызваны инициативой самих масс, желанием найти новые формы ор-

ганизации экономических отношений. Тем большую ценность они имеют для нас как первые шаги рабочей активности, заинтересованности в общегосударственном деле и самостоятельности рабочих масс.

Парижская Коммуна неоднократно занималась вопросами социального обеспечения. 2 апреля единогласно принято было предложение об «усыновлении членов семейств граждан, которые пали или падают, отражая преступные нападения роялистских заговорщиков на Париж и на Французскую республику». 8 апреля Коммуна принимает декрет о пенсиях раненым на фронте коммунарам, если ранение влечет за собой полную или частичную потерю трудоспособности. Пожизненная годовая пенсия устанавливалась в пределах от 300 до 1200 франков.

В тот же день Коммуна обсудила вопрос о пенсиях семьям граждан, погибших при защите Парижа. П. Груссе предложил при определении пенсии «не делать различия между законными женами и так называемыми незаконными женами». 10 апреля Коммуна приняла декрет о пенсиях семьям национальных гвардейцев, убитых на войне. Декрет устанавливал ежегодную пенсию (до 18-летнего возраста) каждому ребенку, отец которого «погиб при защите прав народа» в размере 365 франков. В случае, если такие дети окажутся круглыми сиротами, «они будут воспитываться на средства Коммуны, которая даст им всестороннее образование, необходимое для того, чтобы они могли жить в обществе своим трудом». Вдове национального гвардейца устанавливалась годовая пенсия в размере 600 франков. Декрет не делал различия между «законными» и «незаконными» женами, брачными и внебрачными детьми. Требовалось только доказать, что они действительно находились на иждивении павшего в борьбе с версальцами национального гвардейца. В этом вопросе коммунары являлись носителями новой морали, направленной против лицемерия буржуазного общества. Этот же декрет устанавливал право на получение пенсии родственниками по восходящей линии — отцом, матерью, братьями и сестрами в пределах от 100 до 800 франков на человека, если они «докажут, что покойный был для них необходимой опорой». Во исполнение этого декрета был открыт дом на 300 мест для воспитания сирот — детей погибших национальных гвардейцев, усыновленных Коммуной.

9 апреля Коммуна единогласно приняла предложение Мортье о выдаче единовременной материальной помощи вдовам национальных гвардейцев, погибших при защите Парижа. Следует упомянуть также декрет Коммуны от 12 мая о разводе, согласно которому женщине, требующей развода, в случаях, когда она представляла веские к тому основания, председатель суда мог назначить вспомоществование («пособие для прожития»), «которым она будет пользоваться до тех пор, пока суд не вынесет другого решения», как гласило постановление. Нельзя не отметить огромное социальное значение этого декрета, защищавшего права женщины, которая до того была на положении рабыни, фактически лишенной возможности развестись согласно существовавшему до того гражданскому праву и господствующим канонам церкви.

Всю работу по оказанию помощи населению осуществляли комитеты при мэриях либо советы легионов. Они ведали вопросами социального обеспечения престарелых, инвалидов, сирот, вдов погибших национальных гвардейцев, выдавали материальные и денежные пособия.

Все вопросы, связанные с учреждениями социальной помощи, находились в ведении Комиссии общественных служб, которую с 29 марта возглавлял член Коммуны врач Рагуль. Позже для этой цели было создано Управление общественного призрения, во главе которого был поставлен старый революционер Морис Трейяр. Вот как Э. Лиссагаре описывает его работу: «Трейяр ввел новый порядок... Больные и немощные нашли друзей в лице своих новых администраторов и благословляли Коммуну, которая обращалась с ними, как мать. Этот сердечный и умный человек, которого версальцы убили 24 мая во дворе Политехнической школы, оставил очень известный доклад об уничтожении благотворительных бюро, которые подчиняют бедняка правительству и духовенству. Он предложил заменить их одним бюро социальной помощи под управлением коммунального комитета».

Парижская Коммуна провозгласила принцип бесплатной медицинской помощи. В 20 округах Парижа работали амбулатории бесплатной медицинской помощи, а при мэриях были открыты бесплатные медицинские консультации.

«Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными» помогал Трейяру и его комиссии в проверке

медицинских и социальных учреждений, в борьбе с саботажниками и вредителями среди их работников и замене их преданными Коммуне людьми.

13 апреля в «Официальной газете» был опубликован циркуляр Трейяра, обращенный к директорам лечебных учреждений, указывавший на недопустимое отношение к раненым национальным гвардейцам. Обращая внимание на безобразные факты, Трейяр писал: «Я предлагаю, чтобы всякий служащий, который будет вести в помещении разговоры, противные существующему в Париже порядку, был немедленно заменен другим».

У Парижской Коммуны не хватило времени, чтобы радикально перестроить все дело социальной помощи трудящимся. Но принципы, положенные ею в основу этой работы, с самого начала отличались высоким гуманизмом и заботой о человеке труда.

Много внимания и энергии уделяла Парижская Коммуна продовольственному вопросу. Мы уже говорили о том, как затруднена была жизнь широких трудовых масс парижан во время осады из-за полного расстройтва продовольственного дела и бешеной спекуляции торговцев. Парижской Коммуне в этом отношении досталось тяжелое наследство. С первых же дней продовольственная политика Коммуны была направлена к тому, чтобы срочно улучшить продовольственное снабжение столицы и прийти на помощь нуждающемуся населению. Все дело снабжения Парижа находилось в руках Продовольственной комиссии, возглавлявшейся сначала Паризиелем, а с 20 апреля — бланкистом Виаром. Используя частную инициативу и предоставив торговцам различные льготы по доставке и хранению продуктов, Комиссии удалось не только смягчить остроту продовольственного положения в столице, но значительно улучшить снабжение и даже добиться снижения цен на некоторые продукты. 13 апреля Паризиель издал распоряжение, опубликованное на следующий день в «Официальной газете», в котором было заявлено, что Коммуна, «используя свободную инициативу коммерсантов», бесплатно предоставит торговцам зерном и мукой «обширные склады, какие только потребуются». «Эти товары навсегда останутся собственностью торговцев, которые будут торговать ими, как обычно».

Торговцев заверяли, что «Коммуна обязуется не реквизи-ровагь эти товары, но сохранит за собой преимущественное право на их покупку по максимальной цене». Под максимальной ценой имелась в виду цена, которая могла быть установлена Коммуной, исходя из цен, сложившихся к тому времени на рынке.

Чтобы облегчить продовольственное снабжение столицы, 16 апреля было опубликовано постановление о свободном въезде и выезде из Парижа через ворота Клиши, Ла Шапель, Пантен, Роменвиль, Венсен, Шараптон, Итальянские и Орлеанские для всех граждан, кроме граждан в возрасте от 19 до 40 лет, которые должны были предъявлять пропуски на вокзалах и у перечисленных ворот. Все эти меры способствовали тому, что приток продовольствия в Париж увеличился. 18 апреля парижское население было оповещено, что Продовольственной комиссией заключено много сделок на доставку продовольствия с севера и востока, откуда оно в основном и поступало во время существования Коммуны. 21 апреля в «Официальной газете» делегат по продовольствию сообщал, что в столицу прибыла партия скота в 600 голов и что город в достаточной мере обеспечен мясом. К этому времени продовольственное положение Парижа настолько улучшилось, что на заседании Парижской Коммуны 25 апреля уполномоченный по продовольствию Виар заявил, что он может немедленно предоставить в распоряжение окружающих муниципалитетов продукты питания. «Он предлагает открыть пункты продажи этих продуктов с той целью, чтобы эти пункты удерживали продажные цены у торговцев на приемлемом уровне».

Член Коммуны Алликс сообщил: «Гражданин Виар поручил мне передать вам, что запасы продуктов питания, которым он располагает, значительны и что продажа их даже по пониженным ценам целесообразнее, чем теперешняя политика выжидания». Скоро в ряде округов были открыты муниципальные лавки, а в IV, V и IX округах организованы общественные столовые, что вело к снижению цен на продукты питания.

Но версальское правительство принимало всяческие меры, чтобы затруднить доставку продовольствия в Париж, а если возможно, и совсем лишить его продуктов питания. Ставка Тьера на дезорганизацию продовольственного дела и голод в Париже входила в его планы борьбы.

16 апреля Окунев сообщал из Версаля Горчакову: «Версальское правительство припало со своей стороны меры к тому, чтобы пресечь сообщение Коммуны с провинцией. Оставшийся еще открытым путь через Орлеан только что прегражден кавалерийским корпусом, так что снабжение Парижа продовольствием становится день ото дня все затруднительней». Но без соглашения и активной помощи Бисмарка и немецкого военного командования Тьер не мог осуществить план удушения Парижа голодом, так как основная артерия снабжения проходила с севера и востока, где стояли оккупационные немецкие войска.

1 мая Окунев вновь писал Горчакову: «Из доверительных сообщений, любезно сделанных мне главой исполнительной власти, следует, что из обсуждавшихся способов воспреобладал способ регулярной осады. Вместе с тем решено город лишить продовольствия. С некоторых пор немецкие военные власти начали способствовать ведению подобной осады, захватывая для собственных нужд все предназначавшееся для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы».

Но несмотря на эти меры, принятые Версалем и немцами, продовольственное положение в столице не ухудшалось. 8 мая, когда уже началась открытая гражданская война, Виар на заседании Коммуны сообщил, что продуктов вполне достаточно «по крайней мере на две недели». Он предлагал муниципалитетам свежее мясо, солонину, овощи и сообщал, что «не решается делать новые закупки, так как не получает никакого ответа на свой призыв». На том же заседании Виар заявил: «Крайне необходимо снизить цены на продовольствие. Мне известно, что многие мясоторговцы закрывают свои лавки в политических целях. Думаю, что сейчас как раз подходящий момент, чтобы отобрать у них лавки и посадить туда лиц, которым вы окажете таким образом большую услугу. Но прошу вас, положите конец этому скандальному положению. Мясо продается очень дорого: по 1 франку 50 сантимов и 1 франку 80 сантимов за фунт. А между тем подвоз сейчас происходит непрерывно; недостаточен именно сбыт».

В этой обстановке Парижская Коммуна, чтобы сплизить в интересах широких масс цены на продукты питания и удерживать их на определенном уровне, встала на путь таксации цен. 8 мая был принят декрет о твердой цене на

хлеб — 50 сантимов за килограмм. С 11 мая была установлена такса на мясо, сливочное масло, сахар и другие продукты питания.

Положение с продовольствием не внушало коммунарам опасений. С этим делом они справлялись неплохо. Э. Реклю записал в своем дневнике в середине мая: «На ларях в центральном рынке можно найти съестные припасы всякого рода: овощи и зелень продаются по доступным ценам... Чтобы помешать вздорожанию мяса и съестных припасов, Коммуна открывает там и здесь муниципальные лавки, в которых продаются предметы первой необходимости с небольшой надбавкой, считая только себестоимость покупок и накладные расходы».

Парижской Коммуне приходилось заниматься и жилищным вопросом, в особенности тогда, когда версальское правительство начало новую атаку на прилегающие к Парижу местности. Огнем вражеской бомбардировки разрушались жилища, и нужно было срочно эвакуировать и размещать беженцев в безопасные и благоустроенные помещения. Еще 8 апреля бланкист Дерёр предложил Коммуне «оставить в силе до конца войны проведенную мэрами во время осады реквизицию меблированных комнат для безработных национальных гвардейцев». Хотя Коммуна не поддержала этого предложения, но оно фактически проводилось в ряде округов, как, например, в X, XI, XIX. 19 мая мэрия XVIII округа (Монмартр), во главе которой стояли Дерёр и Ж. Б. Клеман, издала постановление, гласившее, что «покинутые малые и большие квартиры, а также меблированные комнаты, принадлежавшие бежавшим, реквизируются и предоставляются в распоряжение граждан, имущество которых пострадало от версальских снарядов». «Домовладельцы и привратники, — говорилось далее в постановлении, — которые не придут сегодня же в мэрию заявить о пустующих и незанятых помещениях, имеющих в их доме, будут преследоваться судом».

Видимо, мэрия оперативно разрешала вопрос о реквизиции квартир и переселении пострадавших. В тот же день газета «Le Rappel» («Призыв») сообщала: «Вслед за Батиньолем начинают переезжать и жители Монмартра. Коммуна предоставила в распоряжение тех, кого выгоняют снаряды, большое количество квартир, особенно на улице 4 сентября, где имеется много новых пустующих домов».

25 апреля мэрия XVIII округа обратилась к населению с воззванием, в котором писала: «Мы принуждены, дабы удовлетворить первейшую и настоятельную потребность и не оставлять граждан солдат ночевать на улице, когда они возвращаются из окопов и могут отдохнуть между двумя битвами, реквизировать меблированные комнаты. Поэтому предлагаем хозяевам гостиниц и меблированных комнат впредь до нового распоряжения оставить у себя граждан и гражданок, поселенных у них по реквизиции... Члены Коммуны от XVIII округа обещают оплатить их убытки по справедливости и по возможности».

Когда в середине апреля бомбардировки версальцев участились и окружные мэрии не в силах были удовлетворять настоятельные требования лишенных крова людей, был поставлен вопрос о реквизиции пустующих квартир. А таких в Париже было немало вследствие бегства в Версаль и провинцию богатых людей. Член Коммуны Б. Малон, который был одновременно и делегатом мэрии XVII округа, говорил на заседании Коммуны 24 апреля: «Бомбардировка все расширяется. Каждый день наблюдаются жертвы в Клиши, в Леваллуа. Каждый день в различные мэрии приходят толпы людей, которые просят у нас жилья. Мы не можем удовлетворить все требования... Я сам в качестве помощника мэра должен был во время осады размещать по гостиницам толпу беженцев... Меня обвиняют в нарушении неприкосновенности жилищ и т. п. Такое положение невыносимо. Совершенно необходимо срочно издать декрет». Малон предложил проект декрета о реквизиции жилых помещений, который после небольших дополнений и был утвержден. Согласно статье 1, «все пустующие квартиры реквизируются». Статья 2 гласила: «Помещения будут предоставляться в распоряжение жителей бомбардируемых кварталов в порядке подачи заявок». Декрет предписывал также муниципалитетам «по мере возможности облегчить переселение граждан, которые попросят об этом, путем предоставления транспортных средств».

Наиболее уязвимым местом в политике Парижской Коммуны было ее отношение к Французскому банку, да и вообще вся ее финансовая политика. Здесь, как и в военной области (в чем мы убедимся ниже), она проявила наибольшую слабость, колебания и совершила больше все-

го ошибок. Робость, которую коммунары проявляли в вопросах вторжения в права частной собственности, особенно сильно сказались в отношении к Французскому банку. Французский банк был частным акционерным обществом, крупнейшей и могущественной финансовой организацией капиталистической Франции, с разветвленной системой отделений в провинции. Господствуя на бирже, он был связан теснейшими узами со всем финансовым и торговым миром. Имея огромный золотой запас, банк обладал монопольным правом эмиссии (выпуска ценных бумаг и бумажных денег). Связь этого банка с буржуазным правительством выражалась в том, что директор и два его помощника являлись правительственными чиновниками. К 18 марта, когда власть перешла к ЦК Национальной гвардии, в кассе и кладовых банка находилось различных ценностей на сумму около 3 млрд. франков. По заявлению вице-директора банка маркиза де Плека, сторонника Тьера, для вывоза из Парижа этих ценностей потребовалось бы 60—80 повозок и целый армейский корпус солдат для охраны. Такими силами в то время версальцы не обладали; поэтому они вынуждены были оставить ценности в Париже. Оставили они и своих приспешников на руководящих постах в банке.

Мы помним, как отнесся ЦК Национальной гвардии к Французскому банку. А ведь Французский банк в Париже был не единственным финансовым и кредитным центром, существовали и другие. Парижская Коммуна не решилась забрать эти ценности в свои руки, чтобы использовать эти экономические рычаги для пущей пролетарской революции. «Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем 10 тысяч заложников»⁹, — писал Ф. Энгельс.

Парижская Коммуна не захватила банк силой. Она ограничилась тем, что 30 марта послала туда своим уполномоченным члена Коммуны Белэ, ревностного сторонника Прудона и его литературного душеприказчика. Первым шагом Белэ было предложение срочно снять секвестр, наложенный на кассы пяти крупнейших страховых компаний, которые были тесно связаны в своих финансовых и

спекулятивных операциях с Французским банком 29 марта почещение этих компаний были заняты национальными гвардейцами. Предложение Белэ о снятии секвестра, поддержанное бланкистами Прото и Бийоре, было принято Коммуной единогласно на вечернем заседании 30 марта. Эта мера, видимо, понадобилась Белэ, чтобы установить добрососедские отношения с вице-директором Французского банка, который только 27 марта отправил тайком в Версаль 32 клише для печатания бумажных денег.

От Французского банка тянулись нити в Версаль. Маркиз де Плек все время поддерживал связи с директором банка Руаном, который 23 марта бежал в Версаль, и получал оттуда директивы. Он был также связан с агентами версальского правительства, оставшимися в Париже, со специальным агентом Тьера адмиралом Сессэ, которого снабжал деньгами. Для охраны банка де Плек организовал три роты гвардейцев в составе 430 преданных служащих банка. Об этом в своем рассказе сам де Плек парламентской следственной комиссии. Он сообщил, что эти 430 человек показали за дни Коммуны «самое твердое, самое прекрасное поведение. Они дали мне возможность говорить с Коммуной таким языком, которого я себе не мог бы позволить, если бы хотя немного сомневался в их преданности». Де Плек настолько высоко оценил помощь Белэ по сохранению Французского банка, что в своих показаниях не побоялся заявить: «Я устроил Белэ в кабинете, соседнем с моим, чтобы иметь его, поскольку это возможно, около себя. Начиная с этого дня он помогал нам... в меру своего авторитета, и я могу заявить, что без той помощи, которую он оказал нам, Французский банк не существовал бы». И действительно, соглашательская политика Белэ, питаемая оппортунистической теорией Прудона, была направлена на то, чтобы под любым предлогом сохранить в неприкосновенности Французский банк, цитадель капитализма и реакции.

Когда недовольство этой соглашательской политикой среди отдельных деятелей Коммуны вылилось 12 мая в попытку захватить Французский банк вооруженными силами 208-го батальона Национальной гвардии, отрядов «Мстителей Флуранса» и «Арибалдийцев», Белэ сорвал эту попытку. Он заявил, что хозяином в банке является он, и именем Парижской Коммуны потребовал от командиров отрядов федератов освободить банк.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 197.

Все махинации де Плека совершались за спиной уполномоченного Коммуны Белэ, видевшего свою основную задачу в том, чтобы сохранить в неприкосновенности денежное обращение, кредит и обмен, которые, в его представлении, являлись основой экономики страны. Мало отличался от него в своих воззрениях и в своей финансовой политике и Журд, который руководил финансами Коммуны. И тот и другой больше всего боялись нарушить доверие «деловых кругов», как они выражались. И тот и другой стремились всяческими способами сохранить «кредит Франции» и расположение мелкой и средней буржуазии.

Мы уже ознакомились со взглядами Журда и Белэ по основным экономическим вопросам, описывали дебаты в Парижской Коммуне по вопросу о ломбардах. Но особенно характерно выступление Журда на заседании Коммуны от 2 мая, когда он выступил с отчетным докладом за период с 20 марта по 30 апреля. Какую программу выдвигал Журд как руководитель в области финансов? Он говорил: «Я имел в виду заявить Коммуне: не прикасайтесь к государственному кредиту; это деликатная вещь». Таким ставился предел в перестройке экономических отношений революционным путем. Какую же основную экономическую задачу ставил перед собой Журд? Он отвечал: «Мне в министерстве финансов хотелось покончить с этим скандальным черным рынком и позорными спекуляциями, которые слишком часто имели место и в другие эпохи... Я прежде всего хотел уничтожить все эти биржевые спекулятивные проделки». А это означало проведение старой прудонистской политики «справедливого обмена», который якобы очищался от не свойственного ему нароста спекуляций и ажиотажа.

Журд говорил: «Я мог бы вам заявить через некоторое время: вот наши ресурсы, я могу отменить часть налогов, которые тяготеют над бедняками, и обеспечить вам экономию в 50 млн. франков в год». И он развил такую программу: «Я сказал бы рабочему классу: вот 200 миллионов на то, чтобы сделать моральное существование более счастливым, чтобы обеспечить успех борьбы рабочих против предпринимателей, борьбы рабочего класса, который я представляю. Уменьшив на 50% сборы от октруа ¹⁰,

¹⁰ Октруа — ввозные пошлины в пользу города. Доход от октруа составлял огромную часть приходного бюджета Парижа.

тяготеющие над бедняком, и удвоив бюджет ведомства народного просвещения, я мог бы реализовать 50 млн. франков экономии». «Французский банк,— продолжал он,— предложил мне получать поступления, как это делал муниципалитет города Парижа, и выразил готовность открыть кредит Коммуне. Вот в чем состоит моя работа».

Конечно, эта программа Журда была не программой восставшего рабочего класса, а соглапательской программой, покоившейся на прудонистских принципах «справедливого обмена». Член Коммуны Режер, после того как был заслушан финансовый отчет Журда, заявил: «Это слова образцового кассира, а не министра финансов Коммуны... Я сказал Комиссии финансов и Журду, что они ставят себе недостаточно высокие и недостаточно далекие цели». Эта оценка деятельности делегата по финансам была совершенно справедливой.

Но финансовая политика, которую проводили Журд и Белэ, не была только их личной политикой как правых прудонистов. В Комиссию финансов как первого состава (избранной 29 марта), так и второго состава (сформированной 21 апреля) входили не только правые, но и левые прудонисты (Варлен, В. Клеман, Франкель и др.), а также неоякобинцы и близкие к бланкистам члены Коммуны — Ф. Пиа, Режер ¹¹, Бийоре.

Чрезвычайно показательным является тот факт, что даже в обстановке, когда среди членов Коммуны уже резко обозначились политические группировки «большинства» и «меньшинства» и когда уже был создан бланкистско-якобинский Комитет общественного спасения (КОС), члены большинства Вайян, Бийоре, Мио выступили на заседании 2 мая в поддержку Журда и его финансовой политики. Дело в том, что Журд, представив Коммуне финансовый отчет, просил освободить его от обязанностей делегата по финансам, так как считал, что КОС подорвет «кредит и ресурсы», которые могли быть ему предоставлены «деловыми кругами», и помешает ему дальше проводить свою соглашательскую политику. Бланкист Вайян просил Коммуну не принимать отставки Журда. Он говорил: «Я считаю, что в тех трудных условиях, в которых мы находимся, это настоящий подвиг — справиться с значительными

¹¹ Режер 5 апреля, по настоянию Журда, вышел из состава Комиссии финансов; на его место были введены Франкель и Тейс.

расходами, которые нам пришлось нести, при тех небольших ресурсах, которыми мы располагали. Он показал настоящее дарование, и я прошу его взять обратно свою просьбу об отставке». А Бийоре утверждал: «19 марта был страшным днем для кредита, однако банк дал нам миллион. Кредит будет, и если Журд обладает некоторым влиянием, то ясно, что он своей отставкой осложнит положение».

После обмена мнениями Коммуна не согласилась принять отставку Журда. Но несмотря на вотум доверия, он не хотел продолжать свою работу. Заслуживают быть отмеченными мотивы Журда. Он заявил: «Я не могу ничего предпринимать, я не могу ничего делать, так как неоспоримо, что после вашего вчерашнего декрета (об организации КОСа.— А. С.) делегат по финансам является лишь приказчиком Комитета общественного спасения. Поэтому я не могу принять на себя функций, которые вы мне доверили. Французский банк не обязан сделать снова то, что он сделал 19 марта. Коммуне чрезвычайно важно шадить это учреждение и даже оказывать ему помощь».

Вопрос о переизбрании Журда делегатом по финансам был поставлен на поименное голосование, и его кандидатура получила 38 голосов из 44 голосовавших. Это означало согласие подавляющего большинства Коммуны с финансовой политикой своего делегата.

В результате этой соглашательской политики Коммуне за весь период своего существования с большим трудом удалось добиться получения от Французского банка немногим более 16,5 млн. франков, из которых 9,4 млн. франков — с текущего счета парижского муниципалитета. За это же время Французский банк, по распоряжениям директора банка Рулана, выдал Версальскому правительству 257,63 млн. франков.

Не решаясь посягнуть на ценности Французского банка и других парижских банков и крайне нуждаясь в средствах, отдельные коммунары предпринимали попытки выяснить возможность реализации на заграничном рынке ценных бумаг, находившихся в руках Коммуны. Сохранился черновик ответного письма Маркса Франкелю от 26 апреля, в котором он писал: «Я получил письмо от гражданина, и он был у меня в связи с присылкой того, что Вам известно. В Париже допустили ошибку, что не передал [сюда] всех бумаг, необходимых для облегчения операций. Теперь у вас должны быть 3% бумаги, которые котируются

свободно и которые можно продавать по курсу дня. Гражданин даст вам все необходимые объяснения. Можно вполне спокойно доверить ему ценные бумаги»¹². Л. Франкель, как уже говорилось, 5 апреля также был избран в Комиссию финансов. Находясь в переписке с К. Марксом, он, видимо, и обратился к нему с запросом. 12 июня Маркс в письме к Бизли сообщал: «Я послал членам Коммуны — через этого же посредника — письмо в ответ на их запрос, каким образом они могли бы продать на Лондонской бирже некоторые ценные бумаги»¹³.

Маркс писал, что «финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли быть только мерами, совместимыми с положением осажденного города»¹⁴. Но он не находил в них ничего социалистического и считал, что они были навязаны обстановкой гражданской войны и иностранного вторжения. Политику Коммуны в отношении Французского банка К. Маркс, так же как и Ф. Энгельс, считал ошибочной.

В. И. Ленин также не раз осуждал политику Коммуны по отношению к Французскому банку. Подготавливая партию к героическому подвигу Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин писал в сентябре 1917 г.: «Большевики все же кое-чему научились после 1871 г., они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить»¹⁵. И действительно, когда на развалинах старой буржуазно-помещичьей России была установлена Советская власть, то уже в первый день восстания, 25 октября (7 ноября) 1917 г., был захвачен Государственный банк, а в декабре того же года все частные банки перешли в собственность пролетарского государства.

Наряду с вопросами социально-экономическими Парижская Коммуна уделяла внимание и многим другим.

У Парижской Коммуны не хватило времени осуществить полную перестройку народного образования на принципиально новых основах в интересах широких трудя-

¹² «Первый Интернационал...», стр. 136.

¹³ Там же, стр. 141.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 351.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 137.

щихся масс. Но она провозгласила и провела в жизнь основные положения о просвещении народа, принятые на Лозанском и Брюссельском конгрессах Интернационала.

Всю работу по народному образованию вела Комиссия просвещения, которой с 20 апреля руководил Эдуард Вайян. Коммуна была сторонницей светского, построенного на основе научного атеизма, всеобщего и бесплатного образования. Если мы вспомним, какую роль играло во Франции католическое духовенство в жизни страны и, в частности, в деле народного образования, то поймем, как важна и актуальна была борьба за светскую школу. Декрет Коммуны от 2 апреля об отделении церкви от государства, упразднении бюджета культов и национализации имущества церковных конгрегаций подрывал основы экономического влияния церковников. Но он еще не вырывал из их рук народного образования и воспитания. Здесь предстояла упорная борьба.

На заседании Коммуны 9 апреля Бийоре поднял вопрос о том, чтобы «закрыть все школы, руководимые конгрегацией и заменить их чисто светскими школами». Но, ссылаясь на декрет об отделении церкви от государства, большинство Коммуны не сочло еще нужным издавать специальное постановление, которое предлагал Бийоре.

11 апреля в «Официальной газете» было опубликовано следующее сообщение: «В скором времени религиозное обучение исчезнет из школ Парижа. Однако воспоминание о нем в виде распятий, мадонн и других религиозных символов еще остается во многих школах. Учителя и учительницы должны принять меры к удалению этих предметов, присутствие которых оскорбляет свободу совести. Предметы этого рода, сделанные из ценных металлов, должны быть переданы по описи в Монетный двор».

14 мая делегат по просвещению Вайян издал распоряжение, одобренное членом Комитета общественного спасения Гамбоном. В этом распоряжении предлагалось тем округам, где «члены конгрегации отказываются подчиняться распоряжениям Коммуны и препятствуют введению светского обучения, немедленно пресекать... подобное сопротивление, а сопротивляющихся подвергать аресту».

Видимо, это распоряжение выполнялось не везде и 17 мая на заседании Коммуны Вайян вновь вынужден был вернуться к этому вопросу. Обосновывая свое предложение о светском образовании, он заявил: «Обучение не

проводится так, как оно должно было бы проводиться. Сегодня я скажу вам о иезуитах. Они вмешиваются во все и в любой форме. Наиболее ревностные муниципалитеты покончили с ними в два дня; из других муниципалитетов их не сумели изгнать. Совершенно необходимо, чтобы через два месяца после революции 18 марта не оставалось и следа этих людей».

Парижская Коммуна, заслушав предложение Вайяна, постановила: «Ввиду многочисленных предупреждений муниципалитетам округов о необходимости повсеместной замены религиозного обучения светским, в течение 48 часов будет составлен список учебных заведений, находящихся еще в руках конгрегаций. Ежедневно в «Официальной газете» будут печататься имена членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты тех округов, в которых не будут выполняться предписания Коммуны относительно введения исключительно светского обучения».

В обращении муниципальной делегации IV округа к родителям за подписью членов Коммуны Амуру, А. Арну, Лефрансе и др. (опубликованном в «Официальной газете» 12 мая) сообщалось: «Мы уже устранили из народных школ нашего округа всех членов различных конгрегаций, которые до сих пор держали в своих руках дело обучения в нарушение принципов свободы совести и культов, установленных французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно светские учителя и учительницы, и мы будем тщательно следить путем частых обследований за тем, чтобы всякое религиозное обучение, без всяких исключений, было совершенно изгнано».

Заслуживает быть отмеченным, что в этом обращении к родителям были сформулированы и моральные основы воспитания и образования: «научить ребенка любить и уважать себе подобных, — говорилось там, — возбудить в нем любовь к справедливости, внушить ему также, что он должен учиться во имя общих интересов».

Принцип светского атеистического воспитания и образования проводили не только в IV округе.

10 мая газета «Голос народа» сообщала, что «бывшая школа сестер по шоссе Менильмонтан, 119 (XX округ) превращена в школу чисто светского характера, где отныне детей будут не только обучать, но еще кормить и одевать». 19 мая та же газета опубликовала обращение мэрии XVIII округа к руководителям школ, в котором читаем:

«В наших школах не должно быть ни религиозных изображений, ни религиозных книг, ни распятий, ни статуй святых. Вам надлежит закрасить белой или черной краской латинские религиозные надписи и заменить их человеческими девизами, такими, например, как свобода, равенство, братство, труд, справедливость, республика. Вы должны также изъять немедленно все так называемые священные истории, катехизисы и книги псалмов.. В ближайшем будущем мы предоставим в ваше распоряжение серию хороших книг».

В обращении мэрии III округа к родителям за подписью членов Коммуны А. Арно, Демэ, Дюпона и Пенди от 28 апреля извещалось, что «впредь необходимые учебные пособия будут бесплатно выдаваться учителям... Учителям запрещается под каким бы то ни было предлогом взимать плату за учебные пособия с учеников».

21 мая в «Официальной газете» генеральный секретарь этой мэрии Л. Жако сообщал, что «в учебных пособиях нет недостатка; мы упразднили их продажу, которую вели преподаватели... Пособия предоставляются бесплатно трем тысячам детей, посещающим наши школы». Следует также отметить обращение мэрии II округа за подписью членов Коммуны Потье, Серрайе, Дюрана и Жоаннара (опубликовано в газете «Коммуна» 7 мая), в котором провозглашалось: «Последнее слово человеческого прогресса заключено в простом выражении — „труд всех для всех“. Необходимо, чтобы человечество пришло к неукоснительной реализации этого принципа, являющегося основой всякого истинного равенства: „неработающий да не ест“». Такими высокими моральными принципами руководствовались коммунары в своей работе по воспитанию и образованию.

Всеобщее, бесплатное, очищенное от клерикализма антирелигиозное воспитание и образование Парижская Коммуна стремилась дополнить и профессиональным образованием. Чтобы не терять времени и не ждать, пока будет разработана совершенно новая и законченная система народного образования, делегация по просвещению считала необходимым немедленно приступить к организации общеобразовательных профессиональных школ. 17 мая делегат по просвещению Вайян обратился к окружным муниципалитетам с циркуляром, в котором писал: «Следует немедленно наметить реформы, обеспечивающие это коренное преобразование обучения в ближайшем будущем.

...Коммунальная революция утвердила свой социалистический по существу характер реформой обучения, обеспечивая каждому истинную основу общественного развития — общее образование, на которое имеет право каждый, и облегчая ему обучение и практику в той профессии, к которой влекут его вкусы и способности». Вайян предлагал в кратчайший срок направлять в бывшее министерство просвещения сведения о помещениях и заведениях, «лучше всего приспособленных для быстрого учреждения профессиональных школ, в которых ученики одновременно с обучением какой-либо профессии завершат свое научное и профессиональное образование». 6 мая Вайян дал согласие на открытие первой профессиональной школы для мальчиков в помещении, принадлежавшем ранее иезуитам, на улице Ломон, № 18. 12 мая Вайян объявил об открытии профессиональной школы прикладного искусства для девушек. На 22 мая намечалось открытие еще одной профессиональной школы. Все эти шаги свидетельствовали, что в области просвещения коммунары делали первые шаги по пути политехнизации школы, соединения обучения с производительным трудом. Но развить эти принципы коммунарам не удалось.

Парижская Коммуна проводила широкую программу по приобщению народных масс к достижениям науки, культуры и искусства. Одна из активных деятельниц Парижской Коммуны, бывшая учительница Л. Мишель, вспоминает в своих мемуарах: «Повсюду были открыты курсы, чтобы удовлетворить пылкую жажду знаний у молодежи. Стремилась ко всему: к искусству, науке, литературе, изобретениям. Жизнь кипела. Все спешили бежать от старого мира».

Были широко открыты для публики двери всех музеев — Лувра, Люксембургского музея, Музея естественной истории и др. Старая администрация, враждебная Коммуне, была заменена преданными и образованными людьми из Федерации художников, которую возглавлял илен Коммуны, знаменитый художник-реалист Густав Курье. Исполнительная комиссия 12 апреля поручила Федерации художников «в кратчайший срок привести музеи Парижа в нормальное состояние, открыть галереи для публики», а также «приступить к организации ежегодной выставки на Елисейских полях».

В середине мая началась реорганизация консерватории, директором которой был назначен композитор Д. Ф. Сальвадор-Даниэль, сторонник Коммуны. Тюильрийский дворец был превращен в концертные залы, которые привлекали тысячи людей. Эти концерты пользовались большой популярностью.

Декретом Коммуны от 19 мая все театры ставились под контроль делегации по просвещению. На театры коммунары смотрели как на «средство воспитания народа» (Курне). Вайян, защищая проект декрета о театрах, утверждал, однако: «Мы не желаем иметь государственное искусство. Единственное, что надо сделать в настоящий момент, это обеспечить общественную безопасность и общественную нравственность». Согласно представлениям французских социалистов того времени, наиболее правильной и совершенной формой организации социалистического общества считалась ассоциация. Вот почему коммунары возражали против перехода театров в руки пролетарского государства, а считали необходимым передачу их в ведение театральных коллективов, чтобы этим положить конец всем видам эксплуатации в театральном деле. Декрет от 19 мая поручал делегации по просвещению «положить конец режиму эксплуатации в театрах со стороны директора или компании предпринимателей и в кратчайший срок заменить его режимом ассоциаций».

К реализации декрета была привлечена Федерация артистов — массовая добровольная организация деятелей театров и зрелищ. Эта Федерация развила большую активность в организации массовых концертов в различных залах столицы.

Нельзя обойти молчанием принцип, которым руководствовались коммунары по отношению к расхитителям государственной собственности: «смерть вора». 6 мая члены Коммуны интернационалисты Э. Потье и Ж. Жоаннар внесли проект декрета, который состоял только из одной статьи: «Все служащие, гражданские и военные, виновные во взяточничестве, предаются немедленно военному суду и к ним тотчас применяется народный декрет». «Народным декретом» авторы проекта называли положение, сформулированное ими во вступительной части декрета: «В период революции действует народный декрет самой высокой морали, а именно: „воров расстреливают!“». Хотя этот проект

декрета не был утвержден, но председатель заседания Коммуны Остен предложил предоставить Авриалу, начальнику управления материальной частью артиллерии, «все необходимые полномочия, чтобы достигнуть цели, которые преследует декрет». Это предложение было принято.

19 мая по предложению бланкиста Курне Коммуна утвердила декрет о смертной казни для должностных лиц и поставщиков, обвиняемых в растрате государственных средств. Каким высоким гражданским пафосом наполнен он! Приводим его полностью.

«Принимаемая во внимание, что в дни революции народ, вдохновляемый инстинктом справедливости и нравственности, всегда провозглашает правило: „Смерть вора!“, Коммуна постановляет: Статья 1. До конца войны все должностные лица и поставщики, обвиняемые в растрате общественных средств, хищениях, кражах, будут предаваться суду военного трибунала; единственное наказание, применяемое к тем, кто будет признан виновным, — смертная казнь».

Очень характерным по своим антимилитаристским тенденциям является декрет Парижской Коммуны от 12 апреля о разрушении Вандомской колонны, которая была воздвигнута в 1806—1810 гг. на Вандомской площади в честь побед императора Наполеона I. Колоссальная колонна, отлитая из бронзы захваченных неприятельских пушек и увенчанная статуей Наполеона Бонапарта, являлась символом угнетения и милитаризма, символом захватнической военной политики империи. Вынося постановление о разрушении Вандомской колонны, Парижская Коммуна осуждала эту политику и провозглашала мир народам. Очень типичным для идеологии Коммуны является вводная часть этого декрета, которая гласила: «Принимаемая во внимание, что императорская колонна на Вандомской площади представляет собой памятник варварства, символ грубой силы и ложной славы, апологию милитаризма, отрицание международного права, постоянное оскорбление победителями побежденных, вечное посягательство на один из трех великих принципов Французской республики — братство, постановляет: Статья единственная. Колонна на Вандомской площади будет разрушена». Этот декрет был приведен в исполнение только 16 мая. Вандомская площадь была переименована в Международную площадь. Так первая

Республика труда провозгласила идею борьбы за мир во всем мире

Одновременно с разрушением Вандомской колонны предполагалось снести и памятники трем французским королям из династии Бурбонов — конные статуи Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV, но это мероприятие коммунары не успели осуществить.

Несмотря на ложь и клевету о Парижской Коммуне, распространившиеся версальскими агентами, во Франции и за границей¹⁶, несмотря на всяческие меры, которые они предпринимали для того, чтобы изолировать коммунаров от внешнего мира, правда о Коммуне, о ее славных делах и подвигах проникла на страницы тогдашней демократической и социалистической печати всего мира. Ф. Энгельс справедливо отмечал, «что весь социалистический пролетариат, от Лиссабона и Нью-Йорка до Будапешта и Белграда, немедленно же взял на себя en bloc (целиком. — А. С.) ответственность за действия Парижской Коммуны»¹⁷.

Огромная заслуга в этом принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу и их друзьям из Международного товарищества рабочих. Их правдивые рассказы о первых шагах и успехах рабочего правительства вызывали симпатии и восхищение трудящихся всех стран. Героическая борьба парижских коммунаров вдохновляла рабочих разных стран, активизировала политическую борьбу. Волна сочувственных митингов и демонстраций прокатилась по Германии, Англии, Швейцарии, Италии и другим государствам Европы и Америки. За период с конца марта по май в Германии было проведено свыше 50 собраний рабочих в знак солидарности с Парижской Коммуной. 2 апреля в Ганновере состоялся трехтысячный митинг, на котором было принято обращение к парижским коммунарам. В обращении говорилось: «Рабочие Франции!.. Произошло то, чего мы уже

давно страстно желали и чего реакция втайне страшилась. В Париже была провозглашена социальная республика. Народ восстал, буря грянула. Париж оказался в руках социалистов. Вам снова дано быть в авангарде борьбы за освобождение народов. В эту минуту на вас устремлены взоры всего пролетариата. Его симпатии с вами. Он рассчитывает на вас». Это обращение дошло до парижских коммунаров 2 мая в «Официальной газете» сообщалось, что «германские социалисты продолжают отправлять в Париж поздравления и ободряющие приветствия», и излагалось содержание ганноверского обращения.

Английские рабочие и демократы также неоднократно выражали свою солидарность с парижскими коммунарами и поддерживали их. На одном из первых митингов солидарности, устроенном демократами 22 марта в Лондоне в Веллингтон-мюзик-холле, выступил О. Серрайн. На народном митинге солидарности, состоявшемся 16 апреля в Лондоне в Гайд-парке по призыву демократической лиги, собралось от 30 до 40 тысяч человек. 20 апреля в «Официальной газете» появилось сообщение об этом митинге и было полностью опубликовано содержание принятого на митинге приветствия. «Братья! Мы приветствуем вас во имя Всемирной Республики и благодарим вас от всей души за великое дело, которое вы совершаете в настоящий момент во имя свободы и ради защиты своих коммунальных прав, — мы, народ Лондона, уверенный в том, что вы боретесь за свободу и раскрепощение человечества, мы протягиваем вам руку дружбы и братства», — писали английские демократы. В ответ на это приветствие Парижская Коммуна на заседании 24 апреля, по предложению Малона, Серрайн и других, приняла ответное обращение к английским республиканцам, в котором выражала свою благодарность.

Аналогичные собрания сочувствия Парижской Коммуне проходили и в других странах. Рабочие Женевы 15 апреля приняли обращение, в котором читаем: «Что бы ни случилось, братья и сестры Парижа, ваше дело не погибнет, ибо это дело международного освобождения рабочих, и мы полным свой долг, всегда и всюду добиваясь тех же целей, продолжая всегда и всюду ту же борьбу, которую возглавляете вы». Это обращение было опубликовано в «Официальной газете» 7 мая.

Сочувственные послания шли и из других стран — Австро-Венгрии, Италии, Бельгии, США, Сербии, Болга-

¹⁶ К. Маркс, следивший за событиями по международной прессе, в своем письме от 6 апреля 1871 г. В. Либкнехту, одному из основателей и руководителей германской социал-демократии и редактору партийной газеты «Volkstaat», считал необходимым предупредить его: «Из всего того хлама, который ты находишь в газетах о внутренних событиях Парижа, ты не должен верить ни одному слову. Все это ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомаранье не проявлялось в таком блеске» («Первый Интернационал», стр. 131).

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 516.

рии, России¹⁸. Делегат по внешним сообщениям П. Груссе с полным основанием мог заявить на заседании Коммуны 3 мая: «Движение Коммуны оценено теперь по достоинству за границы. В Германии, в Швейцарии, в Англии, в Италии устраиваются лекции, митинги, на которых высказываются благоприятные суждения о Коммуне».

Проникнутая духом пролетарского интернационализма, Парижская Коммуна принимала в свои ряды всех, кто с открытым сердцем и революционными помыслами шел сражаться за ее идеи. Она поистине была интернациональной. Среди руководящих деятелей Коммуны был венгр Л. Франкель, поляк Бабик (Юлий Бабицкий). Наиболее талантливыми и преданными боевыми командирами были генералы Коммуны поляки Домбровский и Врублевский. Чрезвычайно типичным фактом интернационального характера Парижской Коммуны явилось заочное избрание в ее состав на дополнительных выборах 16 апреля сына знаменитого борца за национальное освобождение Италии Джузеппе Гарибальди — храброго генерала, сражавшегося в партизанских отрядах Франции во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. — демократа Менотти Гарибальди. Адьютантом Флуранса был итальянец Чиприани. У руководства женским движением парижских коммунаров стояли русские революционерки Дмитриева (Тумановская) и Жаклар (А. В. Корвин-Круковская). Десятки руководящих и ответственных постов Парижской Коммуны занимали иностранцы. Среди командиров Национальной гвардии были поляки, венгры, итальянцы, бельгийцы, русские.

В рядах Национальной гвардии рука об руку сражались представители различных народов. По данным французского историка П. Анграна, среди арестованных версальцами борцов за Коммуну было 168 итальянцев, почти все рабочие. Были там и англичане, и русские. Значительную роль в обороне Парижа играли бойцы иностранных легионов — «Бельгийский легион», «Польский легион» и др. «Польский легион» насчитывал в своих рядах примерно 500—600 поляков.

Знамя Парижской Коммуны действительно было интернациональным.

¹⁸ Об отзывах Парижской Коммуны в России см. работу С. Куняского. Русское общество и Парижская Коммуна. М., 1962.

Глава VII

ОБОРОНА ПАРИЖА. АРМИЯ КОММУНЫ В БОРЬБЕ С ВЕРСАЛЬЦАМИ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОММУНЫ

Правительство Тьера, бежавшее из Парижа 18 марта, никем не преследуемое, собирало в Версале враждебные коммунарам силы. Для Тьера первой задачей было организовать боевые отряды и привести их в такое состояние, чтобы в самый короткий срок можно было бросить их против восставшего Парижа.

Тьер трезво оценивал обстановку и понимал, что из тех разложившихся воинских частей, которые были пригнаны в Версаль под дулами жандармерии и офицеров, ему без помощи пруссаков армии не создать. Еще 21 марта русский поверенный в делах Окунев сообщал из Версаля в Петербург о крайне тяжелом и шатком положении версальцев: «Национальное собрание и правительство, по-видимому, решили остаться в Версале, если только нашествие повстанцев не заставит их уйти дальше. Армия совершенно дезорганизована... Национальное собрание и правительство хотели бы действовать энергично, но они не смеют начать атаку на Париж, не будучи уверенными в армии».

Спустя пять дней, 26 марта, Окунев в следующем своем донесении снова сетует на то, что «при отсутствии дисциплины и при полной дезорганизации армии глава исполнительной власти (т. е. Тьер.— А. С.) не решается дать сформированным в Версале войскам приказ идти на Париж». К 27 марта численность войск, которые версальскому правительству с трудом удалось собрать, составляла 22 тыс. человек, среди которых было 5 тыс. жандармов¹. Конечно,

¹ В своих показаниях парламентской следственной комиссии Тьер говорил «У нас имелось только 22 690 человек.. Первые две недели мы провели в Версале, ничего не предпринимая. Это были худшие дни в моей жизни... Если бы нас атаковало 70—80 тыс. человек, я не мог бы поручиться за стойкость армии».

с такими силами нельзя было рассчитывать на успех в гражданской войне.

Сразу же после революции 18 марта Бисмарк, понимая, какую угрозу может представлять Парижская Коммуна для его завоевательных планов и достигнутых на этом пути успехов, предложил Тьеру свою помощь для подавления восстания. Бисмарк крайне опасался вмешательства нейтральных стран (России, Англии и др.) в франко-пруссские дела, ибо видел «в этом лишь ту тенденцию, чтобы при посредстве конгресса урезать плоды нашей, немцев, победы», как писал он позже в своих «Мыслях и воспоминаниях». Поэтому он стремился ускорить заключение мирного договора с Францией, «чтобы подписать его раньше, чем нейтральные державы пришли бы к соглашению относительно своего влияния на заключение мира». Да и самый факт существования Парижской Коммуны оттягивал осуществление этого плана Бисмарка, не говоря уже о том, что он боялся также пожара гражданской войны, который мог переброситься в его собственную страну. Вот почему, несмотря на опасение усилить противника, Бисмарк, так же как и немецкое командование, принимал все меры к тому, чтобы поддержать, поощрить и даже понудить правительство Тьера к наступательным операциям против Парижской Коммуны.

21 марта русский посол в Берлине граф Убри телеграфировал Горчакову: «Вчера виделся с графом Бисмарком. Он признал серьезность положения... Он сообщил мне под строжайшим секретом, что предложил Тьеру свое содействие. Войск под Парижем достаточно». Но Тьер, опасаясь гзырва негодования всей Франции против такого антинационального, предательского шага, могущего скомпрометировать его правительствo, под благовидным предлогом отглонил предложенную ему помощь неприятеля. Однако 22 марта Тьер обратился к Бисмарку с просьбой удвоить контингент французских войск и вскоре получил на это согласие прусского командования. В первых числах апреля Бисмарк вновь разрешил Тьеру увеличить контингент версальских войск еще на 20 тыс. человек. 8 апреля Ж. Фавр добивался от командующего немецкой оккупационной армией фон Фабрице согласия на возвращение французских солдат, взятых в плен под Седаном и Мецем. Но из Германии отправляли на родину не всех военнопленных, а только тех, кто давал присягу на верность версаль-

скому правительству. После отбора и тщательной политической обработки репатриация французских пленнх началась полным ходом. К середине апреля число бывших военнопленных, прибывших в распоряжение версальцев, достигло 40 тыс. человек. Тьер выбрал из них только 25 тысяч для формирования маршевых полков, поручив организацию военных сил реакционному генералу Дюкро.

К этому же времени относится и новая просьба Тьера о пропуске французских войск через немецкие линии к северу от Парижа. Этот участок был самым незащищенным, так как руководство Парижской Коммуны, находясь в плену вредной иллюзии о «нейтралитетской» позиции оккупантов, не принимало мер для укрепления этих оборонительных рубежей. При наступательных операциях противника это было наиболее уязвимое место. Немецкое командование дало согласие и на эту просьбу Тьера.

9 мая Бисмарк, сообщая о своих переговорах с Ж. Фав-

ром, телеграфировал Мольтке: «В результате этого мы должны будем в силу тайного устного дополнительного соглашения допустить прохождение [версальских войск] через наши линии и запретить Париж с нашей стороны»² (разрядка наша. — А. С.).

О том, как формировалась и обрабатывалась эта версальская армия, подробно рассказал Тьер в своих показаниях парламентской следственной комиссии. «Я отдал приказ сосредоточить армию и, главное, обособить ее... Отдан был приказ стрелять во всякого, кто рискнул бы приблизиться. В то же время я рекомендовал снабдить наших солдат самым лучшим продовольствием. Я увеличил порции, признанные недостаточными, в особенности мяса». Генерал Винуа, командовавший резервной армией, в своих показаниях дополнил Тьера. По его словам, армия «была реформирована главным образом при помощи многочисленных военнопленных, возвращенных нам Германией, и прежде всего офицеров, что позволило нам тотчас же образовать кадры, в которые влились опущенные затем солдаты».

Не будучи уверены в том, что правительство Тьера сможет быстро расправиться с парижскими коммунарами, Бисмарк и его генеральный штаб во главе с Мольтке разрабатывали план прямой интервенции против Коммуны.

Таким образом, при помощи Бисмарка и немецкого командования правительству Тьера к маю удалось создать технически оснащенную армию численностью 150 тыс. человек. Во главе ее стояли кадровые военные; все командные посты в ней занимали бонапартисты. Поверенный в делах князь Орлов 26 апреля доносил Горчакову из Брюсселя: «Тьер передал все командные должности бонапартистам».

Что касается Национальной гвардии, то руководство Парижской Коммуны не приняло всех необходимых организационных, технических и политических мер, чтобы превратить ее в грозную, дисциплинированную, боевую революционную силу. Национальная гвардия была армией

² Когда К. Маркс узнал содержание этого тайногоговора прусского юнкерства и версальских палачей, он срочно сообщил об этом членам Коммуны Л. Франкелю и Э. Варлену. В письме к профессору Бизли от 12 июня 1871 г. Маркс писал, что «за десять дней до катастрофы я сообщил тем же путем все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте» («Первый Интернационал...», стр. 141).

малообученной, недостаточно дисциплинированной. Ее сила покоилась на беспредельном энтузиазме и преданности ее основного пролетарского ядра — рабочих Бельвиля, Монмартра и других пролетарских центров Парижа. Но в гражданской войне одного энтузиазма и преданности передовым революционным идеям недостаточно. Нужна еще выучка, железная дисциплина, понимание боевых задач. Не меньшую роль играет хорошо налаженное материальное снабжение и оснащение армии.

Армия Парижской Коммуны обладала прекрасными кадрами бойцов, у нее были в достаточном количестве и пушки, и митральезы, и бронепоезда, и речная флотилия, и многое другое, что необходимо для планомерного ведения войны. На заседании Коммуны 23 апреля военный делегат Кюзере утверждал, что «с материальной частью артиллерии все обстоит благополучно». Коммуна имела в своем распоряжении целый ряд фортов (Исси, Ванв, Мон-

руж, Бисетр, Иври и др.), которые могли быть хорошо использованы для активной обороны и даже для наступательных операций в длительной гражданской войне. Но беда Коммуны заключалась в том, что у нее не было достаточного числа опытных и квалифицированных военных специалистов, до конца преданных ей и стоявших на уровне великих революционных задач. Военные специалисты из старой армии — Люлье, Кюзере, Россель, Брюнель, Фальто и др., по разным причинам пришедшие к Коммуне, не понимали ни ее задач, ни обстановки, ни особенного характера Национальной гвардии как вооруженного рабочего класса, как армии милиционной. Военные специалисты из числа революционных эмигрантов, такие, как братья Домбровские, Врублевский, Околович и др., лучше понимали задачи революционной армии и ее стратегию, но и они не смогли обеспечить ее организацию. Недостаток руководящих военных кадров, неумение отобрать и расставить их, как того требовала обстановка, в особенности подобрать средний и младший командный состав, — все это имело роковые последствия для Коммуны, тем более что у Коммуны не было времени, чтобы вырастить и воспитать собственные кадры военных руководителей. Почти все мемуаристы-коммунары отмечают этот факт. Луиза Мишель вспоминала: «Профессиональных военных в армии Коммуны было немного... Армия Коммуны по сравнению с версальской армией была лишь ничтожной горсточкой. Чтобы продержаться так долго, несмотря на постоянную работу предателей и потерю времени вначале, поистине надо было быть храбрецами, каких мало».

Аллеман, председатель Совета легиона V округа, писал в своих воспоминаниях: «Среди причин той слабости, которая с первых же дней препятствовала победоносному шествию революции 18 марта, нельзя не упомянуть более чем жалкий состав наших кадров и штабов... Полнейшая неспособность характеризовала командование сверху донизу». Активный боец Коммуны и ее историк Лиссагаре писал: «Национальная гвардия не имела кадров; генералы бравшие на себя ответственность предводительствовать 40 тысячами человек, никогда не водили в бой и одного батальона. Они пренебрегли самыми элементарными мерами, не сумели собрать ни артиллерию, ни обоз, ни госпитальные фуры». То же констатирует и Артур Арну: «Всюду военные припасы и продовольствие приходили слишком позд-

но или не были отправлены в пункты, где в них нуждались». Член Коммуны и ее военный делегат Кюзере писал позднее: «Пожалуй, не имелось и сотни офицеров, достойных этого имени, а между тем требовалось обслужить кадрами сто тысяч человек. Для артиллерии в моем распоряжении имелось всего два годных офицера».

Интендантская служба также была организована очень плохо. Лиссагаре пишет: «Артиллерийский комитет, возникший 18 марта, оспаривал у военного министерства орудия... Никкак невозможно было создать центральный артиллерийский парк, ни даже узнать точное число орудий... Снабжение оружием было организовано плохо. Коммуна не сумела снабдить ружьями Шаспо всех участников военных действий, а версальцы после победы нашли ружья этой системы в количестве 285 000, более 190 000 магазинных ружей и 14 000 карабинов».

На заседании 24 апреля Впар заявлял: «В интендантстве царит настоящий хаос... Совершенно необходимо, притом немедленно, навести порядок в этом ведомстве». На заседании Коммуны 23 апреля, когда особенно остро встал вопрос о военных силах, их организации и численности, военный делегат Кюзере заявил: «Батарей нет, так же как и корпусов. Легионы не организованы, даже батальоны едва организованы. Я только что был на Военном совете вместе с Домбровским, и он сам сказал мне, что предпочитает менее многочисленные отряды, зато более устойчивые. И те 1800 человек, которыми он располагает, это сливки трех или четырех батальонов». Так говорил руководитель военного ведомства, который нес ответственность за оборону Коммуны, когда силы версальцев уже готовились к решающему удару! Становится понятным возмущение Делеклюза, когда он на этом же заседании вынужден был заявить с горечью: «Еще раз говорю: организация Национальной гвардии никуда не годится».

На заседании Коммуны 4 мая, когда уже был создан Комитет общественного спасения, Верморель вновь поднял вопрос об обороне и заявил: «В настоящее время в организации обороны существует полный беспорядок».

Неоднократно руководители военного ведомства предпринимали попытки реорганизовать национальную гвардию. Но они не могли понять особый характер революционной армии как народной армии, построенной на принципе милиционной службы и территориальной общности. Они не понимали особых законов революционной стратегии и тактики, не могли уразуметь, что «восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — ...решительное наступление»³. Гражданская война не терпит пассивной обороны. При реорганизации Национальной гвардии, которой занялись ее военачальники — Кюзере и Россель, не были учтены все эти особенности революционной армии, и поэтому реорганизация не дала желаемых результатов.

При организации своих военных сил Коммуна не применила вовремя институт военных политических комиссаров, который дал прекрасные результаты во время революционных войн Великой французской революции XVIII в., а более века спустя замечательно оправдал себя в условиях гражданской войны в нашей стране, когда созда-

валась славная Красная армия Советского государства. Еще 7 апреля Мелье внес предложение назначить гражданских делегатов при военных командирах и начальниках корпусов. Это предложение было попыткой воскресить традиции революционной армии Конвента. Но большинство членов Коммуны сочло эту меру несвоевременной, «неполитичной и опасной», как говорилось в протоколе заседания. Только 16 мая Комитет общественного спасения назначил трех членов Коммуны гражданскими комиссарами при трех действующих армиях: Жоаннара — при армии генерала Ла Сесилия, Дерёра — при армии генерала Домбровского, Лео Мелье — при армии генерала Врублевского. Эти назначения мотивировались тем, что «для спасения революции необходимо присоединить к военному элементу элемент гражданский». Эта мера могла сыграть значительную роль в деле сплочения сил, их организации и повышения сознательности и активности войск, но на этот путь Парижская Коммуна встала слишком поздно. Дни ее уже были сочтены.

В Национальной гвардии до конца не была изжита партизанщина, и часто военная дисциплина не была такой, какая требовалась обстановкой. Положение осложнялось еще тем, что между Центральным Комитетом Национальной гвардии, Коммуной и ее военным делегатом не было единства взглядов. Вмешательство ЦК в дела военного командования обостряли отношения между ними, вели к раздорам, ничем не оправданной подозрительности, а порой и борьбе. Руководители Парижской Коммуны не нашли необходимой формы нормальных взаимоотношений с ЦК Национальной гвардии. Коммуна бесплодно тратила массу времени и энергии на неоднократные обсуждения на своих заседаниях вопроса о Центральном Комитете Национальной гвардии, его компетенции и его роли, а часто и на борьбу с ним. Об этой борьбе, то глухой и скрытой, то прорывавшейся наружу, было известно в Версале. Помогала Тьеру и его агентура, тайно пробравшаяся в ЦК Национальной гвардии и позднее разоблаченная. Осведомленный русский поверенный в делах Окунев в донесении от 26 апреля писал из Версаля своему правительству: «Центральный Комитет федеральных батальонов Национальной гвардии открыто враждует с Коммуной и хочет захватить власть... Правительство (версальское. — А. С.), по-видимому, рассматривает на эту дезорганизацию, как на могучее вспомо-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 374.

гательное средство в тот день, когда войска вступят в Париж». Все это не могло не ослаблять силы сопротивления коммунаров.

Нельзя пройти и мимо того, что Парижская Коммуна не могла выделить из своей среды и подобрать необходимый руководящий командный состав. Со 2 по 30 апреля во главе военной делегации был поставлен генерал Ключере. Кадровый офицер, республиканец по убеждениям, с анархистскими замашками, Ключере был членом ЦК двадцати округов. На дополнительных выборах он был избран членом Коммуны. К. Маркс в письме к Энгельсу отзывался о Ключере, как о «жалком, навязчивом, тщеславном и честолюбивом болтуне»⁴. Он не обладал теми качествами, которые требовались для военного руководителя революционной армии. В своей деятельности он скоро натолкнулся на недоверие и прямое сопротивление ЦК Национальной гвардии. После неудачных наступательных операций 3—4 апреля, когда выяснились недостатки и слабые места в организации Национальной гвардии, Ключере и начальник его генерального штаба Россель принялись за ее реорганизацию. Декретом от 5 апреля принцип добровольности, на котором до того строилась Национальная гвардия, был заменен обязательной военной службой. Приказом Ключере от 4 апреля из состава Национальной гвардии выделялись маршевые роты, которые переводились на казарменное положение. Эти роты, обученные по всем правилам военного искусства, предполагалось использовать для активных операций на передовых позициях. В состав маршевых рот зачислялись все неженатые граждане в возрасте от 17 до 35 лет, распушенные по домам мобили и добровольцы. Этот приказ имел тот недостаток, что исключал из состава боевых сил как раз наиболее активную и революционно настроенную, прошедшую школу классовой борьбы часть рабочего класса, т. е. основной костяк Национальной гвардии. Приказ этот вызвал серьезное недовольство. 7 апреля Ключере вынужден был изменить его: возраст солдат комплектуемых маршевых рот был установлен от 19 до 40 лет. Теперь в роты могли зачисляться и женатые граждане. Но и эта мера не способствовала усилению боевой мощи Национальной гвардии и ее организованности. Реформа привела только к развалу уже сложив-

шихся рот и батальонов и создала еще большую неразбериху в военном деле. ЦК Национальной гвардии, направивший генерала Ключере в конце марта в военное министерство «для осуществления реорганизации Национальной гвардии и создания необходимых служб для обеспечения их деятельности под руководством ЦК» (как гласило постановление ЦК Национальной гвардии), теперь выступил решительным его противником. В конце апреля ЦК обратился к Парижской Коммуне с письмом, в котором требовал ареста Ключере. «Положение безнадежно, если не будут приняты срочные и энергичные меры. Надо арестовать Ключере, назначить Домбровского главнокомандующим, создать из всех военачальников Военный совет, заседающий под наблюдением комиссара Коммуны. Нужны гражданские организаторы, ответственные за контроль, и это надо сделать быстро, быстро, быстро или все потеряно», — писал ЦК. 30 апреля Парижская Коммуна освободила генерала Ключере от обязанностей военного делегата. Приказ о его аресте, отданный Исполнительной Комиссией, был одобрен Коммуной. 21 мая Ключере предстал перед судом Парижской Коммуны, но был оправдан и освобожден из заключения.

На смену Ключере был назначен начальник его штаба Россель, кадровый офицер, полковник инженерных войск. Находясь в армии генерала Базена под Мецом, он, как патриот, был возмущен изменой командования. Это привело его в стан врагов правительства Тьера, и он перешел на службу к Коммуне⁵. Но Россель еще меньше, чем его предшественник, понимал особый характер революционной армии, ее стратегию и тактику. Л. Мишель писала: «Россель не понимал духа революционной армии, он знал лишь регулярные войска».

Вначале Центральный Комитет Национальной гвардии приветствовал его назначение. В письме от 1 мая, адресованном военному делегату Росселю, Комиссия обороны Центрального Комитета предложила ему «свое полное содействие».

⁵ На заседании Коммуны 2 мая Россель говорил о своем политическом прошлом: «Я солдат. Находясь в Меце, я выполнял свой долг, чтобы помешать капитуляции... 19 марта, поняв, что моя обязанность солдата несовместима более с долгом гражданина, я отказался признать власть Версаля и отдал себя в распоряжение единственно законного правительства».

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 398.

В своей попытке реорганизовать Национальную гвардию Россель пошел еще дальше Ключере, решив ликвидировать легионы и преобразовать их в регулярные полки. Эта реорганизация вызвала резкий протест среди Национальной гвардии, в особенности среди начальников легионов.

На заседании в ночь со 2 на 3 мая ЦК Национальной гвардии с командирами легионов (присутствовали 15 командиров из 20) все резко выступили против реформы Росселя, считая что она еще больше разрушит сложившееся ранее единство боевых групп Национальной гвардии. На этом заседании было принято решение обратиться к Коммуне с предложением об упразднении военной делегации и замене ее Центральным Комитетом, который должен руководить Национальной гвардией и обороной. Новое резкое столкновение ЦК с военным делегатом и Комитетом общественного спасения на этот раз кончилось компромиссным решением (4 мая), согласно которому руководство военными организациями поручалось ЦК Национальной гвардии под непосредственным контролем Военной комиссии. Этот компромисс не принес улучшения. На деле соперничество не прекращалось. 8 мая Военная комиссия вынесла постановление, ограничивавшее права Центрального Комитета в области военного управления. Это постановление запрещало ЦК назначать людей на какую бы то ни было должность в военной администрации; ЦК мог только предлагать своих кандидатов Военной комиссии. Далее Военная комиссия обязывала все отделы ЦК ежедневно представлять ей отчеты о своей деятельности. Все это еще больше осложнило обстановку. Ухудшение положения на фронтах гражданской войны, потеря коммунарами ряда важных укрепленных районов (Муле-Сакле, Исси и др.) привели к тому, что 9 мая Россель был смещен и арестован. Коммуна назначила «гражданского делегата по военным делам», придав ему в помощь существующую Военную комиссию, которая должна была стать «непрерывно действующим органом». На заседании 10 мая большинством 42 голосов из 46 гражданским делегатом при военном ведомстве был избран старый революционер, неоякобинец Делеклюз.

Несмотря на свой авторитет старого революционера, Делеклюз, не имевший ни специальных военных познаний, ни опыта в этой области, не смог серьезно изменить

создавшееся положение. Этот старый и больной человек мог принести на службу Коммуне только свой революционный энтузиазм и пламенную, бескорыстную преданность. «Старик с душой юноши» — так охарактеризовала Делеклюза Луиза Мишель. Военное положение в это время было настолько трудным и опасным, что вряд ли уже можно было его исправить.

Частая смена военных руководителей Коммуны, постоянные трения между ЦК Национальной гвардии, военной делегацией, КОСом и Коммуной, которые в этот период достигли наибольшего обострения, ухудшали состояние обороны Парижа, ослабляли силу его сопротивления. Национальная гвардия таяла. Лучшие ее сыны гибли в неравной борьбе с численно превосходившей армией контрреволюции. По мере ухудшения военного положения из Национальной гвардии уходили колеблющиеся мелкобур-

жуазные элементы. До конца преданными Коммуне оставались только рабочие. Когда в мае наступили решающие битвы, в рядах Национальной гвардии оставалось всего 35—40 тысяч активных бойцов.

Э. Лиссагаре писал в своей «Истории Парижской Коммуны»: «Кавалерия фигурировала только в ведомостях: самое большое было 500 лошадей, чтобы везти артиллерию или фургоны для офицеров и для нарочных. Инженерная служба была очень примитивна, несмотря на самые прекрасные постановления. Из 1100 орудий, которыми располагал Париж, военное управление воспользовалось только 200. Было только 500 артиллеристов, в то время как в ведомости значилось 2500». Л. Мишель также утверждала: «У Коммуны совершенно не было кавалерии, только несколько офицеров имели верховых лошадей».

Но самым роковым во всей военной политике Коммуны являлось то, что ее руководители были сторонниками тактики пассивной обороны⁶. Между тем Энгельс давно уже утверждал, что «оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше чем померялось силами с неприятелем»⁷. Военные руководители Парижской Коммуны не имели единого плана борьбы с Версалем. Они не только дали возможность Тьеру организовать при помощи Бисмарка свою армию, но оставили в руках версальцев важнейший стратегический пункт — форт Мон-Валерьен, который господствовал над дорожной магистралью Париж — Версаль. Уже при первом сражении (2 апреля) коммунары убедились, какой ущерб они нанесли делу обороны Парижской Коммуны, оставив этот форт в руках врага.

Хотя войска Тьера к началу апреля еще не были укомплектованы, а сам он не был уверен в их стойкости⁸, версальское правительство, подстрекаемое и Бисмарком,

⁶ В докладной записке Исполнительной Комиссии от 5 апреля Клузере так сформулировал свою тактическую позицию: «Наше положение — это положение людей, сильных сознанием своей правоты, терпеливо ожидающих нападения и ограничивающихся обороной».

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 100.

⁸ Еще 3 мая поверенный в делах князь Орлов доносил из Брюсселя Горчакову. «Я только что видел письмо Тьера некоему близкому ему человеку. Новый Вашингтон сомневается в надежности своих солдат, и вообще будущее представляется ему не в розовом свете».

и русским двором, решилось на первую открытую атаку. 2 апреля утром войска генерала Винуа начали наступление двумя колоннами: одна через Рюэй, другая через Монтрету на Курбеуа-Пюто и Нейи, важные стратегические пункты на дороге Версаль — Париж. Версальское командование выбрало этот путь на северо-западе укрепленного района по двум причинам: под прикрытием форта Мон-Валерьен, господствовавшего в этой местности, они облегчали себе продвижение к наиболее важным пунктам, а у Нейи находился единственный неразрушенный мост через Сену, что при успехе могло облегчить дальнейшие операции. Версальцы двинули свои войска под прикрытием жандармерии и зуавов.

У коммунаров не было хорошо налаженной разведки. Поэтому наступление версальцев 2 апреля явилось для них полной неожиданностью. Лиссагаре пишет: «Париж замер при грохоте пушек. С 28 марта все до такой степени были проникнуты атмосферой беспечности, что никто не подозревал возможности атаки». В Курбеуа и у моста в Нейи было только около 2 тысяч национальных гвардейцев. У них не было артиллерии, тогда как версальцы располагали ею и силы их впятеро превосходили силы коммунаров. Кроме того, они использовали артиллерийский огонь с форта Мон-Валерьен, который национальные гвардейцы считали нейтральным.

Коммунары сражались героически, бои с переменным успехом продолжались до вечера, но под натиском превосходящих сил противника коммунары вынуждены были отступить от Курбеуа к переправе у Нейи. Уже в этих первых боях проявилась их беззаветная храбрость, их выдержка и стойкость. Эта первая разведка боем показала версальскому командованию, что справиться с коммунарами будет не так просто, и не так легко, как представляли себе иностранные дипломаты.

В ответ на зверские действия версальского командования, которое массами расстреливало пленных коммунаров, Парижская Коммуна 2 апреля единогласно утвердила декрет о привлечении к ответственности «перед судом народа» Тьера и пяти его министров (Фавра, Пикара, Дюфора, Симона и Потюю) и об опечатании принадлежавшего им имущества.

Вероломное нападение версальцев вызвало бурю негодования в Париже. Национальные гвардейцы рвались в

бой. По всем округам гремел набат тревоги. Демократическая печать требовала немедленного похода на Версаль. Большинство членов Исполнительной комиссии, опасаясь недостаточной подготовленности Национальной гвардии к решительным военным операциям, возражало против немедленного наступления. Все же поход этот состоялся. Его возглавили три генерала Парижской Коммуны — бланкисты Эд, Дюваль и Бержере. Они разработали план наступательной операции. Утром 3 апреля на Версаль двинулись три колонны национальных гвардейцев общей численностью до 30 тыс. человек. Но эта операция не имела общего руководства, связь между колоннами была налажена недостаточно, отсутствовала разведка. Материальное снабжение, как и питание войск, находившихся на участках боя, было поставлено плохо. В результате разрозненности действий отрядов и превосходства сил противника эта наступательная операция, длившаяся два дня, окончилась поражением коммунаров. Отряд Дюваля, сильно продвинувшийся вперед (он захватил Шатийон, дошел до Вилла-Кубля и находился в 5—6 км от Версаля), попал в окружение значительных сил врага и был взят в плен. Дюваль и два его помощника были расстреляны по приказанию генерала Винуа.

Пал жертвой вероломного убийства талантливый полководец и пламенный вождь Флуранс. По поводу этой утраты Женни Маркс писала В. Либкнехту: «Прежде всего нас глубоко потрясла смерть Густава Флуранса. Он был нашим личным другом... Он был смел до самозабвения, готов на любой риск, человек с душой рыцаря, гуманный, отзывчивый, мягкий... Обладая разносторонним умом, он был высокообразованным представителем современной науки... Даже враги говорили о нем: „Отважен, как витязь, учен, как энциклопедия“»⁹.

Итог сражения 2—4 апреля был печален для коммунаров. Кроме гибели двух лучших полководцев революционной армии, Коммуна потеряла многих своих бойцов; 2 тысячи национальных гвардейцев были взяты в плен, многие из них были расстреляны. Эта наступательная операция, начатая слишком поздно, когда первое замешательство версальцев уже прошло, показала неподготовленность национальной гвардии, неповоротливость и неспособность

военного командования. Но эти бои показали также чрезвычайно высокую морально-политическую устойчивость коммунаров, их боевой дух и преданность великим идеям Коммуны.

На заседаниях Коммуны 4 и 5 апреля обсуждались события, связанные с начатой Тьером гражданской войной. Член военной делегации Шардон в своем выступлении 4 апреля отмечал, что «национальные гвардейцы сражались хорошо; если имели место некоторые неудачи, то они были вызваны исключительно трусостью некоторых начальников и недостатком снаряжения и съестных припасов». В результате обсуждения сложившегося положения решено было передать интендантство в ведение Центрального Комитета; перевести Исполнительную Комиссию в помещение военного министерства с тем, чтобы установить лучший контакт в работе. Верморель сообщил о реорганизации Национальной гвардии, к которой приступил Кюзере. Член Комиссии общественной безопасности Р. Ригу предложил учредить уголовный трибунал, а Вайян настаивал, «чтобы в ответ на убийства, совершаемые версальским правительством, Коммуна напомнила, что у нее есть заложники и что она будет отвечать ударом на удар». 5 апреля Парижская Коммуна единогласно приняла декрет о заложниках. Этот декрет устанавливал, что «всякое лицо, уличенное в сообществе с версальским правительством, будет немедленно привлечено к суду и заключению в тюрьму». Статья 4 гласила: «Все обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, будут считаться заложниками парижского народа». На этом же заседании Ф. Пиа, Делеклюз и Верморель предложили, чтобы Комиссия финансов выработала проект декрета, устанавливающий прогрессивный налог на тех, кто бежал из Парижа, на членов Версальского собрания и на национальных гвардейцев, уклоняющихся от несения военной службы. Это предложение было принято и передано в Комиссию финансов.

На следующий день было опубликовано «Воззвание к жителям Парижа», в котором Парижская Коммуна объясняла мотивы «вынужденного применения ответных репрессий». Версальских палачей предупреждали: «Если наши враги, продолжая нарушать обычные между цивилизованными народами правила войны, умертвят еще хоть одного из наших солдат, мы ответим казнью такого же или двойного числа пленных. Неизменно великодушный и справед-

⁹ «Первый Интернационал...», стр. 181.

ливый даже в порывах гнева, народ питает отвращение к кровопролитию, как и гражданской войне, но он обязан охранять себя от варварских нападений врагов и, чего бы то ему ни стоило, он воздаст око за око и зуб за зуб».

Декрет о заложниках имел тот результат, что на короткое время был приостановлен бандитизм версальских войск по отношению к пленным коммунарам. Но так как декрет не приводился в исполнение, а являлся только угрозой на словах, версальцы скоро вернулись к старым методам расправы и террора. 25 апреля четыре национальных гвардейца 185-го батальона, вышедшие на разведку, были окружены жандармами и конными стрелками версальцев. Несмотря на то, что федераты сложили оружие и им было обещано сохранить жизнь, их все же немедленно расстреляли. Лео Мелье, докладывая 26 апреля Коммуне об этом новом зверстве версальцев, говорил: «Я спрашиваю Коммуну, какое решение она примет в связи с фактом, который я отмечаю? Он предложил, в соответствии с декретом о заложниках, применить репрессии к 12 заключенным. В ответ на это послышались голоса: «Надо прибегнуть к репрессиям и расстрелять пленных, которые находятся в наших руках».

Вопрос о применении репрессий к заложникам вызвал горячие споры. Эта борьба мнений была, по сути дела, отражением колеблющейся и нерешительной позиции руководителей Коммуны и привела скоро к резкому размежеванию двух политических лагерей в Коммуне — якобинско-бланкистского «большинства» и прудонистского «меньшинства».

Бланкист Тридон утверждал, «что если этот вопрос (о репрессиях.— А. С.) возникает сейчас, так это потому, что мы не привели в исполнение своих декретов.. Когда у вас в руках имеются средства, вы не пользуетесь ими... Когда здесь возникает вопрос, требующий мужества, вы стараетесь один перед другим похоронить его, переслать его обратно в Исполнительную Комиссию, в Военную Комиссию». Его поддержал Антуан Арно: «Существует декрет, который мы издали. Ну так вот, пусть возьмут 12 жандармов, поскольку таково необходимое число, и публично казнят их». Бержере заявил: «Было бы несправедливо расстрелять четырех жандармов. Расстреляв парижского архиепископа, вы нанесете удар версальцам. Надо бить по их материальным интересам, надо взять их ипотеки и

сжечь на площади. Мы держим их за горло, они у нас в руках». Р. Риго высказался в том же духе: «По-моему, следует пользоваться репрессиями, и мы не должны колебаться ни одной минуты». Репрессий против главарей требовал и Бийоре: «Если вы хотите применять репрессии, то бейте не по жандармам и полицейским, а по главарям партии. Берите офицеров, друзей этих версальцев, их отцов, если они попадутся вам в руки»

Хотя прудонисты в свое время голосовали за декрет о заложниках, теперь, однако, они выступили решительными противниками его применения на практике. Они приводили всяческие аргументы, чтобы доказать политическую нецелесообразность применения репрессий. Прудонист Остен заявил: «Мне кажется, что под влиянием законного возмущения мы собираемся вступить на дурной путь... Она [Коммуна] должна быть выше и действовать лучше, чем ее противники. Нужно, чтобы ее деятельность вдох-

новлялась более высокими, более гуманными чувствами, чем чувства ее врагов». Его поддержал Авриаль: «Граждане, подумайте хорошенько о пути, по которому вы хотите идти. Важно, чтобы мы действовали только законным путем и чтобы, если будут казни, они были совершены по приговорам трибунала, действующим по правилам... Вместо того, чтобы карать в массовом порядке, бейте по верхушке, но сначала организуйте у себя правосудие и суды». Ему вторил Журд: «Если уж нам приходится прибегать к репрессиям, сделаем это в законном порядке, но не будем совершать убийства. Вдохновитесь духом справедливости».

Валлес обратил внимание Коммуны на моральную сторону проблемы. Он говорил: «Если Коммуна решит, что надо расстрелять пленных, то может случиться, что Версаль ответит вам, что он осуждает насилия, совершенные его войсками, и станет извинять их увлечением в бою. И в глазах всех роль Версаля будет тогда благородной, а наша — безобразной».

Артур Арну выдвинул новое предложение: «Я нахожу, что кровавые репрессии имели бы опасную сторону. Во всем этом виноват один великий преступник — Тьер... Если вы хотите сурово карать, то надо начинать с него. Он обстреливает наши дома, он нагромождает развалины на развалины. Ну воздайте ему тем же! Разружьте его дом, снесите его, а на освободившееся место поставьте какое-нибудь общественно полезное сооружение». Арнольд, Алликс и Серрайе внесли предложение, «чтобы недвижимая собственность Тьера была снесена или продана в пользу семейств несчастных жертв». Гамбон предложил назначить следственную комиссию для установления фактов. Коммуна согласилась с его предложением и избрала следственную комиссию для проверки сообщенных фактов. 10 мая Комиссия общественной безопасности приняла постановление о конфискации имущества Тьера. «Дом Тьера, расположенный на площади Жорж, подлежит срытию», — говорилось в постановлении.

17 мая Парижская Коммуна вновь вынуждена была вернуться к вопросу о заложниках. На этот раз поводом для обсуждения послужило надругательство над санитаркой полевого госпиталя, посланной для оказания помощи раненым, и убийство ее версальцами. В то же время версальцы открыли стрельбу по парламентарам, которые были

высланы для переговоров об эвакуации раненых национальных гвардейцев и захоронения трупов у форта Ванв.

Член военной комиссии Урбен, докладывая об этом случае Коммуне, просил, «чтобы Коммуна или Комитет общественного спасения вынесли решение о том, что в возмездие за убийство маркитантки и за встречу оружейной пальбой нашего парламентаря, вопреки международному праву, — будут в течение 24 часов расстреляны десять заложников из числа тех, которые находятся в наших руках». Он предложил, чтобы «пятеро из этих заложников были в торжественной обстановке расстреляны в самом Париже, перед делегацией от всех батальонов, а пять других — на аванпостах, перед гвардейцами, свидетелями убийств». В этом духе Урбен и предложил проект постановления.

Прокурор Коммуны Р. Риго внес проект декрета, подержанный Урбеном и Шаленом, о том, что «обвинительное жюри может временно выносить приговоры в отношении обвиняемых в политических преступлениях и правонарушениях сразу же по определении виновности подсудимого». Эти приговоры подлежат исполнению в течение 24 часов. Обосновывая этот проект, Р. Риго заявил: «Нужно самым решительным образом ответить на совершаемые версальцами убийства, но при этом ударить по настоящим преступникам, а не по первым попавшимся. Среди людей, которых мы держим в заключении, имеются настоящие преступники, заслуживающие того, чтобы считаться более чем заложниками. Между тем жребий может пасть на менее виновных, а наиболее виновные могут остаться нетронутыми... Впредь до окончательного установления нормального правосудия, я счел полезным учредить трибунал для рассмотрения преступлений и политических правонарушений, о которых идет речь».

П. Груссе поддержал это предложение, требуя, чтобы «трибунал применял только одно наказание: смертную казнь, решение о которой будет выноситься тремя членами обвинительного жюри». Пийо также высказался за применение крайних средств в борьбе с врагами: «В данный момент главный вопрос — это уничтожить наших врагов. Мы совершаем революцию, и надо действовать по-революционному; надо учредить трибунал, который судит и решения которого быстро приводятся в исполнение». После длительных прений Парижская Коммуна приняла сле-

дующую резолюцию: «Коммуна, ссылаясь на свой декрет от 5 апреля 1871 г., требует его немедленного исполнения и переходит к порядку дня».

Через два дня после этого заседания, 19 мая, обвинительное жюри, которое было организовано по декрету о заложниках от 5 апреля, наконец приступило к своей работе во Дворце правосудия. Но Коммуна переживала уже свои последние дни.

Репрессивные мероприятия Парижской Коммуны, продиктованные революционно-патриотической необходимостью, имели, однако, скорее политическое, чем практическое значение. Коммуна не решалась привести в исполнение свои угрозы. В тюрьмах находилось около 300 заложников, задержанных по декрету от 5 апреля. Но только в последние дни своего существования — 24—26 мая — в ответ на массовый террор версальцев было расстреляно 64 заложника в тюрьмах Ля-Роккет и Венсен, в подавляющем большинстве — жандармы и полицейские шпионы.

5 апреля русский поверенный в делах Окунев доносил своему правительству о первых успехах версальских войск: «По-видимому, на сей раз колебаний не было. Это неожиданное оздоровление армии вызвало большое удовлетворение в Версале». Но больше всех, конечно, был удовлетворен Тьер, который до этого совершенно не был уверен в способности своих войск противостоять коммунарам в открытом бою. Это «боевое крещение» окрылило Тьера и его приспешников, ибо они старались доказать всем буржуазным и реакционным правительствам Европы, что выполняют миссию освободителя всех стран от «красной опасности», «козней Интернационала», «анархии и низвержения всякого социального порядка». Ж. Фавр в письме к французскому посланнику при русском дворе Габриаку так инструктировал его: «Европа, в частности Россия, не должна беспокоиться сверх меры. Скажите князю Горчакову, что мы победим бурю и что нашими усилиями будет восстановлено правление порядка и мира». Выполняя эту инструкцию, Габриак всяческими способами стремился поднять политический авторитет своего правительства в глазах русского царя и его сатрапов, которые поначалу не очень-то доверяли Тьеру. 16 апреля Габриак писал Ж. Фавру: «Я настаивал на огромности услуг, которые нынешний кабинет и его глава оказывают всему европейско-

му обществу в целом, сражаясь с космополитической революцией, которая своим местом избрала Париж».

Военные успехи версальских войск, за которыми пристально следили правительства европейских стран, еще недавно выражавшие недовольство медлительностью действий Тьера, теперь расценивались там с признательностью, а поведение Тьера вызывало похвалу.

Но Тьер понимал, что борьба с Парижской Коммуной будет упорной и длительной. Не ослабляя начатых 2 апреля военных операций, Тьер и его командование в течение всего апреля и первой половины мая были заняты подготовкой и организацией боевых сил для решительного наступления, которое предполагалось осуществить в конце мая.

Поражение 2—4 апреля по-разному подействовало на коммунаров: одних оно деморализовало, других воодушевило на новые подвиги. Вновь пробудилась энергия народных масс. Стихийно началось строительство баррикад, укрепление и вооружение фортов. Вечером 4 апреля версальцы вынуждены были оставить высоты Шатийона. Национальная гвардия вновь заняла Курбеуа, а переправа у Нейи была забаррикадирована. Но Тьер сумел подтянуть свои войска и укрепить форт Мон-Валерьен. Утром 6 апреля отсюда был открыт сильный артиллерийский огонь по Курбеуа. Под натиском превосходящих сил версальцев Курбеуа пал. На следующий день версальцы начали ожесточенную бомбардировку по Нейи, заняли авеню Нейи и скоро дошли до парка Нейи, захватили Леваллуа-Перри и северную часть Булонского леса, приблизившись почти вплотную к оборонительным линиям Парижа.

7 апреля Растуль предложил Коммуне «соорудить баррикады вокруг Парижа, на внешних бульварах и на прилегающих улицах, в зоне, находящейся между бульварами и укреплениями, чтобы можно было в случае необходимости защищаться от внешних врагов и внутренних реакционеров». На следующий день Кюзере обратился к Парижской Коммуне с письмом, в котором предлагал организовать постоянно действующую Баррикадную комиссию. Это предложение было единогласно принято. В тот же день Баррикадная комиссия была создана в составе двух членов Коммуны, представителей всех округов (по одному человеку) и капитанов инженерных войск под

председательством коменданта Парижского укрепленного района. С 9 апреля она должна была приступить к работе. Россель, начальник главного штаба, был противником баррикадной тактики. От этого работа комиссии страдала. Затратив сравнительно большие средства на проведение работ по постройке баррикад, коммунары ко времени решающих боев не имели все-таки законченной системы баррикадных сооружений.

Ухудшение военной обстановки заставило 6 апреля заменить коменданта Парижского укрепленного района Бержере Ярославом Домбровским. Старый революционер-демократ, Я. Домбровский получил высшее военное образование в России (в 1861 г. он блестяще закончил Академию Генерального штаба в чине штабс-капитана), был связан с русскими революционными кругами, стоял во главе Военно-революционного комитета в Варшаве, подготовлявшего польское восстание 1863 г. против царского деспотизма. Очутившись в 1865 г. в эмиграции в Париже, он сблизился вначале с бланкистами, а позже с членами Парижской секции Интернационала. Свою преданность революционным демократическим идеям и свой талант военного полководца он отдал Парижской Коммуне. Сперва он был командиром 12-го легиона Национальной гвардии, где приобрел доверие, как храбрый и верный солдат. Исполнительная комиссия правильно оценила его талант: в своем воззвании «К Национальной гвардии» по поводу его назначения комендантом она писала, что он «несомненный военный и преданный солдат Всемирной республики». И действительно, назначение Домбровского начальником Парижского укрепленного района на некоторое время улучшило военное положение Коммуны. Своими энергичными действиями и наступательной тактикой он сумел внести перелом. 9 апреля его части смело атаковали версальцев в Аньере и заняли его. Бронепоезда, впервые примененные коммунарами, бомбардировали с фланга Курбева и мост у Нейи. В этот же день был взят замок Бэкон, важный стратегический пункт между Курбева и Аньером. 10 апреля Домбровский депешей известил Коммуну об улучшении военного положения в районе Аньер — Нейи, у ворот Майо и на других участках фронта.

В ночь на 12 апреля версальцы, подтянув свежие силы, предприняли атаку на Аньер, но были отброшены к Курбева. Слабые силы генерала Домбровского — всего около

1300 национальных гвардейцев — героически дрались с десятикратно превосходящими силами противника. Домбровский несколько раз обращался к военному делегату Ключере с просьбой о подкреплении, но за все время получил только 600 национальных гвардейцев. С 14 по 17 апреля Домбровский с горсткой храбрецов героически отстаивал каждую пядь своих позиций. С 17 апреля версальцы начали атаку на замок Бэкон. Захватив его в ожесточенных боях, они на следующий день начали атаку Аньера, который Домбровский вынужден был оставить вечером 17 апреля. Так с горсткой храбрецов Я. Домбровский сдерживал натиск во много раз превосходящих сил противника, приняв на себя всю силу ударов версальцев на северном участке фронта.

Южным участком фронта командовал генерал Эд. В своем донесении Ключере и Исполнительной комиссии от 15 апреля Эд сообщал: «Ночь была ужасной. Бой не прекращался с 10 часов вечера. Наиболее сильной атаке подвергся форт Ванв. Роялисты понесли огромные потери. Они отброшены по всей линии. Эта победа должна быть отмечена на знамени Коммуны. Наши федераты — герои. Они сражались как львы. Прошу отметить их всех в приказе. Особо должны мы упомянуть гражданина Ледрю, командующего фортом Ванв». Выступая в тот же день на заседании Коммуны, Эд выразил опасение, что из-за несения продолжительной бессменной службы национальные гвардейцы, еще не привыкшие к солдатскому ремеслу, будут чересчур уставать, а это может ослабить оборону. После обсуждения доклада Эда Коммуна приняла следующее постановление: «Узнав о том, что смена батальонов производится нерегулярно и что некоторые батальоны слишком долго остаются в траншеях, Коммуна постановляет обратиться по этому поводу к военному делегату, чтобы это было исправлено в кратчайший срок».

Это постановление служит свидетельством нерасторопности и нераспорядительности военного делегата Ключере и его штаба, недовольство которыми все возрастало.

В условиях ухудшившейся военной обстановки и открытой гражданской войны Парижская Коммуна провела 16 апреля дополнительные выборы, которые четырежды откладывались. Эти выборы, о которых мы говорили выше, не способствовали укреплению сил Коммуны, а, наоборот, привели к ослаблению ее рядов. В голосовании приняло

участие в общей сложности вдвое меньше избирателей, чем на выборах 26 марта. В трех округах (III, VIII и XIII) не было избрано ни одного делегата. Эта пассивность избирателей объяснялась рядом причин, из которых главной было напряженное военное положение в Париже, находившемся накануне решающих битв.

При обсуждении итогов этих неудачных выборов 19 апреля среди членов Коммуны обнаружилось серьезное разногласия. Арну, Валлес, Верморель, Авриал, Белэ и другие считали, что «надо держаться в рамках закона». Арну предлагал не утверждать выборы из-за малочисленности избирателей, принявших участие в выборах. «Это было бы коварнейшим ударом, пинком ногой по всеобщему избирательному праву, который когда-либо наносило ему правительство», — говорил он. Ему возражал П. Груссе: «У вас нет данных для определения численности населения, у вас нет избирательного закона», — говорил он. — Единственным справедливым и серьезным решением было бы положиться на мудрость народа, который голосовал, как хотел, и признать членами всех, кто получил абсолютное большинство поданных голосов». Его поддержал Бийоре: «Предположим, что целый округ воздержался от подачи голосов, а подали голос только пять человек. Следовательно, эти пять избирателей являются единственными сторонниками Коммуны, остальные не хотят голосовать ни за какую Коммуну. С моей точки зрения, воздержание никогда не может служить оправданием, и мы можем не считаться с ними». Такого же мнения придерживался Урбен. При поименном голосовании выводы комиссии, предлагавшей считать избранными всех кандидатов, получивших более половины голосов, поданных в данном округе, были утверждены большинством 26 голосов против 13. Таким образом, дополнительные выборы только обострили обстановку внутри Коммуны.

Версальцы планомерно продолжали выполнение задуманного Тьером стратегического плана удушения Парижа, согласно которому основной удар следовало сосредоточить на захвате фортов Исси и Ванв. Сильный непрерывный артиллерийский огонь версальских батарей превратил в груды развалин окрестности ворот Мийо, Терн, Аньера, Леваляуа. Жители Нейи вынуждены были укрываться в погребах. 25 апреля между воюющими сторонами было за-

ключено соглашение о прекращении огня на несколько часов, чтобы убрать горы трупов и эвакуировать оставшееся в живых население. В ночь с 26 на 27 апреля версальцы врасплох захватили Мулино. От Мулино дорога вела к форту Исси.

Смелая и решительная инициатива Домбровского, отвага и мужество преданных ему бойцов сводились на нет бездеятельностью военного делегата Ключере, а порой и прямо тормозились его штабными работниками. Героическая оборона Нейи в течение месяца (с 11 апреля по 9 мая) буквально горсткой храбрецов под водительством этого мужественного и бесстрашного генерала снискала ему любовь коммунаров и вошла в летопись славной борьбы народов за свое освобождение. 25 апреля член Коммуны Жоаннар, направленный в Нейи, сообщил на заседании: «Мы увидели генерала Домбровского, и в интересах истины я здесь должен указать на то, с каким обожанием относится Национальная гвардия к этому генералу. Он поистине любим своими солдатами, которые счастливы иметь его своим начальником». 30 апреля совершенно обесиленный, лишенный подкреплений форт Исси был эвакуирован. Версальцы не захватили его, так как опасались, что он заминирован. Через несколько часов подоспевшие новые отряды коммунаров под руководством Ключере и Ля Сеспиля вновь заняли форт.

В народных клубах, в наблюдательных комитетах в это время особенно часто звучали голоса недовольных политической Коммуны, нерешительностью, бездеятельностью ее военного делегата. Газета «Отец Дюшен» после неудачных наступательных операций 3—4 апреля особенно часто стала выступать с критикой Коммуны и требовала организации твердой власти, которая могла бы наладить оборону республиканского Парижа. 26 апреля в газете «Социальная революция» появилось письмо Комитета бдительности XIX округа (Шомонские высоты — пролетарский район Парижа), в котором предлагалось, чтобы «Коммуна безотлагательно приступила к созданию в ее составе Комитета общественного спасения, облеченного всеми полномочиями для обеспечения победы и необходимой властью для проведения в жизнь декретов Коммуны». Предложение это мотивировалось тем, «что положение Парижа становится все более и более тяжелым, что необходимо проявить тем больше энергии, чем неизбежной становится опасность».

Еще на заседании 28 апреля Ж. Клеман жаловался: «Мы не получаем известий о военных действиях целых пять дней. Вы знаете, что идет сражение, потому что вы слышите пальбу, но вы не получаете никаких донесений. Досадно, нетерпимо, что мы не знаем о том, что происходит». Эту жалобу поддержали многие члены Коммуны. Член Исполнительной комиссии Андриё говорил: «Я посылаю каждый день за военными донесениями, в частности за ночными донесениями, но их не присылают». О том же говорил Лео Мелье: «Я не понимаю, почему Исполнительная комиссия заявляет, что она не может делать нам сообщение? Если она не может добиться их от Военной комиссии, значит она не выполняет своего долга... Вот уже несколько дней я констатирую величайшую дезорганизацию». Другой член Исполнительной Комиссии П. Груссе также сетовал, что комиссии «не представляют донесений, ее всегда водили за нос уклончивыми, неудовлетворительными ответами. . Долго так продолжаться не может; мы не можем мириться с таким положением». Бланкист Пардон дополнил ораторов: «Вчера я побывал на форте Ванв. Я видел там людей, у которых нет белья; они не получают даже своего жалованья. Я задаю себе вопрос: поручено ли кому-нибудь инспектировать форты, выслушивать жалобы национальных гвардейцев?» Это подтвердил и Потье (будущий автор «Интернационала»): «Я должен сказать Коммуне, что в Ванве происходит то же, что и в Исси. Перед приходом сюда мы виделись с делегатами, которые были присланы к нам с этого форта Национальной гвардии. Если бы вы их увидели, вы могли бы заметить, какой у них плачевный вид».

Член Коммуны Авриаль пытался вскрыть причины такого положения. По его словам, «беспорядок, который в малых размерах царит в ратуше, в больших размерах наблюдается в Национальной гвардии... Я был в артиллерийском парке, которым командует майор Ларю; я потребовал у него сведений о материальной части артиллерии. Майор Ларю сказал мне, что он ничего не может дать... Это — недостаток организованности... У нас втрое больше штабных офицеров, чем нужно». А ведь Авриаль был членом Военной комиссии!

В этой обстановке член Коммуны от XIX округа бланкист Мио внес проект декрета об организации Комитета общественного спасения. Обсуждение этого проекта заня-

ло четыре заседания (28 апреля, два заседания 30 апреля и 1 мая). Обосновывая свое предложение на заседании Коммуны 30 апреля, Мио заявил: «Коммуну вообще укоряют в мягкотелости, в бездеятельности. Нужен Комитет, который дал бы новый импульс обороне и имел бы, если понадобится, смелость рубить головы предателей».

Предложение Мио встретило сочувственный отклик среди многих членов Коммуны. Оно объединило бланкистов и якобинцев и нашло поддержку даже среди некоторых левых прудонистов. Оно вело к централизации власти, в которой так нуждалась теперь Коммуна. Исполнительная комиссия, созданная неделей раньше и составленная из делегатов разных ведомств, не справлялась с задачей. По словам члена Исполнительной комиссии П. Груссе, «она делала сверхчеловеческие усилия, чтобы заниматься

всем, и в общем не занималась ничем». Расгуль, Антуан Арно, Бийоре, Шампи, Фортюне и другие поддержали предложение Мио. Бийоре заявил: «Я стою за Комитет общественного спасения... Нам не нужна диктатура в военном министерстве... Нам нужен суверенный Комитет, чтобы привести в движение все эти учреждения». Эти соображения поддержал и Лео Мелье: «Нужны энергичные меры, а принять эти меры может только специальная комиссия, которой бы не мешали мелочи административной работы. Я предлагаю назначить такой Комитет общественного спасения для того, чтобы централизовать всю власть».

Шален также выступил в пользу создания КОСа: «Я хочу, чтобы он был облечен всей полнотой власти, даже над членами Коммуны». Этот довод развил в своем выступлении Э. Клеман: «Мне остается лишь повторить то, что говорят каждый день. Что такое Комитет общественного спасения? Политическая комиссия... Делегаты комиссий — это специалисты, поглощенные специальными деталями и вынужденные поэтому оставлять в стороне все политические вопросы». Еще яснее выразил эту мысль Антуан Арно: «У каждой комиссии имеются свои специальные функции. А КОС есть чисто политический комитет. Его функции не те, что у других комиссий... Каждая комиссия должна заниматься своей определенной задачей, тогда как этот Комитет общественного спасения и революции имеет иную цель».

Верморель согласился с Мио, «что необходимо усилить контроль и активность». Но он выразил опасение, что это может отрицательно отразиться на политическом авторитете Коммуны. Он предложил возвратиться к идее Комиссии общего контроля. Его поддержал левый прудонист Бабик. «Лично я не верю в опасность; я верю в коммунальную идею, которая стоит выше всякого предательства. Я верю в республику, в судьбу родины, возрожденной благодаря Коммуне. Вот почему я не могу одобрить создание Комитета общественного спасения».

На следующем заседании, 30 апреля, снова разгорелись споры, сосредоточившиеся главным образом вокруг того, как назвать преобразованный орган власти: Комитет общественного спасения (КОС), или Исполнительная комиссия, или, как предлагал Б. Малон, «Комитет руководства». Никто не сомневался в необходимости организации сильной и энергичной власти. «Нужно сконцентрировать уси-

лия всех, — заявил бабувист Пийо — Иногда, слишком часто, декреты Коммуны остаются мертвой буквой. Среди населения образуются группировки, которые стремятся, под флагом республиканизма, задуть Коммуну и заменить ее чем-то вроде республики 48 года». Эдуард Вайян предложил «не создавать пародии на революцию. Важно преобразовать самую Коммуну, сделать ее тем, чем была первая Парижская Коммуна¹⁰, т. е. собранием совместно работающих комиссий, а не парламентом, где каждый стремится высказаться».

Даже прудонисты Арнольд и Лонге считали необходимым реорганизацию Коммуны и во внесенной ими резолюции предложили создать Комитет из пяти членов, который «будет заниматься исключительно исполнением всех декретов Коммуны».

Статья 1 проекта декрета Мио, гласившая: «Немедленно будет организован Комитет общественного спасения», вызвала возражения не по существу, а только из-за названия. Поименное голосование показало, что голоса разделились пополам (по 26).

Статья 2, гласившая: «Он будет состоять из пяти членов, избранных Коммуной голосованием кандидатуры каждого в отдельности», была утверждена единогласно. Статья 3, которой в окончательном виде была придана следующая формулировка: «Этому Комитету предоставляется самая широкая власть над всеми делегациями и комиссиями, он будет ответствен только перед Коммуной», принимается большинством — 33 голоса против 16. Но после обмена мнениями по всему проекту в целом, Парижская Коммуна решила отложить его голосование до следующего заседания, которое состоялось 1 мая. На этом заседании присутствовало 68 членов. При поименном голосовании статьи 1 за название «Комитет общественного спасения» было подано 34 голоса, за название «Исполнительный комитет» — 28. При поименном голосовании проекта в целом за его принятие высказалось 45 членов Коммуны, против — 23. 17 человек (Андриё, Ланжевен, Остен, Верморель, В. Клеман, Тейс, Серрайе, Авриаль, Малон, Лефранс, Курбе, Э. Жерарден, Клеманс, Арт. Арну, Белэ,

¹⁰ Вайян имел в виду Парижскую Коммуну — муниципалитет столицы и ее роль в годы Великой французской буржуазной революции (1792—1794).

Валлес и Журд) в своем заявлении так обосновали свою позицию: «Учитывая, что учреждение Комитета общественного спасения будет иметь главным результатом создание диктаторской власти, которая нисколько не усилит Коммуну; учитывая, что это учреждение будет определенно противоречить политическим устремлениям массы избирателей, представительницей которых является Коммуна; учитывая поэтому, что создание Коммуной любой диктатуры было бы с ее стороны настоящей узурпацией народного суверенитета, мы голосуем против». Таким образом, в этом заявлении оппозиция подводила уже теоретическую и политическую базу против создания Комитета общественного спасения.

Значительный интерес представляет мотивировка заявления Вайяна, который голосовал за декрет в целом и лучше других понимал действительные причины кризиса Коммуны. Он писал: «Я не разделяю иллюзий собрания, которое считает, что оно учредило директивный политический комитет, Комитет общественного спасения... Если бы собрание хотело иметь подлинный исполнительный комитет, который действительно взял бы на себя руководство положением и смог бы предотвратить всякие политические случайности, ему следовало бы начать со своей собственной перестройки, перестать быть маленьким болтливым парламентом, уничтожающим на другой день по прихоти своей фантазии то, что он создал сегодня, препятствующим осуществлению решений своей Исполнительной Комиссии... Исполнительному комитету должны были передаваться политические дела, а комиссиям — все дела, подлежащие компетенции этих различных комиссий. Тогда заседания проходили бы без ненужных инцидентов и, вместо того чтобы спорить, собрание принимало бы решения. За исполнительный комитет такого рода, который один только может действительно носить название „Комитет общественного спасения“... я буду голосовать утвердительно без дальнейших фраз».

Когда было приступлено к избранию членов КОСа, 25 членов Коммуны подали заявление о своем отказе выставить кандидатуры и принимать участие в выборах. В их числе были и те 17 человек, о которых мы говорили выше. Таким образом возникло компактное «меньшинство», основное ядро которого составляли прудонисты (правые и левые). «Большинство» составлял блок бланкистов

и неоякобинцев и примыкавших к ним. Так в Коммуне образовались две группировки, которые, как мы увидим ниже, скоро превратились, правда на короткое время, в две враждующие обособленные фракции.

В Комитет общественного спасения были избраны: Антуан Арно (33 голоса), Ранвье (27 голосов), Ш. Жерарден (24 голоса), Лео Мелье (27 голосов) и Ф. Пиа (24 голоса). Трое первых примыкали к бланкистам, остальные были неоякобинцами. Антуан Арно и Ш. Жерарден были членами Интернационала.

Трое членов Коммуны — прудонисты Журд, Белэ и В. Клеман подали в президиум собрания заявления об отставке.

В КОСе, избранном 1 мая, значительную роль стал играть Ф. Пиа, «герой фразы», «злой гений революции», как его называл Маркс. Пиа был избран в Комитет значительным большинством.

В ночь с 1 на 2 мая версальцы предприняли атаку Клямара и захватили его почти без сопротивления. Они начали новую атаку замка Исси. Ф. Пиа совместно с А. Арно и Л. Мелье отдал письменный приказ генералу Врублевскому выступить на помощь Исси. Хотя положение на южном участке фронта, которым командовал Врублевский, также было напряженным и опасным, он не решился послушаться приказа КОСа, хотя военный делегат Россель не был поставлен в известность об этом приказе. В ночь с 3 на 4 мая, когда Врублевский находился на участке Исси с частью своих войск, версальцы на его участке внезапной атакой овладели важным стратегическим пунктом — редутом Мулен-Сакле. В этом бою коммунары понесли большие потери. На участке Я. Домбровского положение в его отсутствие также ухудшилось.

Вмешательство КОСа в оперативные дела военного командования обострило отношения между Росселем и Комитетом. На заседаниях Коммуны 4 и 5 мая обсуждался этот инцидент. Ф. Пиа вначале отрицал, что он дал Врублевскому такой приказ, но когда на заседании прочитали этот приказ за его подписью, он должен был признать, что забыл об этом.

Ф. Пиа были предъявлены и другие обвинения. 2 мая он в своей газете «Мститель» выступил с открытым письмом «Господину Тьеру», в котором призывал к примирению. «Никто более нас не исполнен доброй воли в самом

мирном смысле этого слова. Париж хочет мира с Версалем, чтобы покончить с Пруссией», — писал он. А 4 мая он зачитал на заседании Коммуны предложение трех членов буржуазной «Республиканской лиги» о заключении перемирия с Версалем на 20 дней с целью добиться соглашения. Все это свидетельствовало о капитулянтском поведении Ф. Пиа, о его колебаниях и неверии в силы революции. Вот почему несколько членов Коммуны (П. Грессе, Жоаннар, Верморель и др.) резко осудили подобную политику и требовали решительного порицания Пиа. Таким образом, Пиа разоблачил себя как пораженец, соглашатель и дезорганизатор революционных рядов. Против него ополчилось большинство тех, кто временно поддерживал его своим доверием, увлеченные громкой революционной фразеологией и традициями старого якобинизма. Ф. Пиа бесславно сошел с политической сцены.

Представители «меньшинства» старались использовать эту ошибку для дискредитации старой идеи КОСа. 5 мая Верморель заявил: «Я ставил в упрек Комитету общественного спасения: 1) что он ухудшил военное положение своим вмешательством в вопросы, касающиеся лишь военных; 2) что он ухудшил внутреннее положение, принимая примирителей, вместо того чтобы применить против них крутые меры; 3) что он не сумел избежать внутренних конфликтов по поводу Центрального Комитета».

Авторитет членов Комитета был, в связи с этими фактами, очень подорван, а отношения между «большинством» и «меньшинством» еще больше обострились. Дело дошло до того, что 7 мая очередное заседание Коммуны не могло состояться, так как явилось всего 26 человек (из которых 10 принадлежали к «меньшинству»). Это объяснялось тем, что представители «большинства» собрались в это время на свое отдельное совещание в мэрии I округа, где они раньше заседали неоднократно. Газета «Мститель» 12 мая сообщала о таком же сепаратном совещании, состоявшемся накануне. Когда 9 мая стало известно об эвакуации форта Исси, снова был поставлен вопрос о Комитете общественного спасения. В этот трагический день Россель опубликовал сообщение о том, что «трехцветное знамя развевается на форте Исси». Это сообщение произвело очень тягостное впечатление на народ. Не ограничившись этим, Россель написал открытое письмо Коммуне, переданное также в редакции многих парижских газет. В нем он рез-

ко выступил против Коммуны, Центрального Комитета Национальной гвардии, Комитета артиллерии и начальников легионов, обвинив их в неспособности к действиям. «Я имею на выбор две линии: сломить препятствия, мешающие мне действовать, или уйти в отставку. Я не сломлю препятствий, ибо препятствие — это вы и ваша слабость», — писал Россель. Это письмо, опубликованное в газетах, перед лицом врага, являлось почти прямой изменой¹¹.

Политические дебаты открыл Делеклюз. В речи, полной пафоса и тревоги, он утверждал: «Надо немедленно принять решительные меры.. Нужно создать единство командования. Я предлагал сохранить единство политического руководства... Комитет общественного спасения... не отвечает тому, чего от него ожидали, его нужно отозвать... Ваш Комитет общественного спасения уничтожен, раздавлен под тяжестью воспоминаний, которые над ним довлеют, он не делает даже того, что могла бы делать обычная исполнительная комиссия».

С этого момента заседание, по требованию большинства членов Коммуны, проходило в секретном порядке. На нем было решено переизбрать Комитет и превратить его в непрерывно действующий орган с местопребыванием в рагуше. Чтобы усилить авторитет КОСа и предоставить возможность членам Коммуны посвящать все свое внимание работе на местах, в своих мэриях, решено было, что заседания Коммуны будут созываться три раза в неделю. Было решено также, что работа в мэриях округов должна вестись непрерывно, «чтобы авторитетно принимать меры, диктуемые потребностями момента». Решено было «создать военный трибунал, члены которого будут немедленно назначены Военной комиссией».

В новый Комитет общественного спасения были избраны бланкисты Эд, Ранвье и Антуан Арно, неоякобинцы Гамбон и Делеклюз¹². Таким образом, «большинство» вновь

¹¹ Письмо Росселя было перепечатано 11 мая в версальской «Официальной газете» со следующей сопроводительной заметкой «Письмо, в котором он излагает мотивы своего решения, бросает такой яркий свет на анархию и многовластие в правительстве инсургентов и на неизбежный и близкий конец восстания, что мы не колеблемся поместить его целиком».

¹² Так как Делеклюз, будучи гражданским делегатом при Военном министерстве, считал это несовместимым с пребыванием в КОСе, на заседании 12 мая он был заменен Биоре, также сторонником «большинства».

одержало победу Их кандидаты, получившие солидное большинство (Ранвье, например, получил 36 голосов из 53), были намечены на отдельном совещании их сторонников, проведенном в соседнем зале (об этом рассказывают Лиссагаре и Лефранс в своих книгах о Коммуне) Сторонники «меньшинства» на этот раз тоже приняли участие в избрании КОСа

Образование КОСа второго состава не только не принесло умиротворения, но повело к дальнейшему обострению борьбы внутри Коммуны. К середине мая эта борьба достигла апогея. Комитет общественного спасения, пользуясь предоставленной ему «властью над всеми делегациями и комиссиями», начал заменять неудобных ему членов. 13 мая он вывел из Комиссии общественной безопасности сторонника «меньшинства» Вермореля, взамен которого был введен бланкист Ферре. В эти же дни был снят с интендантства Варлен. На заседании 12 мая член КОСа Эд заявил, что «Комитет общественного спасения потребовал также отставки Военной комиссии» (состоявшей в подавляющем большинстве из сторонников «меньшинства»). 15 мая Военная комиссия была обновлена. Вместо Арнольда, Авриала, Варлена, Тридона и Жоаннара были назначены Бержере, Жерем, Ледруа, Лонкл, Сикар и Урбен, — все сторонники «большинства». Редактор «Официальной газеты» прудонист Лонге был заменен близким к бланкистам Везинье.

12 мая КОС обратился с воззванием «К народу Парижа», в котором содержался призыв к бдительности. «Народу надо хорошо знать, что от него одного, от его бдительности, от его энергии, от его единства зависит окончательный успех. То, что реакция не смогла сделать вчера, она снова попытается сделать завтра. Пусть все бдительно следят за ее действиями. Пусть все руки будут готовы безжалостно ударить по изменникам. Пусть все живые силы революции объединятся в высшем усилии, и тогда, только тогда победа будет обеспечена».

Комитет общественного спасения второго состава был более однороден по своим политическим взглядам, и поэтому его действия стали более энергичными и решительными. 12 мая был восстановлен Военный трибунал под председательством старого революционера бланкиста Гуэ. С 15 мая каждый гражданин обязан был иметь при себе удостоверение личности, и национальные гвардейцы имели

право требовать у подозрительных граждан предъявить удостоверение, а если его не оказывалось, могли их арестовать.

Париж был наводнен шпионами и диверсантами Версаля, но Комиссия общественной безопасности работала недостаточно оперативно и четко и вызывала многочисленные нарекания. Теперь была объявлена борьба с дезертирством, принят ряд мер предосторожности, закрывались реакционные газеты, которые вели подрывную работу против Парижской Коммуны. 20 мая был издан декрет о привлечении к суду военного трибунала лиц, виновных в вербовке на сторону Версаля.

И раньше Коммуна прибегала к репрессиям, но только изредка и крайне осторожно — к закрытию реакционных буржуазных газет. Так, например, 18 апреля постановлением Коммуны были закрыты четыре враждебных Коммуне газеты, которые «открыто призывают к гражданской войне, сообщают врагу военные сведения и распространяют клевету на защитников Республики». Теперь КОС стал действовать решительнее. 11 мая закрыли шесть газет, 17 мая постановлением КОСа — еще десять газет, «виновных в нападках на Республику и Коммуну». Были введены ограничения для прессы¹³. Статья 2 этого постановления гласила: «До конца войны не может выходить ни одна новая газета», а в статье 4 говорилось: «Выпады против Республики и против Коммуны послужат основанием для привлечения к суду военного трибунала». Постановление предписывало также, чтобы все статьи печатались за подписью их авторов. Но в Коммуне нашлись люди, которые резко выступили против этих мер. Это были главным образом представители «меньшинства».

Решительные действия руководства еще больше обострили разногласия между «большинством» и «меньшинством»; они теперь стали собираться на свои отдельные фракционные собрания. 14 мая сторонники «меньшинства» собрались в здании почтового ведомства, которым руководил прудонист Тейс. На этом фракционном собрании было подробно обсуждено создавшееся положение и решено было огласить на очередном заседании Коммуны

¹³ За все время существования Коммуны было закрыто 36 газет и журналов, некоторые из них появились вновь под другим названием.

политическую декларацию «меньшинства», которая должна была разъяснить их позицию по основным вопросам дня и выяснить пункты расхождения с «большинством». Явившись в тот же день на очередное заседание в ратушу, где они намеревались огласить свою декларацию, подписанную 21 членом Коммуны, они не застали представителей «большинства». То же повторилось 15 мая. Тогда они составили протокол, в котором был зафиксирован этот факт, и решили опубликовать в газетах свою декларацию. На следующий день декларация была опубликована. К ней присоединился еще и Малон. В этой декларации Коммуне ставилось в вину, что «она отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала Комитетом общественного спасения». «Меньшинство» заявляло, что впредь не будет нести ответственность за политику Коммуны и не станет принимать в ней участия. «Мы... явившись впредь в собрание только тогда, когда оно конструируется в орган правосудия, чтобы судить кого-либо из своих членов». Авторы декларации заявляли, что они удаляются в свой округ для работы в мэриях; «среди наших братьев национальных гвардейцев мы примем участие в решающей битве, ведущейся во имя прав народа». Декларация заканчивалась словами: «Несмотря на наши политические разногласия, все мы — большинство и меньшинство — преследуем одну цель: политическую свободу, освобождение трудящихся. Да здравствует социальная республика! Да здравствует Коммуна!»

Подавляющее большинство подписавших декларацию составляли прудонисты (правые и левые и сочувствующие им). Ее подписал также бланкист Тридон.

Опубликование декларации было крупнейшей политической ошибкой. Позиция, которую заняло «меньшинство», по сути дела вела к расколу Коммуны. Демократическая печать с гневом обрушилась на раскольников. Бланкистская газета «Le salut public» («Общественное спасение») 18 мая писала: «Мы требуем привлечения к судебной ответственности этих граждан, оставляющих свой пост в момент опасности». Еще резче выступила газета «Отец Дюшен» (17 мая). «Отец Дюшен не ошибался, когда говорил несколько дней назад, что вы трусы и больше ничего... Ваши имена должны прозвучать в зале заседаний Военного трибунала, ибо вы дезертиры перед лицом врага».

17 мая после четырехдневного перерыва состоялось заседание Коммуны. На нем присутствовало 66 членов, из которых 16 являлись представителями «меньшинства» (Белз, Э. Жерарден, Лонге, Лефрансе, Малон и Тридон не явились). С резкой отповедью «меньшинству» выступил П. Груссе. Он заявил: «Я хотел бы прежде всего знать, является ли их присутствие среди нас отказом от прискорбного акта, в котором они повинны... Если члены Коммуны, объявившие о своем уходе, действительно намерены целиком посвятить себя избравшим их округам, я скажу — тем лучше! Лучше так, чем являться сюда, чтобы мешать людям, обладающим мужеством и решимостью принимать те меры, каких требует положение и за какие они, эти люди, принимают на себя всю ответственность. Если же эти члены, вместо того, чтобы честно выполнять свое обещание, попытаются маневрировать, чтобы поставить под угрозу благо Коммуны, из которой они дезертируют, то мы сумеем настигнуть и покарать их». Валлес и Клеманс, пытаясь оправдать свою точку зрения, заняли примирительную позицию. «Мы хотим объединения всех сил, чтобы обеспечить спасение, — говорил Валлес. — Мы просим вас поставить в порядок дня завтрашнего заседания дискуссию, в которой мы сможем рассмотреть факты и обеспечить объединение всех наших сил, чтобы пойти на врага».

Э. Вайян призвал к примирению: «Перед лицом происходящего я прошу собрание действовать, как орган, на который возложено спасение Парижа. Не надо больше внутренних раздоров. Декларация нанесла Коммуне тяжелый удар, так как поставила публично вопросы, которые должны были обсуждаться только секретным порядком. Но когда эти члены, отказываясь от своей декларации, возвращаются сюда, не надо колоть им глаза этой декларацией, побуждая их упорствовать в своей ошибке... Теперь остается только одно: пусть меньшинство разорвет свою программу, а большинство пусть скажет ему: объединим наши усилия ради общего блага, будьте с нами, ибо если вы будете против нас, мы вас сокрушим». В этом духе Вайян внес предложение, но «большинство» отвергло его. Было принято предложение Мийо, в котором «большинство» Коммуны заявляло: «1) что оно готово забыть поведение членов меньшинства, которые заявят о снятии своих подписей под декларацией; 2) что оно осуждает эту последнюю».

Представители «меньшинства» не пожелали принять поставленные им условия. Таким образом, несмотря на возвращение в Коммуну тех, кто подписал декларацию, примирение двух основных группировок не состоялось. Политические страсти не улеглись и на двух последних заседаниях Коммуны — 19 и 21 мая. Не помогло и решение экстренного заседания Федерального совета Парижской секции Интернационала, состоявшегося 20 мая, в котором оно призывало подписавших декларацию, «оставаясь на страже интересов рабочего класса, приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победы в борьбе против версальского правительства».

Между тем петля на шее Коммуны стягивалась все туже. 1 мая Обрезков, один из секретарей русского посольства, писал в Петербург: «Из доверительных сообщений, любезно сделанных мне главой исполнительной власти, следует, что из обсуждавшихся способов возобладать способ регулярной осады... С некоторых пор немецкие военные власти начали способствовать ведению подобной осады, захватывая для собственных нужд все предназначающееся для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы... Это участие добровольно и, кажется, порождается исключительно желанием как можно скорее покончить с мятежом».

С этого времени началась планомерная осада версальцами парижских укреплений. Они все ближе придвигались к крепостным сооружениям. При этом Тьер пользовался всеми доступными ему средствами — шпионажем, диверсией, подкупом, чтобы быстрее достичь своих целей. 8 мая Обрезков доносил в Петербург: «Тьер ничем не пренебрегает, чтобы завладеть Парижем».

После падения форта Исси, версальцы все свои усилия направили на форты Ванв и Монруж. Это резко ухудшило положение на южном участке фронта, которым тогда командовал Врублевский. Он располагал незначительной горсткой бойцов (всего 6—8 тыс.), которая героически сдерживала натиск в 7—8 раз больших сил противника. А на участке Я. Домбровского положение было еще трудней: 8 тысячам бойцов противостоял 1 корпус версальцев под командованием Ладмиро в составе 30 тыс. солдат и дивизии Кленшана и Дуэ в количестве 50 тыс. бойцов с мощной артиллерией. Их продвижение поддерживалось огнем

батарей Мон-Валерьяна, Монтрету, Севра и Медона. 15 мая Делеклюз созвал экстренное заседание Военного совета с участием генералов Домбровского, Врублевского, Ла Сесилия и других командиров. На этом совещании было решено провести новую перегруппировку сил и командования. На следующий день КОС назначил гражданских комиссаров при командующих тремя армиями Коммуны.

В тот же день Парижская Коммуна обратилась с воззванием к большим городам Франции. «Париж заключил договор со смертью. За фортами у него есть стены, за стенами — баррикады, за баррикадами, которые придется вырывать у него силой, дом за домом, которые он в случае необходимости скорее взорвет, чем сдаст на милость противника.

Большие города Франции! Неужели вы станете неподвижно и бесстрастно наблюдать за этим смертельным поединком между Будущим и Прошлым, Республикой и Монархией?.. Почему вы медлите и не поднимаетесь?.. Прошло время деклараций, теперь слово за орудиями. Довольно платонического сочувствия. У вас есть ружья и снаряды. К оружию же! Восстаньте, города Франции!.. Париж исполнит свой долг и исполнит его до конца. Но не забывайте и вы его — Лион, Марсель, Лилль, Тулуза, Нант, Бордо и другие... Если Париж падет за свободу всего мира, то история в своем приговоре будет вправе сказать, что Париж погиб потому, что вы допустили его гибель». Ко второй половине мая версальские войска подошли вплотную к укреплениям Парижа на западной и южной его границах, угрожая фортам Бисетр и Монруж. Их артиллерийский огонь все более усиливался. На участке Сен-Клу — Ванв — Монруж Тьер стягивал все новые и новые силы.

К этому времени относится также соглашение с немецким командованием о блокаде севера и востока Парижского укрепленного района, в результате которого версальцам разрешалось переходить через вражеское ограждение. 18 мая русский посланник в Берлине Убри доносил Горчакову: «Ожесточение версальской армии, по-видимому, достигло своего апогея. Солдаты не желают больше брать пленных. Господин Тиле¹⁴ сказал мне, что они герметиче-

¹⁴ Тиле — помощник статс-секретаря германского министерства иностранных дел

ски блокируют север и восток столицы, позволяя при этом войскам республиканского правительства (т. е. версальского.— А. С.) проходить через свои окопы». Версальские войска отличались особой жестокостью. Даже лондонская консервативная газета «Таймс» писала 10 мая: «Коробит от ужаса, когда читаешь сообщения из Версаля о зверствах, совершаемых хладнокровно в Клямаре, Мулен-Саке... А министры, докладывающие версальскому собранию о подобных делах, стараются не пропустить при перечислении ни одного зверства, которым тот или другой из них отличился».

Командующий фронтами Домбровский, Врублевский и Ла Сесилия принимала героические усилия, чтобы удерживать линию фронта. Но в беспрестанных боях силы их таяли. Не удавалось обеспечить сколько-нибудь значительное пополнение сил и даже необходимое количество снарядов из-за ненадежности транспорта и плохой работы интендантства. Утром 21 мая Домбровский обратился к Делеклюзу с донесением, в котором со всей остротой ставит вопрос об обороне Парижа. «Несмотря на все мои усилия,— писал он,— линия неприятельских траншей приближается... Они вооружены теперь мортирами, огонь которых вместе с огнем с Мон-Валерьяна, с батареей Монтрету, Медона, Валь-Флерн, Мулино и фортов Исси обстреливает местность в тылу всех наших линий вплоть до высоты бастиона 57. Часть пояса укреплений от Пуэн-дю-Жур до ворот Отей не защищена; батальоны, посылаемые в эти места для несения службы, сразу в беспорядке возвращаются в Париж, а неприятель, пользуясь таким положением, усиливает свои работы на укреплениях близ ворот Сен-Клу, в ста метрах от вала. Сегодня ночью я попытался сделать вылазку с вольными отрядами, находящимися под моим командованием; одной колонне, вышедшей из Нейи, удалось вступить в Булонский лес; остальные войска, которые должны были выйти через ворота Отей и Пасси, не смогли выйти из пояса укреплений из-за огня, который противник вел по воротам. Ворота разрушены, подъемный мост уничтожен, следовательно, вся связь с внешним миром прервана. Штурм неминуем. Я имею честь, если таково и Ваше намерение, применить, ввиду необходимости, самые решительные меры для организации сопротивления».

«Я получил 30 мортир,— продолжает он, у меня нет людей для их обслуживания, я не имею ни снарядов, ни

приспособлений, необходимых для применения этих орудий. Войска, находящиеся в моем распоряжении, состоят лишь из 4 тысяч бойцов в Ла-Мюэтт и приблизительно 2 тысячи в Нейи, такое же количество в Аньере и Сент-Уане. Мне не хватает артиллеристов и главным образом рабочих, между тем как настоящий момент требует большого развертывания оборонительных работ, которые только и могут задержать наступление катастрофы».

Лефрансе, побывавший в ту же ночь на позициях Ла-Мюэтт, писал: «Казематы всюду покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть погребенным... Вокруг нас все пустынно... Траншеи неприятеля не доходят лишь на 15 метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат... Положение весьма серьезно».

В тот же день генерал Ла Сесилия сообщил Делеклюзу о положении на центральном участке фронта, которым он командовал: «На бастионах, от версальских ворот до Ба-Медон, нет больше ни одного национального гвардейца. Артиллеристы, со своей стороны, покинули пост, а командир Барстельд поднял панику и исчез. Пошлили 3 тысячи национальных гвардейцев беглым шагом (повторяю, три тысячи). Если нужно, бейте сбор, но не теряйте ни мгновения. С минуты на минуту ждем атаки». На этом донесении Жоаннар, гражданский комиссар при армии Ла Сесилия, приписал: «Прошу вас, поскорее». Но Делеклюз не имел резервов и не мог помочь фронту.

21 мая около трех часов дня часть версальских войск, по указанию шпиона, вступила в Париж через ворота Сен-Клу. Вскоре они заняли два соседних бастиона. К вечеру уже 30 тысяч солдат версальской армии очутились в стенах Парижа. Узнав о прорыве в Сен-Клу, Домбровский немедленно дал знать об этом Делеклюзу и КОСу и просил подкрепления. «Это серьезное событие не должно приводить вас в уныние,— писал он.— Прежде всего сохраним хладнокровие. Ничто еще не потеряно; если, паче чаяния, версальцы удержат эту часть укреплений, то мы взорвем все, что у нас заминировано, и будем держать их на значительном расстоянии от своей второй оборонительной линии, опирающейся на виадук Отей». Он призывал сохранить спокойствие, «и все будет спасено: мы не должны потерпеть поражение!» Эта депеша Домбровского была оглашена на секретном заседании Коммуны в 7 часов ве-

чера. Но ни КОС, ни военная комиссия не располагали силами, чтобы прийти на помощь командованию фронта

Вечером 21 мая Делеклюз и члены КОСа обратились с воззванием к населению Парижа и национальной гвардии. «Довольно милитаризма, довольно штабных военных с нашивками и позолотой на всех швах! Место народу, бойцам с голыми руками! Пробыл час революционной войны. Народ ничего не понимает в искусных маневрах, но, имея ружье в руках и мостовую под ногами, он не боится никаких стратегов монархической школы. К оружию! Граждане, к оружию!». Это воззвание по сути дела означало отказ от организованной и планомерной борьбы и призывало к активным, но разрозненным партизанским действиям против хорошо вооруженного, во много раз превосходящего по силе врага.

В ту же ночь, поднятый по тревоге, народ Парижа принялся за постройку баррикад. За одну ночь их было воздвигнуто около 600. Но это были в большинстве случаев примитивные сооружения, построенные без общего плана, возникавшие стихийно. Лиссагаре, участник этих боев, пишет о них: «Баррикада, построенная в майские дни — это груды камней и несква в рост человека. Сзади иногда пушка или митральеза, по середине укрепленное двумя булыжниками знамя красного цвета, цвета мщения. Около двадцати человек за этими ничтожными укреплениями останавливали целые полки».

Коммуна уже не смогла оказать организованное сопротивление ворвавшимся версальским войскам, так как ни ее военное руководство, ни КОС не были подготовлены к тому, чтобы встретить врага во всеоружии. Ж. Аллеман писал в своих воспоминаниях: «Значительная часть города была уже в руках версальцев, которые продвигались по обоим берегам Сены, а военная делегация не сумела оказать им мало-мальски серьезное сопротивление. Лавина готовилась обрушиться на нас, а большинство наших батальонов находилось вне Парижа или были разбросаны по разным пунктам».

21 мая в 7 часов вечера Тьер разослал всем департаментам следующую телеграмму: «Ворота Сен-Клу рухнули под огнем наших орудий. Генерал Дуэ устремился туда и входит в настоящую минуту в Париж во главе своих войск. Корпуса генералов Ладмиро и Кленшана готовятся последовать за ним».

В полдень 21 мая Тьер передал Ж. Фавру письмо для Бисмарка, в котором сообщал: «Пусть г. Бисмарк будет вполне спокоен. Война окончится в течение недели. Нами пробита брешь в Нейи, расширением которой теперь заняты... Умоляю г. Бисмарка во имя дела порядка дать нам возможность закончить подавление антиобщественного разбоя, воцарившегося на несколько недель в Париже. Поступить иначе означало бы снова нанести ущерб партии порядка во Франции, а следовательно, и в Европе. Пусть положатся на нас».

Одновременно Тьер обратился к Бисмарку с просьбой о немедленном осуществлении статей тайного дополнительного соглашения о полной блокаде Парижа. 22 мая Бисмарк телеграфировал Мольтке: «Господин Тьер выдвинул просьбу, чтобы главное командование немедленно осуществило полную изоляцию Парижа». Мольтке тотчас же ответил: «Полная изоляция была подготовлена и уже осуществлена». Главнокомандующий версальской армией генерал Мак-Магон утром 22 мая появился в Париже и тотчас установил связь с принцем Саксонским. Прусское командование разрешило версальским войскам пройти через нейтральную зону к северу и востоку от Парижа, что дало версальцам возможность обойти коммунаров на Монмартре и Клиньянкюре. В тот же день генерал Монтодон, воспользовавшись разрешением пруссаков, прошел через нейтральную зону и овладел селениями Леваллуа-Перри и воротами Майо.

К 3 часам 22 мая части версальских войск, проникшие через ворота Сен-Клу, Отей, Пасси, Севрские и Версальские, заняли Трокадеро, Триумфальную арку, военную школу — около одной пятой части столицы. Свыше 90 тысяч солдат вошло в Париж.

22 мая КОС выпустил воззвание: «Пусть все добрые граждане восстанут! На баррикады! Враг в наших стенах! Не медлите! Вперед за Республику, за Коммуну, за свободу! К оружию!»

На рассвете 23 мая начались ожесточенные бои. Войска генералов Дуэ, Ладмиро и Монтодона атаковали высоты Монмартра. Войска генерала Кленшана, овладев Новой оперой и пристанью Сен-Лазар, направились в Батиньоль, разрушили баррикады в Клиши и расположились у подножия укреплений на Монмартре. В половине третьего штурмом был захвачен Батиньоль. Квартал Пигаль, площадь

Трините были заняты со стороны Монпарнаса. В ожесточенных боях у площади Инвалидов и у Бурбонского дворца было захвачено в плен 4 тысячи коммунаров и 200 пушек. Борьба сосредоточилась на площади Согласия, Тюильри и вокруг ратуши. Начались массовые расстрелы коммунаров. К ночи версальская контрреволюция уже завладела половиной Парижа (частью I и IX округов и полностью VII, VIII, XIV XV, XVI, XVII и XVIII округами).

В эти дни ужасной «майской недели» коммунары проявляли чудеса храбрости, бесстрашия и преданности великой идее. Лефрансе вспоминал: «Какую неравную борьбу должны были вынести мы в течение этих дней, когда горсть национальных гвардейцев и три батальона добровольцев удерживали целый корпус генерала Сиссэ. Мы сражались один против шести, и все же был момент, когда почти можно было надеяться на победу: настолько неохот-

но шли версальские солдаты в наступление. Но сдался Монмартр, и с вершины, откуда следовало громить версальские полки, полетели снаряды в самый центр Парижа, сражающегося за социальную революцию».

О героических делах славных коммунарок в эти дни писала Луиза Мишель: «Проходят женщины с красными знаменами впереди: у них собственная баррикада на площади Бланш. Тут Елизавета Дмитриева, Лемель, Мальвина Пулен, Бланш Лефевр, Эскафон. Андраэ Лео была на баррикадах Батиньоля. Более 10 тысяч женщин, группами или поодиночке, сражались в майские дни за свободу». «Женщины дрались словно львицы,— подтверждает Лефрансе,— состязаясь в героизме с артиллеристами и национальными гвардейцами. Они старались быть впереди всех, они сражались и ухаживали за ранеными. Они же

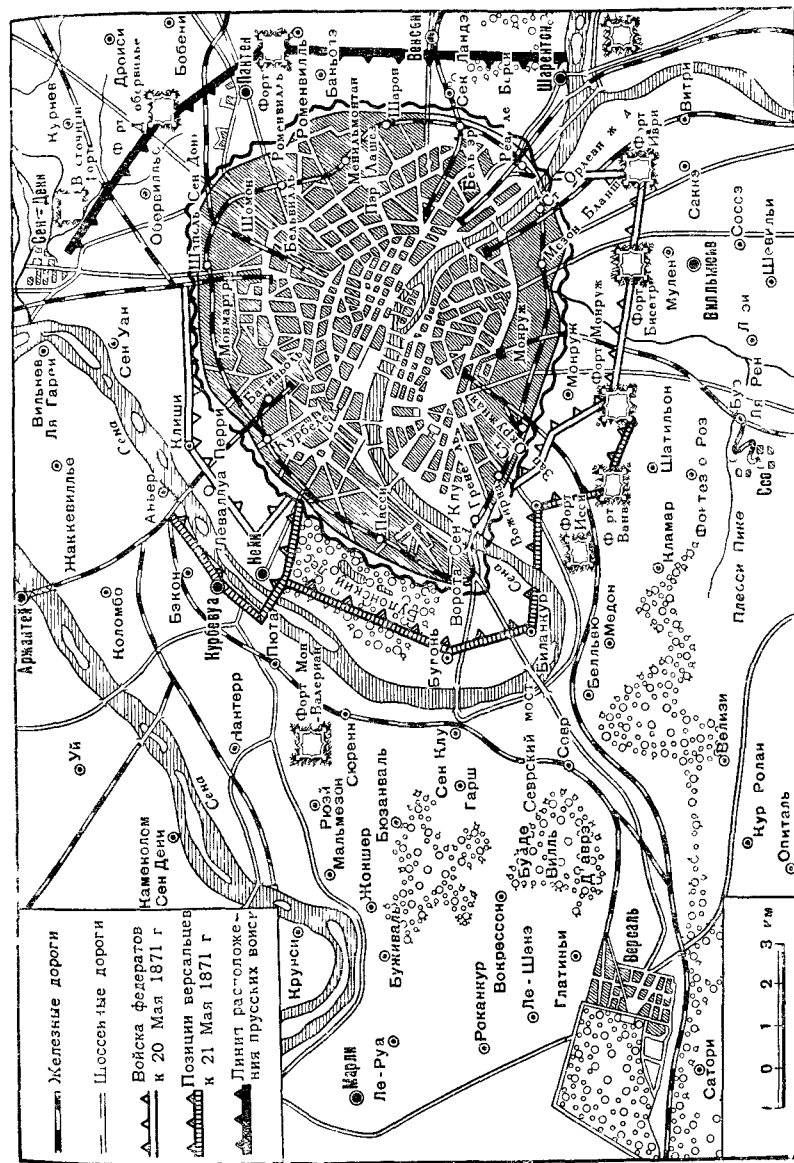
уносили трупы и приносили боевые припасы. Замечательные создания! Как поднимал мужество их пример».

Даже ярые враги коммунаров вынуждены были отметить их бесстрашие и героизм, преданность великим идеям освобождения труда. Главнокомандующий версальской армией Мак-Магон признавал в своих показаниях парламентской следственной комиссии: «Эти люди охвачены каким-то особым возбуждением. Некоторые из них сражаются с неукротимой энергией. Некоторые умирают с красным знаменем в руках на баррикадах; казалось, они верят, что защищают святое дело».

22 мая КОС обратился с воззванием к версальским солдатам: «Парижский народ никогда не поверит, что вы можете направить против него оружие.. Вы, как и мы, пролетарии; вы, как и мы, заинтересованы в том, чтобы не оставлять больше монархистам-заговорщикам право пить вашу кровь, как они выжимают из вас пот. Вы снова сделаете то, что сделали 18 марта, и народу не придется со скорбью бороться с людьми, которых он считает братьями и которых хотел бы видеть рядом с собой на гражданском пиршестве Свободы и Равенства».

На следующий день ЦК Национальной гвардии также выпустил воззвание к версальским солдатам. В нем он зывал к их совести, к их сердцу, призывая к братанию. «Мы отцы семейств. Мы сражаемся за то, чтобы нашим детям не пришлось когда-нибудь сгибаться, подобно вам, под игм военного деспотизма. Вы когда-нибудь станете отцами семейства. Если вы сегодня будете стрелять в Народ, то ваши сыновья проклянут вас... Солдаты, дети и братья наши, выслушайте внимательно эти слова и пусть ваша совесть решает. Когда приказ бесчестен, неповиновение становится долгом».

Бои продолжались с неослабевающим упорством. Чтобы задержать продвижение версальцев, были подожжены здания в разных частях города. Пылали Тюильри, здание Почетного легиона, Государственный совет и др. Пылала ратуша. Счетная палата и министерство финансов загорелись от снарядов версальцев. Буржуазная пресса обвинила коммунаров и «керосинщиков» в «злонамеренных кознях». Она травила их, как «поджигателей» и «варваров», которым под завесой огня пожаров легче грабить. Эту наглую ложь разоблачил К. Маркс. «На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. — писал он. — Здания,

Карта Парижского укрепленного района

занятые неприятелем, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами предадут их огню, чтобы нападающие не могли укрепиться в них... Коммуна пользовалась огнем, как средством обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные прямые улицы, которые Осман специально приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, применяли гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огопь Коммуны»¹⁵.

В этот же день Центральный Комитет Национальной гвардии выпустил афишу об условиях прекращения военных действий, которая была расклеена кое-где по стенам, а на следующий день была опубликована в последнем номере «Официальной газеты». В обращении ЦК писал: «Сегодня и в последний раз, перед лицом несчастий, которые могут обрушиться на всех, мы предлагаем героическому вооруженному народу, избравшему нас, мы предлагаем заблуждающимся людям, нападающим на нас, единственное решение, которое способно прекратить кровопролитие, ограждая при этом завоеванные Парижем законные права». ЦК предлагал: 1) Национальному собранию, как и Парижской Коммуне, распустить себя; 2) регулярную армию отвести от Парижа на расстоянии не менее 25 километров; 3) создать временную власть из делегатов от городов с 50-тысячным населением, которое из своей среды создаст временное правительство, задачей которого будет проведение выборов в Учредительное собрание и в Парижскую Коммуну; 4) стороны не будут применять «репрессии ни по отношению к членам Собрания, ни по отношению к членам Коммуны». Это примиренческое предложение, адресованное классовому врагу в момент ожесточенного боя, когда решалась судьба Коммуны, было на руку только версальцам. Лиссагаре правильно отмечает, что оно «внесло новый разброд в дело обороны».

24 мая в бою на баррикадах улицы Мира был смертельно ранен генерал Я. Домбровский. На рассвете этого же дня члены Парижской Коммуны перешли в мэрию XI округа, ставшую центром сопротивления версальской контрреволюции. Днем там было проведено заседание Парижской

Коммуны, на которое собралась часть ее членов. Выступивший с речью Делеклюз призывал членов Коммуны самим повести в бой тех, кто остался верным красному знамени.

В тот же день на заседание Коммуны в XI округе явился секретарь американского посланника в Париже «с предложением от пруссаков о посредничестве между версальцами и коммунарами на следующих условиях: приостановка военных действий, переизбрание Коммуны, с одной стороны, и Национального собрания — с другой. Версальские войска оставляют Париж и размещаются вокруг него. Национальная гвардия продолжает охранять Париж. Лица, которые служат или служили в армии Коммуны, не подлежат никакому наказанию». Это предложение было принято на секретном заседании с оговоркой, «что Франции должен быть представлен двухмесячный срок для подготовки всеобщих выборов в Учредительное собрание».

На утреннем заседании 25 мая была выделена делегация, в которую входили Делеклюз, Верморель, Арнольд, Вайян. Эта делегация отправилась в замок Венсенн для переговоров с представителем немецкого командования, но не была пропущена караулом Национальной гвардии. На следующий день Арнольд, также при содействии представителя американской миссии, получив пропуск, направился в Сен-Дени; однако он не был принят немецким военным командованием. Это был коварный маневр внутренних и иностранных сил контрреволюции, который не разглядели руководители Коммуны, поверившие в «нейтрализм» пруссаков. Маневр этот был рассчитан на то, чтобы разговорами о мнимом посредничестве отвлечь руководство Коммуны от организации активной обороны и этим в наиболее критический момент деморализовать и парализовать силы коммунаров. Обо всем этом сообщил позже член Коммуны О. Серрайе. К. Маркс использовал его заявление в своем письме Нью-Йоркскому Центральному Комитету секции Интернационала в США¹⁶.

Между тем наступление версальцев продолжалось. К вечеру 25 мая после кровопролитных боев за каждую пядь парижской земли в руках версальцев оказалось более четырех пятых территории Парижа. В этот день на

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 362—363.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 388—391

баррикаде площади Шато д'О был убит старый революционер Делеклюз. В своем последнем письме к сестре он писал: «Я не хочу и не могу служить жертвой победоносной реакции. После стольких поражений я не чувствую в себе сил перенести еще и это поражение».

Когда весть о проникновении версальцев в Париж дошла до правительств иностранных держав, там вздохнули с облегчением.

Дни 25—28 мая были самыми трагическими днями в истории Парижской Коммуны. С беспримерным мужеством и отвагой сражались пролетарии Бельвиля и Сент-Антуанского предместья. На одного коммунара, как утверждает Лиссагаре, приходилось двенадцать озверевших версальцев. После гибели Делеклюза военным делегатом был назначен Варлен. 25 мая в Бельвиле было опубликовано последнее воззвание руководителей обороны XIX округа за подписью члена КОСа Г. Ранвье и членов Коммуны Бержере, Внара и Тренке. «Граждане двадцатого округа, — читаем мы там. — Настал час ожесточенной борьбы с врагом, который два месяца ведет с нами беспощадную войну. Если мы падём, то вы знаете, какая судьба ожидает нас. Так возьмемся же за оружие! И не выпустим его из рук, пока не победим... Окажите помощь 19-му округу, помогите ему изгнать врага, вот в чем ваша безопасность; этим вы добьетесь победы. Не ждите, пока подвергнется нападению сам Бельвиль, тогда, возможно, будет слишком поздно. Итак, вперед! И Бельвиль снова победит».

26 мая пали баррикады Бастилии и Сент-Антуанского предместья. После яростных атак версальцы захватили форты Монруж, Бисетр. 27 мая ничтожная горстка храбрецов была отеснена к Шомонским высотам и на кладбище Пер-Лашез. Здесь они нашли последнее прибежище. Луиза Мишель в своих воспоминаниях восстанавливает картину последних битв. «Горсточка храбрецов с кладбища Пер-Лашез дерется против целой армии; бой идет среди могил, в канавах, в склепах; бьются врукопашную, саблями, штыками, прикладами ружей, чем попало; более многочисленная, лучше вооруженная, сохранившая свои силы для расправы с Парижем версальская армия крошит горсточку храбрецов. У высокой белой стены, выходившей на улицу Мира, были расстреляны оставшиеся в живых герои. Они пали с криками: „Да здравствует Коммуна!“»

27 мая, когда версальцами была захвачена последняя пядь земли в XI округе, центр обороны Парижской Коммуны перебрался в XX округ. Э. Вайян рассказал впоследствии о последнем заседании Коммуны в этот день в мэрии XX округа, помещавшейся на Бельвильской улице, против церкви. Наибольшую активность проявляли член КОСа Ранвье и делегат Коммуны от этого округа рабочий-сапожник Тренке. На заседание удалось собрать около пятнадцати человек. «Нельзя было больше скрывать, что наступил последний час, и мы стали обсуждать, что можно еще сделать. Все донесения сходились на том, что версальская резня охватила весь Париж», — писал Э. Вайян. Он предложил послать к ближайшему прусскому командиру парламентарера с просьбой о посредничестве в переговорах с версальцами о прекращении огня. Но «К. Мартен заявил, что, по его мнению, это было бы ошибкой, что величие Коммуны состоит и будет состоять в будущем в том, чтобы погибнуть в бою, не прибегая ни к переговорам с версаль-

цами, ни к капитуляции перед ними». После короткого обсуждения предложение Э. Вайяна было снято. Решено было собрать всех бойцов, каких можно будет найти для последней атаки, чтобы лучше ознаменовать конец сопротивления. Местом сбора была площадь Празднеств. Но и эта попытка не удалась.

28 мая в три часа дня прогремел последний выстрел коммунаров — пала последняя баррикада на улице Рампонно. Видя беспечность дальнейшей борьбы, 29 мая сдались в плен защитники форта Венсенн.

В неравной смертельной схватке погибли лучшие люди Коммуны. Среди них находился и Э. Варлен. Вместе с другими мужественными и стойкими коммунарами он дрался на последней баррикаде на улице Рампонно. Когда был выпущен последний патрон, он вместе с Гамбоном оставил баррикаду. Измученный, усталый, без сил, он свалился на скамью в сквере на улице Лафайет. Там он был опознан каким-то священником, который указал на него версальскому офицеру. Варлен был арестован. Со связанными на спине руками его повели на допрос к председателю военного трибунала. Варлен не вымолвил ни слова. Генерал отдал приказ о его расстреле. После издевательств озверевшей толпы Варлен был расстрелян у стены на улице Розье. Он умер с возгласом: «Да здравствует Коммуна!»

Парижская Коммуна была побеждена. Главнокомандующий версальских войск, палач Коммуны генерал Мак-Магон объявил об окончании войны. «Люди порядка», как именovali себя версальцы, торжествовали победу. 30 мая Окунев писал Горчакову в своем очередном донесении: «Итак, это ужасное восстание теперь окончательно подавлено. Последние бои, кажется, были чрезвычайно кровопролитны. Видя свою неминуемую гибель, инсургенты оказали войскам яростное сопротивление и понесли значительные потери. Большая часть их была расстреляна на месте. Захваченных в плен повстанцев отводили в учрежденный в квартале Ратуши в театре Шатле превотальный (военный — А. С.) суд и тут же во время заседания производилась над ними короткая расправа». На полях этого донесения рукой императора Александра II начертано: «Очень, очень рад».

Буржуазные газеты подстрекали к расправе. «Фигаро» писала 5 июня: «Перед г. Тьером стоит еще одна важная задача: очистить Париж... Другого такого случая излечить

Париж от разъедающей его вот уж 20 лет моральной гангрены может никогда не представиться. Надо обрушить на парижан всю тяжесть военных законов, сколь бы жестоки они ни были. Снисходительность была бы сейчас безумием».

Тьер выполнил волю господствующих эксплуататорских классов. Выступая в версальском Национальном собрании, он заявил: «Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к нашей цели; сегодня я пришел сказать вам, что цель достигнута. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу».

В течение «майской недели» (21—28 мая) Париж был превращен в бойню. Было объявлено осадное положение. «Убивали повсюду, — пишет французский историк Дюбрейль, — во дворах военных и профессиональных судов и вне их, у баррикад, в траншеях, под мостами, в домах, у водосточных канав, в катакомбах. Всякий офицер, унтер или солдат имел право судить собственной властью и убивать парижанина или парижанку. Убивали за слово, за жест, за имя, за сходство, даже ни за что, просто по указанию обезумевшей толпы. Убивали тех, кто сражался, и тех, кто не сражался; тех, кто прятал свое оружие, и тех, кто отдавал его; тех, наконец, у которых оставались еще от первой осады форменные штаны, пара штиблет; прохожих, у которых руки оказывались черными и лоснилось то место на одежде, куда прикладывается дуло ружья. Женщин убивали за то, что они керосинницы и купоросницы, детей — потому, что они дети коммунаров, а следовательно, конечно, следует уничтожить и приплод вместе с производителями. Убивали с наслаждением, играючи, все то, что имело рабочую внешность, что казалось республиканским».

Версальцы не щадили даже раненых и тяжело больных в госпиталях и их лечащий персонал. Лиссагаре рассказывал об отряде версальцев, который расстрелял начальника госпиталя Фано и перебил половину раненых, находившихся на излечении в семинарии Сен-Сюльпис, где было 2000 федератов. Вандализм версальцев можно сравнить только с варварской жестокостью фашистов «третьего рейха». Л. Мишель вспоминает: «В жертву каждому версальцу принесены были тысячи жизней коммунаров. Последние падали безымянные, без числа. Определить количество трупов никто не сумел бы; по официальным спис-

кам выходило 30 тысяч; но ближе к истине было бы сказать: более 100 тысяч... Трупы увозили возами, но новые горы их появлялись на месте убранных. Вся земля была усеяна телами мертвых».

К. Маркс приговоздил к позорному столбу палачей Коммуны. «Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 г. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того как версальцы вступили в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские бесчинства солдаты отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были... Те же хладнокровные массовые убийства людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же система пыток пленных; те же гонения, только на этот раз уж против целого класса; та же дикая травля скрывавшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; та же равнодушная зверская расправа с людьми совершенно непричастными к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы толпами расстреливать обреченных, что у них не было „в руках закона“, а на устах слова „цивилизация“»¹⁷.

Весь Париж находился в руках жестокой военщины, опьяненной кровью. В течение двух последующих месяцев продолжались обыски, облавы, аресты. «Предательство стало всеобщим, — вспоминает М. Вильом, один из редакторов газеты „Отец Дюшен“. Оно было так позорно и так подло, так огромно и так омерзительно, что сами военные власти, неумолимые даже в отношении самых мелких сошек из числа побежденных, возмутились против этой невероятной низости». Было подано около 389 тысяч анонимных доносов на «подозрительных», и по ним в одном только Париже с 22 мая по 13 июня было арестовано до 50 тысяч человек. Производя систематические обыски и облавы каждой улицы, власти выискивали свои жертвы с открытым цинизмом, по малейшим подозрениям. Все было основано на произволе и классовой ненависти.

Чтобы придать зверской классовой расправе внешний вид «законности», были учреждены чрезвычайные (превотальные) военные суды. «Мы прибегаем только к закону, —

лицемерно вопил Тьер в Национальном собрании, — при помощи закона необходимо уничтожить мерзавцев. Искупление будет полное. Оно произойдет именем закона, при помощи закона и на основании закона». 26 военных судов работали бесперерывно вплоть до 1876 г. М. Вильом сообщает: «В этой части левого берега [Сены], вмещающей округ Пантеон, действовало до полдюжины судов. Главная бойня была в Люксембурге. Но убивали и на Монетном дворе, и в Обсерватории, и в училище правоведения, и в Политехнической школе.. Расстреливали в Колеж де Франс по приговорам прево (военного судьи. — А. С.), устроившегося в зале налево от главного входа. Расстреливали на рынке Мобер. Шесть военных судов на один квартал! В каждом из них мертвые и мертвые. Люксембургский суд один приговорил более тысячи». Эти массовые расстрелы по приговору прево происходили в казармах Лобо, в Люксембургском саду, в тюрьме Ла-Рокет, у стен кладбища Пер-Лашез и в других местах.

М. Вильом в своей книге «В дни Коммуны» приводит рассказ одного из свидетелей этих ужасных событий: «Я принадлежал к 22-му батальону. Моя рота была вызвана, чтобы подбирать трупы расстрелянных в казарме Лобо. Это была настоящая свалка трупов. Нам пришлось засучить панталоны — сколько там было крови».

Коммунары вели себя героически перед лицом классовых врагов, мужественно отстаивая идеи Коммуны. Бланкист Теофиль Ферре, делегат Коммуны при префектуре полиции, бросил в лицо палачам из III военного трибунала, судившего его и 16 товарищей в августе 1871 г.: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках ее победителей. Они хотят моей головы — пусть берут ее. Никогда я не захочу спасти свою жизнь подлостью. Свободным я жил, свободным я умру. Прибавлю только одно: судьба капризна, и я завещаю будущему заботу о моей памяти и мести за меня». Он был казнен.

Бесстрашная и мужественная Луиза Мишель предстала перед VI военным трибуналом. 16 декабря 1871 г. на суде она заявила: «Я не хочу защищаться и не хочу, чтобы меня защищали. Вся моя жизнь принадлежит социальной революции, и я принимаю на себя ответственность за все свои действия без исключения... Мне говорят также, что я участница Коммуны. Да, конечно, это так. Ведь Коммуна стремилась прежде всего к социальной революции, а социаль-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 360.

ная революция — это самая дорогая для меня цель. Я горжусь тем, что была одним из ее глашатаев». Свое последнее слово на суде она закончила так: «Вы говорите, что меня надо изъять из общества и вам приказано это сделать. Ну, что ж. Комиссар республики прав. Так как всякое борющееся за свободу сердце имеет только одно право — на маленький кусочек свинца, то я требую своей доли. Если вы оставите меня в живых, я не перестану кричать о мщении и призову своих братьев к мести убийцам. Если вы не трусы, убейте меня». Суд не решился приговорить ее к казни, он вынес решение о ее ссылке и содержании в крепости. Лиссагаре, рассказывая о ее героизме, замечает: «Л. Мишель не была единственным в своем роде явлением».

Военные суды действовали беспощадно. Они вынесли не менее 50 тысяч приговоров за участие в Коммуне. Выносили они решения и заочно — тем, кто не попал в их кровавые лапы. Заочно был осужден, например, Лео Франкель, которому VI военный трибунал 19 ноября 1872 г. вынес смертный приговор. Военным трибуналом заочно был приговорен к смерти и член Коммуны, рабочий поэт и художник, член Интернационала Эжен Потье, автор знаменитого пролетарского гимна «Интернационал». Таких заочных смертных приговоров было вынесено 120. Среди приговоренных военным судом находилось 29 членов Парижской Коммуны и 49 членов ЦК Национальной гвардии.

Согласно докладу генерала Аппера, который возглавлял работу военных судов, среди осужденных было: поденщиков — 2901, слесарей-механиков — 2664, каменщиков — 2293, столяров — 1657, сапожников — 1491, маляров — 863, типографских рабочих — 819, каменотесов — 766, портных — 681, столяров-полировщиков — 636, ювелиров — 523, плотников — 382, кожевников — 347, жестянщиков — 277, литейщиков — 224, шапочников — 210, формовщиков — 157, преподавателей — 106 и т. д. Эти данные о профессиональном составе осужденных лучше всего свидетельствуют о том, среди каких классов находила Коммуна своих сторонников. Физическое уничтожение лучших представителей парижского рабочего класса сказалось на экономическом развитии страны: нужда в квалифицированной рабочей силе долго еще давала себя знать.

Ужасна была судьба коммунаров, приговоренных военными судами. Их увозили в версальские тюрьмы, на пла-

вучие тюрьмы (пентоны) Шербурга и Бреста, где они гибли от голода, болезней, жестокого обращения тюремщиков. Только по официальным данным, преуменьшенным по крайней мере вдвое, там погибло 1179 человек. Не менее страшна была судьба коммунаров, приговоренных к каторге и ссылке. Ее отбывали главным образом во французской колонии — Новой Каледонии. Жестокий режим тюрем и крайне суровые, нездоровые климатические условия часто сводили заключенных в могилу. В первый же год заключения умерли члены Коммуны Пийо и Вердюр, журналист Г. Марото и многие другие. Бежавшие из ссылки в марте 1874 г. члены Коммуны П. Груссе и Журд добрались до Англии. Они опубликовали брошюру, в которой разоблачали перед всем миром ужасы этих «лагерей смерти» и жестокое обращение властей с пленными коммунарами.

Тяжела была участь и тех коммунаров, которым удалось бежать в соседние страны. Волна эмигрантов-коммунаров хлынула прежде всего в Швейцарию и Бельгию, а затем уже в наиболее безопасную для них страну — Англию. 21 июля 1871 г. старый борец за рабочее дело И. Ф. Беккер писал из Женевы своему боевому другу Зорге в Америку: «На нас здесь свалилось больше, чем можно выдержать... После падения Коммуны опять понадобились новые усилия, новые жертвы и новый риск, чтобы извлечь как можно большее число из преследуемых побежденных. И в какой ужасной нужде прибыли сюда эти «грабители»! Некоторые из них — с женами и детьми, вплоть до грудных младенцев... Итак, следует скрывать их здесь, пока это будет возможно, или отправлять людей, спасенных ценой таких жертв, в новый путь, на сей раз в Англию»¹⁸. В Лондоне, где находился Генеральный совет Международного товарищества рабочих, собралось наибольшее количество коммунаров. Туда добрались Э. Вайян, Аллеман, Грапже, Камелина, Ланжевен, Лиссагаре, Ш. Лонге, Эд. Ж. Валлес, Тейс, Серраье, Франкель, Делайе, Роша, Бастелика, Шален, Жоанпар, Сикор, Жаклар и др. Об ужасном материальном положении, в котором они очутились, рассказывает письмо от 21—22 декабря 1871 г. Кугельману от старшей дочери Маркса — Женни. «Последние три недели я бегаю из одного лондонского предместья в другое, что в этом огромном городе не малое дело,

¹⁸ «Первый Интернационал...», стр. 218—219.

а потом нередко до часу ночи пишу письма. Цель этих поездок и писем — добывать средства для помощи эмигрантам... Подлая клевета бессовестных газетчиков так настроила англичан против коммунаров, что все смотрят на них с нескрываемым ужасом. Наниматели не хотят иметь с ними дела. Люди, которым удалось получить работу под вымышленным именем, подвергаются увольнению как только обнаруживается, кто они такие». Далее она описывала ужасную нужду эмигрантов: «Страдания их неописуемы: они буквально умирают с голоду на улицах этого огромного города... Уже более пяти месяцев Интернационал содержит, точнее говоря, поддерживает между жизнью и смертью большинство эмигрантов». Женни заканчивала письмо: «Можете себе представить, дорогие друзья, как все эти трудности и тревоги беспокоят бедного Мавра»¹⁹.

Эмигранты-коммунары нуждались и в моральной и в материальной помощи. Центром этой помощи и забот о них стал Маркс. Все секции Интернационала были привлечены к этой работе: производились сборы средств, организовывалась всяческая помощь коммунарам и их семьям. В письме к Зорге К. Маркс сообщал, что он «потерял почти пять месяцев на хлопоты об эмигрантах»²⁰.

Маркс помогал и тем членам Коммуны, которые находились под следствием и томились в тюрьмах. Для этой цели он связывался с адвокатами коммунаров, присылал им различные материалы и документы, стремясь облегчить им трудное дело защиты версальских пленников. Так, например, Маркс связался с адвокатом Л. Бигго, защитником бывшего члена Коммуны Асси. Маркс помогал организации побегов коммунаров, скрывавшихся в подполье во Франции, снабжая их иностранными паспортами. В письме к профессору Бизли от 12 июня Маркс рассказал об этом: «Одна моя приятельница через 3—4 дня едет в Париж. Я дам ей самые настоящие паспорта, чтобы она отвезла их некоторым членам Коммуны, которые сейчас еще скрываются в Париже»²¹. Благодаря организованной Марксом помощи некоторые члены Коммуны перебрались за границу и спаслись от тьеровских палачей.

¹⁹ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 42. («Мавром» называли Маркса в семейном кругу).

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, стр. 167.

²¹ «Первый Интернационал...», стр. 141.

27 июля 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Работа для Интернационала огромная, а к этому еще прибавилось наводнение Лондона эмигрантами, о которых мы должны заботиться»²².

Через месяц, 25 августа, он сообщил члену немецкой секции Интернационала в Нью-Йорке Ф. Больте, что положение эмигрантов-коммунаров в Лондоне «поистине ужасно» и «Генеральный совет до сих пор делал все, чтобы спасти их от гибели, в то время как число эмигрантов с каждым днем все возрастает»²³.

В тот же день Маркс сообщал американскому прогрессивному журналисту, редактору газеты «SUN» («Солнце») Дана, что число эмигрантов в Лондоне быстро растет, а средства помощи иссякают. «Мы собираемся обратиться с призывом о помощи к американцам»²⁴.

Вскоре Генеральный совет Интернационала выпустил воззвание о сборе средств для эмигрантов-коммунаров.

Дом Маркса в те дни превратился в гостеприимный приют для коммунаров. Там они находили теплоту дружеских встреч, радушный прием, моральную и материальную поддержку. Вся семья Маркса включилась в работу по оказанию помощи.

Французское правительство обратилось с требованием ко всем правительствам о выдаче политических эмигрантов-коммунаров как «уголовных преступников». 6 июня 1871 г. министр иностранных дел Ж. Фавр разослал циркуляр всем европейским державам с призывом бороться с Интернационалом и совместными усилиями преследовать его членов. Маркс и Энгельс составили письмо, разоблачавшее Ж. Фавра; это письмо от имени Генсовета было опубликовано за подписью его секретаря Д. Хейлза в ряде газет. Разоблачительная кампания в прессе, поднятая Марксом и Энгельсом от себя лично и от имени Международного товарищества рабочих, устройство в различных странах сторонниками Интернационала массовых демонстраций и народных собраний с требованием права убежища политическим эмигрантам, — все это сдерживало неистовство версальских палачей и их приспешников.

²² Там же, стр. 152.

²³ Там же, стр. 158.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 404.

Парижская Коммуна, просуществовав 72 дня, была раздвлена союзом реакционных сил Франции и Германии. Но поучительный опыт первой пролетарской революции не забыт. Он является ценнейшим уроком в истории борьбы рабочего класса за свое освобождение. Недаром К. Маркс написал поистине пророческие слова: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса»²⁵.

Французская коммунистическая партия является хранительницей лучших боевых революционных традиций парижских коммунаров 1871 г. Ежегодно по ее зову в годовщину Парижской Коммуны собираются трудящиеся на кладбище Пер-Лашез, у стены коммунаров, чтобы почтить память героев. И каким символом явилась передача в июле 1924 г. французской компартией Советскому правительству и компартии Советского Союза на хранение красного знамени 67-го батальона Национальной гвардии 1871 г., свидетельствующая о преемственности революционных традиций, дружбе и братстве двух великих народов. Ныне это знамя хранится как дорогая реликвия в музее Маркса и Энгельса в столице нашей родины — Москве.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 366.

Глава VIII

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Без предварительной систематической идейной и организационной работы I Интернационала и прежде всего его вождя Маркса Парижская Коммуна была бы невозможна. Она являлась кульминационным пунктом всей деятельности Международного товарищества рабочих. Дух Интернационала витал над ней, хотя Генеральный совет не принимал непосредственного участия ни в подготовке, ни в организации ее. Энгельс справедливо утверждал в письме к Зорге, что Коммуна «была несомненно духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не пошевелил для того, чтобы вызвать ее к жизни»¹.

Мы уже знаем, как К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали политическую обстановку во Франции, сложившуюся в связи с франко-прусской войной и революцией 4 сентября, и какие задачи выдвигали они перед французским рабочим классом и его братьями на континенте (см. стр. 32 и 39). Но вот стихийно разразилась революция 18 марта. Прусская армия стояла у ворот Парижа. Опасность разгрома полчищами Бисмарка нависла, как дамоклов меч, над первой пролетарской революцией. Маркс, как подлинный вождь и активный участник мировых событий, не осуждает коммунаров, не бросает им упрека в преждевременности восстания, вопреки филистерским назиданиям оппортунистов всех стран. Нет! Геройская инициатива парижан приводит его в восхищение. «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! — писал Маркс Кугельману 12 апреля 1871 г. После шестимесячного голодания и разорения, вы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, стр. 373.

званного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией не было, как будто враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма!»². В другом письме, от 17 апреля, Маркс писал: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила, благодаря Парижской Коммуне, в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»³.

К. Маркс пристально следил за ходом разворачивавшейся классовой борьбы во Франции. Как только в Париже разразились решающие события, он старался наладить регулярную связь со своими друзьями и единомышленниками. Установить и поддерживать связь с Парижем, изолированным и оторванным от всего мира двойным кордоном версальских и прусских ищеек, было очень нелегко. Чрезвычайно трудно было вести в этих условиях регулярную переписку. В письме к Бизли от 12 июня 1871 г. К. Маркс рассказал, каким способом ему удавалось поддерживать эту связь с вожаками Коммуны. «Мои отношения с Коммуной поддерживались через одного немецкого купца, который в течение всего года разъезжает по делам между Парижем и Лондоном. Все передавалось устно, за исключением двух случаев»⁴.

² «Первый Интернационал...», стр. 134.

В феврале 1907 г., когда меньшевики выступили с злобным обвинением по адресу участников героического декабрьского восстания в Москве, заявив: «Не надо было браться за оружие», и ссылались на это письмо Маркса, В. И. Ленин в ответ на это написал подлинный гимн революционному делу: «12 апреля 1871 г. Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего».

Маркс, назвавший в сентябре 1870 г. восстание безумием, в апреле 1871 г., видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении... И он поет настоящую осанну руководимым прудонистами и бланкистами парижским «геройским» рабочим...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 376).

³ «Первый Интернационал...», стр. 135.

⁴ Там же, стр. 141.

Мы знаем уже, что Генеральный совет Интернационала направил в Париж О. Серрайе и Е. Тумановскую, которые пытались поддерживать связь с Лондоном. Серрайе свои письма адресовал жене, но предназначались они для Генерального совета, и в первую очередь для Маркса. Были у Маркса и другие источники информации. Из них следует отметить немецкого демократа-эмигранта в Париже Р. Рейнгарда, который старался пересылать ему по мере возможности пакеты с парижскими газетами. Наш соотечественник Лавров, живший тогда в Париже, также был связан с Марксом. Кроме этой нерегулярной и часто запаздывавшей информации о событиях, К. Маркс регулярно черпал сведения из английских и других газет, которые он ежедневно тщательно просматривал. Придавая исключительное значение событиям во Франции, Маркс с 18 марта по 1 мая 1871 г. вел регулярные записи в особой тетради, которая сохранилась и находится ныне в Москве, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

С гениальной прозорливостью величайшего теоретика и борца Маркс сумел разглядеть по первым шагам Коммуны ее всемирно-историческое значение. Он вместе с Энгельсом через своих друзей и последователей в Генеральном совете Интернационала сумел приковать к Парижской Коммуне внимание международного пролетариата. Маркс и Энгельс привели в движение все секции Интернационала, разъясняя им истинный смысл первой рабочей революции. В письме Л. Франкелю и Варлену от 13 мая К. Маркс сообщал: «Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения. Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается там контрабандным путем помещать сочувственные заметки»⁵.

С 28 февраля вплоть до 30 мая 1871 г. с повестки дня Генерального совета не сходили вопросы, связанные с движением парижских рабочих. 21 марта Ф. Энгельс сообщил Генсовету о событиях 18 марта в Париже на основании «информации, полученной от нашего Парижского комитета». «Ни один из членов Центрального Комитета,—

⁵ «Первый Интернационал...», стр. 137—138

говорил он, — не принадлежит к числу знаменитостей... но они хорошо известны в среде рабочего класса. В Комитет входят четыре члена Интернационала»⁶. К. Маркс предложил выделить делегацию для участия в митинге в Веллингтон-мюзик-холле в составе Уэстона, Хейлза, Юнга и Серрайе «для того, чтобы они призвали собравшихся выразить свое сочувствие парижскому движению»⁷. На заседании 28 марта по его же предложению было принято решение выпустить воззвание к народу Парижа, но 4 апреля, после того, как телеграф принес первые известия об открытии военных действий версальскими войсками, Энгельс заявил на очередном заседании Совета, что «Маркс считает выпуск воззвания в настоящий момент неуместным», с чем Генсовет согласился.

11 апреля Ф. Энгельс вновь выступил на заседании Генсовета о событиях в Париже. Он указал, что «пока Центральный Комитет Национальной гвардии руководил делами, они шли хорошо, но после выборов (в Коммуну. — А. С.) были разговоры и не было дела. Действовать против Версаля надо было именно тогда, когда он был слаб, но благоприятный момент был упущен, и теперь, по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан. Народ не долго будет терпеть, чтобы его вели к поражению... В июне 1848 г. битва закончилась в четыре дня, но тогда рабочие не имели пушек. Теперь это не закончится так быстро... Рабочих 200 000, они организованы гораздо лучше, чем при всех прежних восстаниях. Положение трудное, шансы не так хороши, как две недели назад»⁸. На заседании Генсовета 18 апреля Маркс вновь предложил «выпустить воззвание ко всему Интернационалу относительно общего направления (*general tendency*) борьбы»⁹. На заседании 25 апреля он сообщил, что воззвание должно быть закончено к следующему заседанию. В это время К. Маркс вплотную принялся за составление воззвания, но работа тормозилась из-за отсутствия необходимой информации из Парижа и плохого состояния его здоровья¹⁰.

⁶ «Первый Интернационал. », стр. 26.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ Там же стр. 36—37.

⁹ Там же, стр. 42.

¹⁰ 18 апреля 1871 г. Женни Маркс сообщила Кугельману: «Наш дорогой Мавр тяжело переживает нынешнее положение дел, и это, несомненно, является одной из главных причин его болезни. Мно-

26 апреля Маркс писал Л. Франкелю: «Генеральный Совет на этих днях опубликует воззвание по поводу Коммуны. До сих пор он откладывал этот манифест, так как ждал со дня на день точных сведений от парижской секции. Тщетно! Ни слова! Совет не может больше медлить потому, что английские рабочие с нетерпением ждут от него разъяснений»¹¹.

Работа над воззванием тянулась с 18 апреля по 29 мая. За это время Маркс набросал два черновых варианта его. 23 мая, на заседании Генсовета он заявил, что в ближайшие дни представит текст этого воззвания. Он высказал опасение, «что конец близок, но если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется своего освобождения»¹². По предложению Маркса, единогласно было принято решение, чтобы члены Совета — англичане образовали комиссию для выработки мер против варварских действий версальского правительства и устроили публичный митинг с целью мобилизации общественного мнения Англии против зверств приспешников Гьера.

30 мая 1871 г. К. Маркс зачитал на заседании Генерального совета полный текст окончательного — третьего — варианта воззвания, которое было единогласно одобрено и издано под названием: «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих». Впервые оно было опубликовано в Лондоне около 13 июня на английском языке в виде брошюры в количестве тысячи экземпляров. Вскоре потребовалось выпустить второе и третье издания. В июне-июле того же года оно было переведено Ф. Энгельсом на немецкий язык и тогда же опубликовано в социалистической газете «Volksstaat» («Народное государство»), частично перепечатано в журнале «Vorboten» («Предвестник») и выпущено отдельным изданием в Лейпциге. На французском языке оно было впервые опубликовано в газете «Internationale» («Интернационал») в июле — сентябре 1871 г. в Брюсселе

гие наши друзья участвуют в Коммуне. Некоторые из них уже пали жертвами версальских палачей» («Исторический архив», 1959, № 2, стр. 39).

¹¹ «Первый Интернационал...», стр. 136.

¹² Там же, стр. 65.

и в женевской «Egalité» («Равенство»), а отдельным изданием выпущено в 1872 г. в Брюсселе в новом переводе, под редакцией К. Маркса. В 1871 г. в Цюрихе было отпечатано первое издание этой работы на русском языке.

В течение 1871 и 1872 гг. «Гражданская война во Франции» переведена была также на итальянский, испанский и голландский языки и публиковалась в периодической печати разных стран. Она стала достоянием пролетариев всего мира. 18 июня К. Маркс сообщил Кугельману, что воззвание «производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего прозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатипятилетней болотной идиллии»¹³.

Ф. Энгельс писал В. Либкнехту 22 июня: «Воззвание вызвало здесь в Лондоне необычайный шум. Сперва попытались его замолчать, но это не удалось... И во всем Лондоне только и разговоров, что о нас. Разумеется, сплошной рев. Тем лучше»¹⁴.

Работа К. Маркса «Гражданская война во Франции» явилась итогом пристального изучения и теоретического обобщения опыта Парижской Коммуны, дальнейшим развитием и конкретизацией его идей о гегемонии рабочего класса в революции и учения о диктатуре пролетариата. Это документ величайшего теоретического и исторического значения, вошедший в золотой фонд марксизма. В нем К. Маркс вскрыл социальное и политическое содержание народной революции 18 марта 1871 г., раскрыл ее «тайну», показал ее цели и методы. Смело и решительно он выступил в защиту оклеветанных буржуазными писаками и полицейскими фальсификаторами коммунаров, пригвоздил к позорному столбу их палатей.

В. И. Ленин посвятил вдохновенные строки этому великому творению К. Маркса. Еще в 1907 г. он писал: «Маркс, не скрывая от пролетариата ни одной ошибки Коммуны, посвятил этому подвигу произведение, которое до сих пор служит лучшим руководством в борьбе за „небо“, — и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных „свиней“»¹⁵.

Еще в канун революции 1848 г. Маркс и Энгельс, по поручению «Союза коммунистов», членами которого они были, составили «Манифест Коммунистической партии». В этом программном документе основоположниками научного коммунизма была впервые сформулирована идея о всемирно-исторической роли рабочего класса как творце нового коммунистического общества. В «Манифесте» обобщена идея господства рабочего класса, т. е. диктатуры пролетариата. Но это учение Маркс и Энгельс могли тогда сформулировать только в самой общей форме.

Изучая опыт революции 1848 г. во Франции, К. Маркс пришел к выводу, что пролетариат — единственный класс современного общества, который не сможет себя освободить от цепей политического и экономического рабства, если он не поставит перед собою задачу сломать старый государственный аппарат буржуазного эксплуататорского общества, созданный для угнетения и закрепощения огромного большинства народа в интересах кучки эксплуататоров. Этот вывод К. Маркс сформулировал в своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта», опубликованной в 1852 г. Там он писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину (государственную власть эксплуататорского общества. — А. С.) вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»¹⁶.

Под этим углом зрения и подходит Маркс к изучению опыта парижских коммунаров. В живом творчестве масс гений Маркса смог обнаружить подтверждение своих теоретических выводов, почерпнуть материал для новых обобщений, обогащающих его теорию, извлечь из него уроки тактики. 12 апреля 1871 г. Маркс писал Л. Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего „18 брюмера“, ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей»¹⁷.

¹³ «Первый Интернационал...», стр. 143.

¹⁴ Там же, стр. 145.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 378

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 8 стр. 206

¹⁷ «Первый Интернационал...», стр. 134.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс как раз и раскрывает — ярко, зримо, впечатляюще — политическое и социальное содержание и исторический смысл этой героической попытки парижан, выясняет главный урок марксизма о задачах пролетариата в революции по отношению к буржуазному, эксплуататорскому государству.

«Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?» — спрашивает К. Маркс. И он отвечает: «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»¹⁸.

Во втором варианте «Гражданской войны во Франции» К. Маркс подробно выясняет, почему пролетариат не может, как это делали до него господствующие классы, просто овладеть старым механизмом буржуазного государства, сменив его руководство, чтобы пустить в ход эту готовую силу для собственных целей. «Первое условие для удержания политической власти — переделать традиционный рабочий механизм государства и уничтожить его как орудие классового господства», ибо «политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения»¹⁹.

Парижская Коммуна в своей практике, опыте, творчестве масс впервые в истории общества конкретно ставила и решала вопросы строительства нового пролетарского государства. И Маркс гениально осмыслил этот творческий опыт масс. Парижская Коммуна «как политическая форма экономического освобождения труда», — вот то новое, что узрел он в Коммуне. И он стал страстным пропагандистом этого нового опыта, «нового исходного пункта всемирно-исторической важности»²⁰. Отныне учение Маркса о диктатуре пролетариата облекалось в плоть и кровь нового исторического опыта, переводилось на живой, зримый, конкретный язык фактов классовой борьбы.

С чего же должен был начать пролетариат, чтобы, разрушая старую эксплуататорскую государственную маши-

ну, создать свои новые формы власти? Каково было государство, которое начала создавать Парижская Коммуна? Нужно было прежде всего закрепить ту силу, которая дала власть Коммуне — силу вооруженных рабочих. И К. Маркс отмечает: «Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли рабочие. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»²¹.

Именно в том, что народ не разоружился после революции, а вооруженную силу национальных гвардейцев, т. е. рабочих, одетых в мундиры федератов, превратил в основу нового государства, Маркс видел прежде всего особую и новую черту революции 18 марта. «Новая ее черта, — писал он в первом наброске „Гражданской войны“, — заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов своей собственной правительственной машиной»²².

Маркс перечислял меры, которые вели к разрушению старой буржуазной государственной машины и орудий ее угнетения — уничтожение полиции, отделение церкви от государства и экспроприация церковного имущества, сменяемость судей и всех чиновников, — все эти меры вели к одному — к слову старого буржуазного государства эксплуататоров и угнетателей.

Что же пыталась поставить Коммуна на место старой государственной машины? Первый и основной признак Коммуны как новой формы господства пролетариата Маркс видел в том, что «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»²³.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 346.

¹⁹ Там же, стр. 597.

²⁰ Из письма К. Маркса Кугельману от 17 апреля 1871 г. («Первый Интернационал...», стр. 135)

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 342.

²² Там же, стр. 561.

²³ Там же, стр. 342.

Выборность, ответственность и сменяемость в любое время руководящих должностных лиц,— это основное начало в работе государственного аппарата Коммуны,— второй признак новой власти. «На деле эта (буржуазная.— А. С.) государственная власть была лишь *паразитическим наростом* на теле нации. Задача состояла в том, чтобы *отсечь* чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и *передать ответственным слугам общества*» (курсив наш.— А. С.)²⁴.

Всякий чиновник получал обычную зарплату рабочего; он мог быть смнен в любое время. Выборный чиновник превращался в обычного счетчика, бухгалтера, надсмотрщика общественных функций. «Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого,— писал Маркс,— всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров»²⁵. Все это вело к «отсечению» угнетательских функций старого государства, уничтожению его «паразитического нароста» и означало утверждение совершенно нового принципа государственности — «управление народа посредством самого народа»²⁶. В этом как раз и проявлялось совершенно новое начало: *«не старый парламентаризм, а „народ, конституировавшийся по коммунам“»*²⁷.

Полная выборность и сменяемость всех должностных лиц, работающих под контролем масс,— это являлось неслыханным новшеством в государственной жизни.

Маркс, в отличие от прудонистской болтовни о федерализме коммун и анархистской фразы бакунистов об уничтожении централизованного государства и замене его самоуправляющейся общиной, утверждал, что «если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в

провинции». Но это «самоуправление производителей» означало, что «Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы»²⁸. Объединение таких коммун означало возрождение единства нации. Маркс особо подчеркивал, что организуя единство нации и являясь истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, Парижская Коммуна была «и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова»²⁹.

Отмечая эти основные признаки Парижской Коммуны как новой формы государства рабочих, Маркс указывал, что она осуществила две важные меры — создала дешевое правительство и заложила фундамент действительно демократических учреждений. «Но ни дешевое правительство, ни „истинная республика“ не были конечной целью ее; они были только сопутствующими ей явлениями»³⁰, — писал он. Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Маркс утверждает, что процесс преобразования старого эксплуататорского общества в новое коммунистическое — это длительный во времени процесс, когда изменяются и обстоятельства, объективные условия, порождающие их, и люди и их сознание. «Для того чтобы добиться своего освобождения, — писал Маркс, — и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей»³¹.

Недрузья Коммуны обвиняли вожakov движения в том, что они хотели «ввести социализм». Мнимые друзья пытались обвинить Коммуну как раз в обратном: в ее деятельности, якобы, не было ничего социалистического, вся ее политика не затрагивала основ эксплуататорского общества. Всем этим злопыхателям Маркс отвечал предельно

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 344.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 350.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 219.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 343.

²⁹ Там же, стр. 350.

³⁰ Там же, стр. 345.

³¹ Там же, стр. 347.

четко и ясно. «Великим социальным мероприятием Коммуны было *ее собственное существование, ее работа*. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить *только направление*, в котором развивается управление народа посредством самого народа»³² (курсив наш. — А. С.). Еще яснее это положение Маркса выражено в первом наброске «Гражданской войны»: «Величайшим мероприятием Коммуны является *ее собственное существование, ее работа, ее деятельность* в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной, в действительности увенчивает только правительство рабочих Парижа! Они ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества! Но подлинный „социальный“ характер их Республики заключается лишь в том, что Парижской Коммуной управляют рабочие! Что же касается их мероприятий, то они, естественно, должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением»³³.

Бессмертное творение К. Маркса вошло в теоретическую сокровищницу научного коммунизма как один из краеугольных его камней. По богатству идей, заложенных в этой работе и выраженных в предельно четкой и яркой форме, с талантом и блеском, присущим гению Маркса, «Гражданская война во Франции» представляет неисчерпаемый источник мысли. И хотя со времени создания этого произведения прошло более 90 лет, еще многие поколения борцов всего мира за дело рабочего класса будут черпать в нем свои идеи и свое вдохновение.

Здесь мы далеко не исчерпали всех идей и положений, к которым К. Маркс пришел уже в мае 1871 г. в результате изучения первого опыта пролетарской диктатуры. Мы смогли затронуть только основные мысли этого гениального произведения. Из всего богатства развитых К. Марксом и Ф. Энгельсом положений об опыте Коммуны остановимся еще только на одном, нашедшем дальнейшее развитие в новой исторической обстановке XX века в учении Ленина о руководящей роли рабочего класса в революции и союзе с крестьянством.

Хотя эти идеи в основе были сформулированы Марксом еще во время и после революции 1848 г., но свое дальней-

шее развитие они нашли в работе «Гражданская война во Франции» на опыте Парижской Коммуны. Они широко разработаны Марксом в первом и втором вариантах этой работы. В сжатом и концентрированном виде они нашли свое выражение в третьем окончательном варианте этого произведения.

Анализируя положение различных классов современного ему французского общества, Маркс писал, что ни мелкая, ни средняя буржуазия в силу своего экономического положения уже не способны начать новую революцию. Им остается либо идти за господствующим классом, либо за пролетариатом. «Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой»³⁴.

Перечисляя различные политические и социальные мероприятия Коммуны, проведенные в интересах средних классов, Маркс показал, как она, проходя, мимоходом, удовлетворяла в то же время интересы крестьянства. «Коммуна, как мы показали, — писал Маркс, — является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий, спасти его, с одной стороны, от экспроприации крупным землевладельцем, и избавить его, с другой стороны, от каторжного труда и нищеты, на которые он обречен под предлогом мнимой собственности; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда... Получив сразу выгоды от Республики Коммуны, он скоро проникся бы доверием к ней»³⁵.

Уже теми мероприятиями, которые в течение короткого времени своего существования удалось провести Парижской Коммуне, она открыла путь к сердцам и интересам

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 350.

³³ Там же, стр. 561—562.

³⁴ Там же, стр. 547.

³⁵ Там же, стр. 557.

8 сентября 1872 г. К. Маркс выступил на интернациональном митинге в Амстердаме. И здесь в своей речи он снова счел необходимым остановиться на вопросе о завоевании власти пролетариатом и путях перехода к бесклассовому коммунистическому обществу. Резко осудив анархистов и бакунистов, призывавших рабочих не участвовать в политической борьбе и отрицавших необходимость завоевания политической власти пролетариатом, Маркс отметил, что Гаагский конгресс I Интернационала выполнил важнейшую задачу, провозгласив необходимость для рабочего класса вести решительную борьбу со старым, буржуазным обществом в политической и социальной областях. Он приветствовал постановление Гаагского конгресса, включившего в устав Интернационала положение о том, что «в своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами. Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов... Завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата»⁴⁰.

Маркс подчеркивал при этом, что пути прихода рабочего класса к власти не будут всюду одинаковыми. «Мы никогда не утверждали, — говорил он, — что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами. Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами». Отмечая полную возможность и вероятность для некоторых стран такого мирного пути, К. Маркс подчеркивал, что «в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда»⁴¹.

Все эти положения, включенные тогда в основные уставные и программные документы I Интернационала (на Лондонской конференции 1871 г. и Гаагском конгрессе

1872 г.), разработанные Марксом и Энгельсом, были прямым результатом изучения опыта борьбы парижских коммунаров, результатом анализа успехов и поражений Парижской Коммуны.

Через двадцать лет после Парижской Коммуны, в марте 1891 г. Ф. Энгельс написал подробное предисловие к вновь переиздававшемуся на немецком языке труду К. Маркса «Гражданская война во Франции». И здесь он снова счел необходимым вернуться к вопросу о буржуазном государстве и его природе, отношении к нему борющегося пролетариата. о путях и средствах борьбы за власть, но уже в новых исторических условиях, когда учение Маркса одержало решительную победу в рабочем движении всех стран, когда знаменем эпохи стал марксизм. Ф. Энгельс заканчивал это предисловие замечательными словами: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»⁴².

Заслуги К. Маркса и Ф. Энгельса в обобщении и теоретическом осмысливании опыта Парижской Коммуны бессмертны. Сама Парижская Коммуна в своей повседневной героической борьбе и работе была по сути дела проверкой на практике их основных идей, за которые они неустанно и систематически боролись более четверти века до нее.

Парижская Коммуна была началом и нового этапа международного рабочего движения. Дальнейшее его развитие должно было обязательно учитывать также и опыт Коммуны.

В. И. Ленин жил и творил в другую эпоху, чем его предшественники и учителя — К. Маркс и Ф. Энгельс. Капиталистическое развитие в этот период во всем мире гигантски шагнуло вперед. Империализм означал более высокую ступень, высшую стадию капитализма. Но он в то же время являлся его последней стадией, когда вполне созрели объективные условия для социалистической революции.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 18, стр. 143.

⁴¹ Там же, стр. 154.

⁴² Там же, т. 22, стр. 201.

французских крестьян. У нее не осталось времени разрешить кровные, но более сложные жизненно важные для французского рабочего крестьянина вопросы, как вопрос об огромной ипотечной задолженности, которая тяготела над крестьянской парцеллой, о все возрастающем сельском пролетариате, о коренном улучшении экономического и социального положения крестьянина труженика. «Только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян»³⁶ все эти вопросы. Вот почему крестьяне вскоре бы провозгласили городской пролетариат своим руководителем и старшим братом, писал Маркс.

Итак, если попытаться выявить основную идею этой гениальной работы Маркса, то ее можно свести к следующему положению: завоевание политической власти пролетариатом ведет не к овладению готовой государственной машиной эксплуататорского общества, а обязательно к ее «разрушению», к ее «разбитию» и замене ее новым пролетарским государством, образцом которого была Парижская Коммуна.

Маркс и Энгельс придавали настолько важное значение этим своим теоретическим выводам из опыта Парижской Коммуны, что сочли необходимым в 1872 г. внести дополнение к переизданию «Манифеста Коммунистической партии», где, как известно, ими впервые была сформулирована идея диктатуры пролетариата. В предисловии к этому изданию они писали, что, несмотря на изменившиеся условия за последние 25 лет, прошедшие со времени появления «Манифеста», развитые в нем «общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и в настоящее время». Практические требования и революционные мероприятия «Манифеста», конечно, определяются местными историческими условиями и нуждаются с течением времени в изменениях. «В настоящее время, — продолжали они, — это место во многих отношениях звучало бы иначе». Это диктуется теми изменениями за последние десятилетия в развитии крупной промышленности и роли рабочего класса в обществе, в росте его партийной организации, которые произошли повсюду; «ввиду практического опыта сначала февральской революции (1848 г. — А. С.), а потом, еще в большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение

двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела». В чем же она устарела? Маркс и Энгельс отвечают: «В особенности Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“»³⁷.

Таким образом, учитывая опыт Парижской Коммуны, Маркс и Энгельс сочли необходимым дополнить свои теоретические положения о господстве рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму, которые они сформулировали еще в 1847 г. Маркс и Энгельс точно указывают, в каком направлении и в каком смысле должны быть дополнены и изменены эти положения «Манифеста» в связи с теми выводами, которые были сделаны в «Гражданской войне во Франции».

Маркс неоднократно возвращался к изложению этих выводов. 25 сентября 1871 г., в связи с семилетием существования Интернационала, в Лондоне было созвано торжественное собрание, председателем которого был К. Маркс. Выступая на этом собрании, он говорил об огромных успехах Международного товарищества рабочих, особенно в связи с Парижской Коммуной. «Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна представляла собой — и об этом не может быть двух мнений — завоевание политической власти рабочим классом». Основная задача этой новой власти заключалась в том, чтобы передать все средства труда производителям и тем устранить основу классового господства и угнетения. «Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, — подчеркнул Маркс, — необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы»³⁸.

Первую годовщину Парижской Коммуны Генеральный совет Интернационала решил отметить митингом в Лондоне. Маркс написал для этого случая проект резолюции, в которой вновь охарактеризовал «героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества»³⁹.

³⁷ Там же, т. 18, стр. 90.

³⁸ Там же, т. 17, стр. 438.

³⁹ Там же, т. 18, стр. 51.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 349.

В период от Парижской Коммуны до первой русской революции (1905 г.) учение Маркса и Энгельса одержало блестящую победу в международном рабочем движении в борьбе с многочисленными течениями утопического и сектантского мелкобуржуазного социализма. Рабочее движение в основных странах капитализма приобрело широкий размах и отлилось в организованные формы социалистических партий, профессиональных союзов и кооперативов. И, конечно, величайший теоретик и вождь международного пролетариата не мог пройти мимо всемирно-исторического опыта парижских коммунаров. Во все периоды своей творческой деятельности В. И. Ленин не раз обращался к опыту Парижской Коммуны, к ее завоеваниям и ее ошибкам. Ибо великий вождь мирового пролетариата еще в 1905 г. указывал, что «на плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»⁴³.

В статье «Уроки Коммуны» (1908 г.) Ленин писал: «При всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века... Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»⁴⁴.

Особенно плодотворным и частым было обращение Ленина к изучению опыта парижских коммунаров во время первой империалистической войны, когда разразился величайший кризис мирового капитализма и когда ходом мировой истории перед рабочим классом были поставлены новые задачи.

Первая мировая война принесла и кризис социализма. Позорный крах II Интернационала и быстрый распад интернациональных связей означал переход подавляющего большинства официальных представителей социалистических партий в лагерь социал-патриотизма и оборончества, означал измену делу Маркса — Энгельса.

Только единственная партия в мире — российские большевики, выпестованная и руководимая В. И. Лениным, выстояла в этом мутном потоке шовинистического угара мировой войны.

Ленин и большевики отстаивали интернационалистскую честь и правоту идей Маркса и Энгельса. Именно потому Ленин и партия большевиков стали центром притяжения

левых групп из всех стран, центром сплочения интернациональных сил в борьбе за создание нового, действительно революционного III Интернационала.

Теоретические занятия Ленина, посвященные вопросу о государстве, его классовой природе и сущности, о диктатуре пролетариата и революции, приобретали самое первостепенное злободневное значение для всего международного рабочего движения, ибо определяли путь борьбы пролетариата за свое освобождение в самом ближайшем будущем. Эта работа диктовалась еще и тем обстоятельством, что в предыдущий «мирный» период рабочего движения главными официальными представителями социалистических партий II Интернационала было больше всего напущано и извращено в учении Маркса и Энгельса о революции и государстве, забыт опыт Парижской Коммуны и нужно было восстановить подлинный революционный дух марксизма. Эту благородную историческую миссию история возложила на вождя и учителя международного пролетариата — В. И. Ленина.

Теоретические работы Ленина того периода — «философские тетради», «тетради по империализму» и «синяя тетрадь» — «Марксизм о государстве», — были связаны в один узел, служили единой практически-политической задаче — найти выход из созданного гигантскими империалистическими противоречиями тупика мировой войны и измены вождей II Интернационала, указать пути борьбы российскому и международному пролетариату.

Именно в этот период Ленин особенно часто берет на вооружение опыт Парижской Коммуны. Н. К. Крупская, вспоминая об этом периоде швейцарской эмиграции, писала: «Ильич готовился; читал и перечитывал Маркса, читал все, относящееся к Парижской Коммуне, изучал, как, при каких условиях была взята власть парижскими рабочими, почему она пала»⁴⁵. В борьбе с социал-шовинистами и центристами он часто ссылается на почин парижских коммунаров. Уже в статье «Война и РСДРП», написанной Лениным в сентябре 1914 г., определялась позиция большевиков по отношению к начавшейся мировой империалистической войне. «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну, — писал он, — есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый

⁴³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 330.

⁴⁴ Там же, т. 16, стр. 453.

⁴⁵ «Ленинский сборник», т. XI. М.—Л., 1931, стр. 98.

опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами»⁴⁶.

Тезис о превращении империалистической войны в гражданскую по опыту Парижской Коммуны и первой русской революции становится стержнем всех статей и выступлений В. И. Ленина в военный период. В брошюре «Социализм и война»⁴⁷, написанной в июле-августе 1915 г., Ленин подробно освещает все вопросы, связанные с империалистической войной, вскрывает ее причины, указывает пролетариям единственно правильный выход из нее. «Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую, — писал Ленин. — Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не созрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелкобуржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после несомненно ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непросто мириться с отказом от деятельности в духе парижских коммунаров»⁴⁸.

В. И. Ленин объявил беспощадную войну социал-шовинистам и центристам. Он не устал повторять, что есть только один революционный выход из войны — этот выход показали парижские коммунары. «Образцом тактики для рабочих является Парижская Коммуна 1871 г. и октябрь — декабрь 1905 г. в России, т. е. революция»⁴⁹.

В этой титанической борьбе Ленину приходилось не только отстаивать честь и правоту марксистской теории, но и разрабатывать эту теорию дальше, применительно к новым историческим условиям и новым задачам, которые выдвигались международным рабочим движением.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 22.

⁴⁷ Эта работа на русском и немецком языках была тогда напечатана в Женеве, а затем переведена на французский и норвежский языки.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 325.

⁴⁹ Там же, т. 27, стр. 2.

Ленин и раньше многократно высказывался по всем этим вопросам, но особенно много внимания стал уделять им с конца 1916 г., когда он начал систематически собирать и конспектировать необходимый материал в тетради «Марксизм о государстве». Эта работа — образец творческого марксизма. В ней собраны воедино все высказывания Маркса и Энгельса о государстве, диктатуре пролетариата (в частности, на основе опыта Парижской Коммуны) как переходном периоде от капитализма к коммунизму, о неизбежности разнообразия форм перехода различных стран к социализму, о возможности для некоторых стран мирного перехода к социализму.

Вместе с этим в работе имеется много ленинских мыслей и суждений в связи с высказываниями классиков марксизма. В ней заключено также много новых положений, замечаний, обобщений, рожденных ленинским гением на основе нового исторического опыта. Здесь мы укажем только на те ленинские идеи, которые высказаны им в связи с анализом опыта Парижской Коммуны. Ленин выбирает и группирует все высказывания классиков марксизма (хронологически) по вопросу о задачах предстоящей революции в политической области (в ее отношении к государству), которые должны доказать основной вывод Маркса из опыта Парижской Коммуны: необходимость «разбить» готовую буржуазную государственную машину и заменить ее новой, пролетарской.

Путем скрупулезного анализа различных марксовых формулировок и выражений Ленин вскрывал подлинный революционный смысл учения Маркса о Коммуне как о диктатуре пролетариата.

В этой связи особенно следует выделить мысль Ленина о «соединении диктатуры пролетариата с полным самоуправлением», которую он особенно подчеркивает в теоретическом плане. И чтобы сделать эту мысль Маркса более отточенной, Ленин разъясняет: «Буржуазия переняла от феодальной + абсолютной монархии „чиновнически-военную“ государственную машину и развила ее. Оппортунисты (особенно 1914—1917) выросли в нее (империализм, как эпоха в передовых странах, вообще громадно усилил ее). Задача пролетарской революции: „разбить“, сломать эту машину, заменить ее полнейшим самоуправлением внизу, на местах, и *прямой* властью вооруженного пролетариата, его диктатурой, наверху.

Чем объединить, связать общины? Ничем, говорят анархисты (α). Бюрократией и военной кастой, говорит (и делает) буржуазия (β). Союзом, организацией вооруженных рабочих («*Советами рабочих депутатов*!»), говорит марксизм (γ)»⁵⁰.

Ленин очень тщательно делал выписки из работы Маркса «Гражданская война», в особенности относящиеся к уяснению вопроса «чем была Коммуна» и подвел итоги: «Итак, коммуна „определенная форма“ пролетарской социалистической республики. В чем же именно это проявилось? Какова именно эта „определенная форма“?» — спрашивает Ленин. Он перечисляет девятнадцать признаков этой новой формы власти и делает такой вывод: «Основная идея Маркса: завоевание политической власти пролетариатом не есть овладение „готовой“ государственной машиной, а (I) „разбитие“, разрушение ее и замена новой ... (II) Замена постоянной армии вооруженным народом... (III) Уничтожение бюрократии, судей в том числе: (α) прогнать „hohe Staatswürdenträger“, „высших государственных чиновников“; (β) свести остальных на чисто исполнительную роль; (γ) сменяемость; (δ) плата обыкновенного рабочего. (IV) ... Замена парламентского народного представительства... „коммунальным“ („коммунальное устройство“), т. е. и законодательным и исполнительным в одно время... (V) Местное самоуправление без надзора и опеки государства сверху (VI) ... Полная демократия вообще»⁵¹. В. И. Ленин указывает в этой связи, что русская революция 1905 г. «подошла к этому же приему, с одной стороны, слабее (более робко) подошла, чем Парижская Коммуна, с другой стороны, показала шире «Советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов»⁵².

Здесь В. И. Ленин формулирует новый тезис величайшего исторического и теоретического значения, который явился дальнейшим развитием марксизма в новых условиях войны и революции, — тезис о Советах рабочих депутатов, как новой форме пролетарской власти. Он писал: «Можно, пожалуй, кратко, драстически (метко. — А. С.), выразить все дело так: замена старой („готовой“) госу-

дарственной машины и парламентов *Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами. В этом суть!»⁵³

В работе «Марксизм о государстве», Ленин воскресил к новой жизни «забытые слова марксизма» о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, о Парижской Коммуне, возродил революционный дух марксова учения по этим вопросам, дополнил это учение новым положением о Советах как органах диктатуры пролетариата по типу Парижской Коммуны. Тем самым он вооружил международный и прежде всего российский пролетариат новым действенным оружием, открыв перед ними путь к светлому будущему всего человечества — коммунизму.

В феврале (марте) 1917 г. рабочие и крестьяне России под руководством партии Ленина свергли царское самодержавие. В России произошла буржуазно-демократическая революция. Ленин узнает об этом в далекой Швейцарии 2(15) марта и уже через пять дней пишет знаменитые «Письма из далека», в которых он определил дальнейшую задачу российских пролетариев — переход ко второму этапу революции, к социальной революции, к созданию пролетарского государства. Он выдвинул перед трудящимися задачу создания нового типа государства — республику Советов по типу Парижской Коммуны. Ленин писал там: «Лозунг момента — организация... Рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна совсем иная, не только обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской Коммуны 1871 года, они создали *Совет рабочих депутатов*»⁵⁴.

Чем должны быть Советы рабочих депутатов? Ленин отвечает ссылкой на свою старую статью «Несколько тезисов», которую он опубликовал еще 13 октября 1915 г., в которой Советы рассматривались «как органы восстания, как органы революционной власти». «Это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, должно быть пояснено и конкретнее развито на основе практических указаний именно данного этапа именно данной революции в России»⁵⁵.

14 (27) марта, перед возвращением на родину, Ленин выступил с докладом в Цюрихском Народном доме на

⁵³ Там же, стр. 231.

⁵⁴ Там же, т. 31, стр. 38.

⁵⁵ Там же, стр. 39.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 155.

⁵¹ Там же, стр. 227.

⁵² Там же, стр. 229.

собрании швейцарских рабочих о русской революции, ее значении, ее задачах. Там он вновь вернулся к вопросу о государстве переходного периода. «Оппортунисты, господствовавшие во II Интернационале, исказили учение Маркса и Энгельса о государстве революционного периода, — писал Ленин. — Маркс учил, учась из опыта Коммуны 1871 г., что рабочий класс „не может просто овладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить его собственным целям“. Пролетариат должен *разбить* эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это — то, что оппортунисты (социал-патриоты) и каутскианцы (социал-пацифисты) или оспаривают или затушевывают. Это *важнейший* практический урок Парижской Коммуны и русской революции 1905 года... *непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих. Это то государство, какое нам требуется*»⁵⁶.

Вернувшись из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г. ночью, Ленин выступил на следующий день на двух собраниях, в ЦК партии и в Таврическом дворце с знаменитыми «апрельскими тезисами», опубликованными в «Правде» 7 апреля под заголовком «О задачах пролетариата в данной революции», в которых он научно обосновал план перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и наметил тактику партии в этих условиях. В этих тезисах Ленин вновь поставил вопрос об отношении пролетариата и его партии к государству и выдвинул «наше требование „государства-коммуны“, „то есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна»⁵⁷.

В этот период Ильич особенно много говорил и писал об опыте Коммуны, об ее уроках и в свете новых задач, поставленных историей (в условиях мировой войны и начавшейся революции в России) призывал следовать примеру парижских коммунаров. В брошюре «Задача пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)», написанной Лениным перед Всероссийской конференцией партии (24—29 апреля 1917 г.), он вновь вернулся к вопросу о новом типе государства, выраставшем в нашей революции. Этой теме он посвятил специальный раздел. Ильич указал, что Советы рабочих депутатов не

поняты еще не только с точки зрения их классового содержания, их роли в русской революции, но и как новый тип государства. До сих пор считали, что наиболее совершенным и передовым из буржуазных государств является парламентская демократическая республика «Но революционные эпохи, — писал Ленин, — начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством. Это — государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В этом суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно „ввести“ социализм. Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах»⁵⁸.

27 апреля Ленин выступил на петроградской общегородской конференции большевиков с докладом «О текущем моменте и об отношении к Временному правительству». В этом докладе он говорил: «Что такое Совет рабочих и солдатских депутатов?.. Парижская Коммуна дала нам образец государства типа Совета рабочих депутатов — прямой власти организованных и вооруженных рабочих, — диктатуры рабочих и крестьян.. Чтобы удержать свободу, необходимо поголовное вооружение народа, — вот в чем *суть Коммуны*... Нужны по всему государству такие *Советы рабочих и прочих депутатов, это требование жизни. Другого пути нет. Это и есть Парижская Коммуна!*»⁵⁹. Эти положения Ленин вновь развил в докладе на VII Всероссийской конференции большевиков.

Разъяснению этих положений Ленин уделил в этот период огромное внимание. Он вновь и вновь возвращался к их обоснованию. В статье «О компромиссах» Ленин писал, что большевики учили опыт Парижской Коммуны, они многому научились после 1871 г. «Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинца-

⁵⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 76.

⁵⁷ Там же, стр. 116.

⁵⁸ Там же, стр. 162.

⁵⁹ Там же, стр. 243—244.

ми, финляндцами и проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше „козырей“ в руках, чем у Коммуны.. И победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году»⁶⁰.

В другой замечательной работе — «Удержат ли большевики государственную власть» он вновь вернулся к вопросу о Советах рабочих депутатов как новой форме пролетарского государства по типу Парижской Коммуны. «Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* „государственным аппаратом“ являются русские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На это обстоятельство,— писал Ленин,— я указывал много раз, начиная с 4-го апреля 1917 г., об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе»⁶¹.

Все эти высказанные в отдельных выступлениях, докладах, статьях положения о Советах как государстве типа Парижской Коммуны, о пролетарской диктатуре как центральном пункте учения марксизма о государстве и революции Ленин подробно развил и обосновал в своей книге «Государство и революция (учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции)». Эта замечательная работа вошла в золотой фонд теории научного коммунизма и является образцом творческого марксизма.

В этой работе Ленин во всех подробностях анализирует все высказывания классиков марксизма о Парижской Коммуне, как диктатуре пролетариата, выясняет *чем и как* заменила Коммуна разбитую буржуазную государственную машину. «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества,— писал Ленин,— Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов,

здесь *нет*»⁶². В этой связи Ленин развивает положение, что пролетариат вполне может и должен обойтись без буржуазного парламентаризма, но без представительных учреждений «даже и пролетарская демократия обойтись не может».

Ленин обратил особое внимание на мысль Маркса (из работы «Гражданская война») о функциях тех служащих, которые еще нужны и Коммуне и Советам рабочих депутатов; он сравнивает их со служащими «всякого другого работодателя» — рабочими, надсмотрщиками, бухгалтерами. «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть и речи. Это — утопия,— писал Ленин.— Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая очередная задача революционного пролетариата»⁶³. Намечая гениальную программу будущей пролетарской революции, Ленин писал: «Мы не утописты. Мы не „мечтаем“ о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения.. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без „надсмотрщиков и бухгалтеров“ не обойдутся... Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих... Вот задача конкретная, практическая.. учитывая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной»⁶⁴. Так ставил вопрос В. И. Ленин в августе-сентябре 1917 г., накануне Великой Октябрьской социалистической революции, снова возвращаясь к вопросу об использовании опыта Коммуны. И он призывал: «Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-наступных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма»⁶⁵.

В последующих выступлениях и статьях, когда

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 137.

⁶¹ Там же, стр. 303.

⁶² Там же, т. 33, стр. 47—48.

⁶³ Там же, стр. 48—49.

⁶⁴ Там же, стр. 49—50.

⁶⁵ Там же, стр. 117.

уже была установлена Советская власть, В. И. Ленин неоднократно возвращался к опыту Парижской Коммуны. В замечательной статье «Как развивать соревнование», написанной в январе 1918 г., он намечает грандиозный план организации массового соревнования, смелого почина снизу, которое впервые втягивает действительное большинство трудящихся «на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами. Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование»⁶⁶. Учитывая все трудности на этом новом пути и новизну и грандиозность задачи, Ленин призывает учиться у Парижской Коммуны. «Парижская Коммуна показала великий образец сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма, — писал Ленин. — Наши Советы идут по тому же пути»⁶⁷.

Выступая 24 января 1918 г. на третьем Всероссийском съезде Советов с отчетным докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров за два с половиной месяца со времени образования Советской власти в России, Ленин считает необходимым с самого начала отметить особенности и преимущества Октябрьской революции в России по сравнению с Парижской Коммуной.

Среди важнейших преимуществ, достигнутых Советской властью, Ленин отмечает проведение национализации банков, конфискации крупной собственности на землю и создание Красной Армии, «что французская Коммуна XIX в. начала создавать, но создала лишь на короткий промежуток, потому что она была разгромлена буржуазией»⁶⁸.

Парижская Коммуна дала новый тип государства переходного периода, который всем своим строем отношений втягивал в политику огромные массы народа, осуществляя на деле «демократию для бедных». Именно поэтому власть Советов — Советы рабочих и крестьянских депутатов, — в противоположность парламентской демократии, является таким же по типу государством, как и Парижская Ком-

муна. В докладе на VII съезде партии 8 марта 1918 г. Ленин говорил, что мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне. В наших Советах «создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны... мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть»⁶⁹. Эта черта Советской власти является характерной особенностью пролетарской демократии. «Возьмите устройство государства... В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок — тем более искусных и верно действующих, чем развитие „чистая“ демократия, *отталкивают* массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д., — писал Ленин. — Советская власть *первая* в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению»⁷⁰. И развивая это положение, Ленин приходил к выводу: «Пролетарская демократия *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»⁷¹. Это очень важное положение Ленин развивает неоднократно, в ряде своих работ.

20 января 1919 г., в докладе на втором Всероссийском съезде профсоюзов, В. И. Ленин говорил: «Советское движение перестало быть русской формой власти пролетариата, оно стало позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом во всемирном развитии социалистической революции. Первым шагом была Парижская Коммуна, которая показала, что к социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров»⁷². В «Письме к рабочим Европы и Америки» Ленин снова со всей силой подчеркнул эту мысль: «Советская власть»

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 195—196

⁶⁷ Там же, стр. 203.

⁶⁸ Там же, стр. 270.

⁶⁹ Там же, т. 36, стр. 50.

⁷⁰ Там же, т. 37, стр. 256.

⁷¹ Там же, стр. 257.

⁷² Там же, стр. 439.

есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его „Гражданской войне во Франции“, показал, что Коммуна создала *новый тип* государства, *пролетарское государство*»⁷³.

Республика Советов продолжила дело Парижской Коммуны. Ее вдохновителем, творцом и руководителем был великий В. И. Ленин и вышестоявшая им партия коммунистов. Дело парижских коммунаров, их славные революционные традиции подхватили русские рабочие и беднейшие крестьяне. Парижская Коммуна нанесла первый удар по буржуазному государству. Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла сокрушительный удар по мировой системе империализма. Впервые в истории родилась страна социализма. Она открыла новую эру в мировой истории, эпоху перехода от капитализма к социализму.

Советский Союз воплотил многое из того, о чем мечтали лучшие люди Коммуны: в нашей стране, как и в странах социалистического лагеря, владыкой мира стал труд. С чувством глубокого уважения и симпатии советские люди чтут память славных парижских коммунаров, а их опыт, ошибки, поражения и достижения вошли в общую сокровищницу революционного опыта мирового пролетариата. В славной героической борьбе за пролетарскую диктатуру наша партия и прежде всего ее создатель и вождь В. И. Ленин выковывали свое идейное и теоретическое оружие, всегда учитывая и опыт Парижской Коммуны. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас»⁷⁴. В статье «Памяти Коммуны», посвященной ее сорокалетию, В. И. Ленин дал блестящую оценку ее бессмертного подвига. «Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат». «Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»⁷⁵.

Ныне треть человечества строит свою жизнь, руковод-

ствуясь всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма «Коммунизм, который когда-то был лишь мечтой, стал величайшей силой современности, обществом, создаваемым на огромных пространствах земного шара»⁷⁶.

Пройден огромный путь, политый кровью лучших борцов за народное счастье. Ныне в Советском Союзе и странах народной демократии идеи, за которые боролись парижские коммунары, стали правдой жизни, воплотились в реальность. И благодарные потомки с чувством глубокой признательности и гордости вспоминают бессмертный подвиг своих братьев — парижских коммунаров. Их подвиги и чаяния вдохновляют современных борцов всего прогрессивного человечества.

⁷⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 3—4

⁷³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 457

⁷⁴ Там же, т. 20, стр. 222.

⁷⁵ Там же, стр. 221—222.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, тт. 8, 12, 16, 17, 18, 22, XXIV, XXVI.
 К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, II. М., 1955.
 В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 9, 13, 16, 20, 24, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37.
 В. И. Ленин. Конспект первой части книги Г. Лефрансе «Очерк движения парижских коммунаров в 1871 г.» (Из неопубликованных рукописей В. И. Ленина). «Иностранная литература», 1957, № 4.

II. Пресса и документы

- «Journal officiel de la République française», 19 mars — 24 mai 1871.
 «La Marseillaise». 1869—1870. Редактор Рошфор.
 «La Commune». 1871. Редактор Делималь.
 «La Sociale» 1871 и «La Patrie en danger», 1870. Редактор Бланки.
 «Le Combat» и «Le Vengeur». 1870—1871. Редактор Пиа.
 «Le Père Duchêne». 1871. Редактор Вермерш.
 «Le Réveil» и «Réveil du peuple». 1868—1871. Редактор Делеклюз.
 «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». Документы и материалы. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Госполитиздат, 1942.
 «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Ред. колл.: В. П. Волгин, Э. А. Желубовская, А. И. Молок. Т. I и II. Изд-во АН СССР, 1959, 1960.
 «Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны». М., 1933.
 «Письма рабкоров Парижской Коммуны». Под ред. Адоратского. М., Партиздат, 1933.
 «Бессмертная Коммуна». Воспоминания ветеранов — участников Парижской Коммуны. М., 1928.
 А. И. Молок. Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах (хрестоматия). Л.—М., 1925.

- «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871». (Сборник документов). М.—Л., 1933.
 «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», v. I—III. Versailles, 1872.
 «Les Murailles politiques françaises», v. I—II. Paris, 1874.

III. Мемуары и исторические работы

- J. Allemane. Mémoires d'un communard. Dès barricades au bagne. Paris, 1910; Рус. пер.: Ж. Аллеман. С баррикад на каторгу. Л., 1933.
 A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris. V. I—III. Bruxelles, 1878; Рус. пер.: А. Арну. Народная история Парижской Коммуны. Пг., 1919.
 A. Bebel. Aus meinen Leben. Berlin, 1953; Рус. пер.: А. Бебель. Из моей жизни. М., 1963.
 A. Blanqui. La critique sociale. V. 1—2. Paris, 1885; Рус. пер.: О. Бланки. Избранные произведения. М., 1952.
 G. Bourgin. Histoire de la Commune. Paris, 1907; Рус. пер.: Ж. Буржен. История Коммуны. М.—Л., 1926.
 M. Choury. Paris livre. Les origines de la Commune. Paris, 1960; Рус. пер.: М. Шурп. Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. М., 1961.
 M. Choury. La Commune au Quartier Latin. Paris, 1961.
 J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960.
 J. Duclos. A l'assaut du ciel. La Commune de Paris annonciatrice d'un monde nouveau. Paris, 1961; Рус. пер.: Ж. Дюкло. На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестница нового мира. М., 1962.
 L. Dubreilh. La Commune (1871). Histoire Socialiste (1789—1900). V. XI. Paris, 1906; Рус. пер.: Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 г. М., 1920.
 G. Le français. Souvenirs d'un révolutionnaire. Bruxelles, 1902; Рус. пер.: Г. Лефрансе. Воспоминания коммунара. Л., 1925.
 P. O. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Bruxelles, 1929; Рус. пер.: Лиссагарэ. История Парижской Коммуны. СПб., 1906.
 L. Michel. La Commune. Paris, 1898; Рус. пер.: Л. Мишель. Коммуна. Л., 1926.
 G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, 1871; Рус. пер.: Г. Молинали. Красные клубы во время осады Парижа. СПб., 1871.
 P. Proudhon. De la capacité politique des classes ouvrières. Paris, 1864; Рус. пер.: П. Ж. Прудон. Французская демократия. СПб., 1867.
 Elie Reclus. La Commune de Paris au jour le jour. Paris, 1909.
 A. Thiers. Notes et souvenirs de T. Thiers. Paris, 1904.
 A. Thomas. Le Second Empire (1852—1870). Paris, 1907. (Histoire Socialiste. V. X); Рус. пер.: А. Тома. История Второй империи. 1908.
 J. Vallès. L'insurgé. Paris, 1950; Рус. пер.: Ж. Валлес. Инсургент. М., 1960.

- М. V u i l l a u m e. Mes cahiers rouges au temps de la Commune. Paris, 1910; Рус. пер.: М. Вильом. В дни Коммуны. Л., 1926.
- Э. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.
- В. З а с у л и ч. Очерки Международного товарищества рабочих. В кн.: З а с у л и ч. Сб. статей, т. I. СПб., 1907.
- П. К е р ж е н ц е в. История Парижской Коммуны. М., 1959.
- С. К у н и с к и й. Русское общество и Парижская Коммуна. Отклики в России на франко-прусскую войну и Парижскую Коммуну. М., 1962.
- П. Л а в р о в. Парижская Коммуна. 18 марта 1871 г. Л., 1925.
- Н. Л у к и н. Парижская Коммуна 1871 г. Избранные труды, т. II. М., 1962.
- А. Л у р ь е. Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1958.
- Маневич, Алексеева и Тепер. Коллекция изданий Парижской Коммуны в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Труды библ., 1957.
- А. М о л о к. Германская интервенция против Парижской Коммуны. Л., 1939.
- «Парижская Коммуна». Сб. статей под ред. Н. Лукина. М.—Л., 1932.
- «Парижская Коммуна 1871 г.» Под ред. Э. Желубовской, А. Манфреда, А. Молока, Ф. Потемкина. Т. I, II. М., 1960, 1961.
- «Парижская Коммуна в борьбе за демократизацию школы». Материалы и документы. М., 1958.